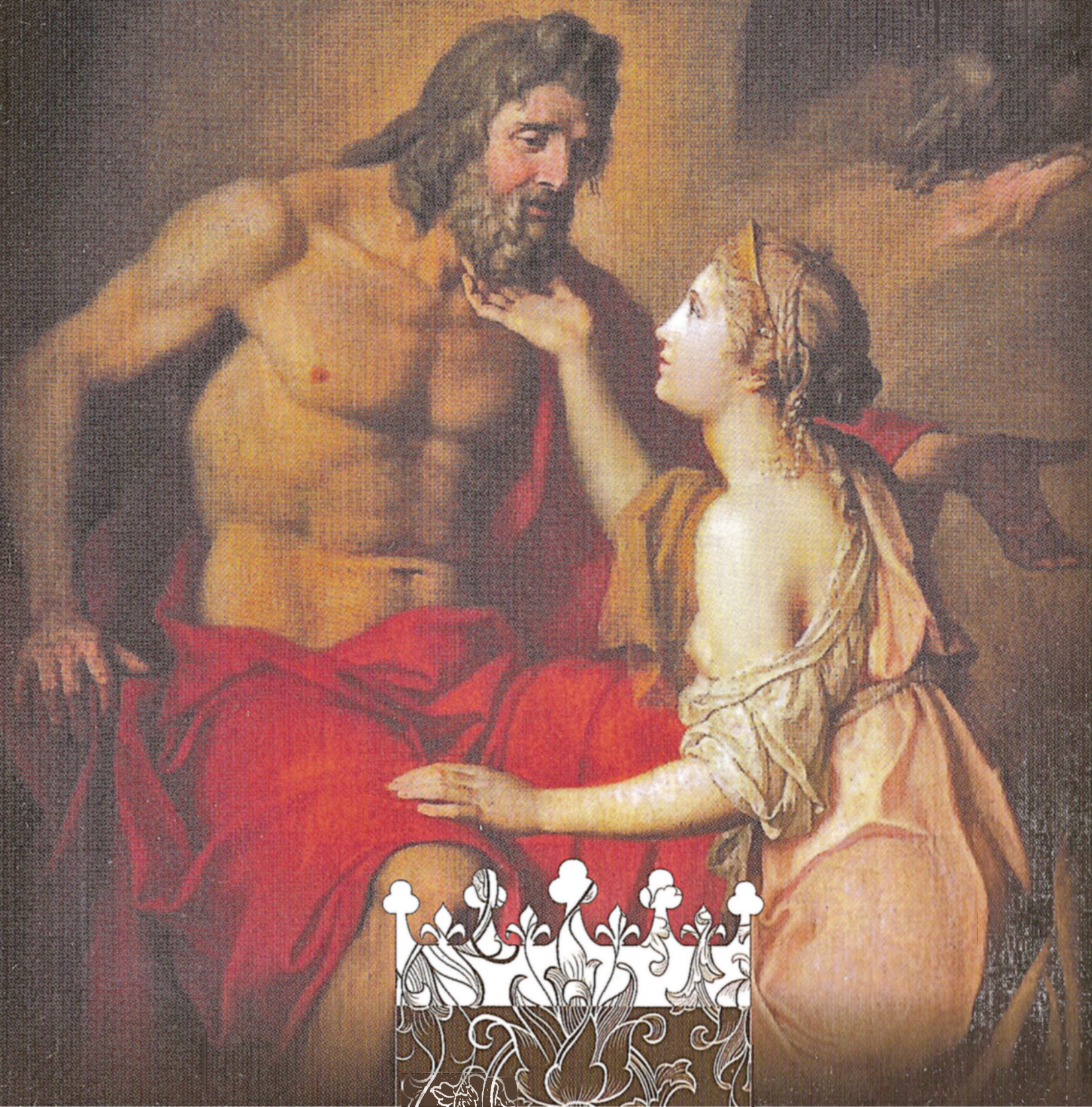

МОРИС ДРЮОН

Дни людей
Дневники Зевса

Дневники Зевса

**Заря богов
Дни людей**

Морис Дрюон

Дни людей
Дневники Зевса

Санкт-Петербург, «ИД Домино»
Москва, «ЭКСМО»
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
Д 78

Maurice Druon
LES MÉMOIRES DE ZEUS
Copyright © Maurice Druon 1967

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Перевод с французского Л. Ефимова

Оформление С. Ляха

Д 78 **Дрюон М.**
Дни людей. Дневники Зевса / Морис Дрюон ; [пер. с
фр. Л. Ефимова]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. —
304 с.

ISBN 978-5-699-41387-4

Когда люди представляют себе древнегреческих богов, они видят их сидящими на престолах или возлежащими на роскошных ложах. Однако из дневников Зевса мы узнаем, что жизнь небожителей была трудна и сурова, ведь работа по созданию и обустройству мира требовала огромных, титанических усилий. Боги, как и люди, могли ошибаться, им были не чужды такие чувства, как любовь и ненависть, доброта и зависть. И хотя их время ушло, они еще вполне могут вернуться, чтобы посмотреть, как мы, люди, распоряжаемся созданным ими миром...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

© Ефимов Л., перевод с французского, 2009
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-41387-4 ООО «Издательство «Эксмо», 2010

*Зевс, повелитель бессмертных, властитель природы,
законом
Путь указующий миру, тебя нам приветствовать
должно.
Жизнью обязан тебе одному на земле многогородной
Всякий, кто в смертного доле движенью
и звуку причастен.*

Клеанф

*На самом деле мир плохо устроен, если Зевс не желает
сделать своих сограждан подобными ему самому —
счастливыми.*

Эпиктет

Продолжение

Итак, я, Зевс, царь людей, царь богов, рассказал вам о начале мира и о моем собственном происхождении. Я поведал о царствовании моего деда Урана Небесного, создателя жизни, и моего отца, Крона-пожирателя, разрушителя счастья. Я вам рассказал о моем тайном рождении, о моем сокрытом детстве, о моей войне с отцом и его братьями титанами. Рассказал о первых эрах моего царствования, о моих первых трудах, первых любовных увлечениях и их плодах. Я говорил о Гее-Земле, Великой богине-матери, моей и вашей прародительнице, столь часто будоражившей наши судьбы, и еще о многих других вещах и о многих других богах, которые, находясь под моей властью, способствуют сохранению Вселенной в том виде, в котором она существует.

Таким образом, спустя две тысячи ваших лет некоторые из вас вновь услышали мой голос и вновь узнали, что мое имя значит «свет» и значит «жизнь».

Я не день; я его свет. Я управляющая суть всего, что блестит, освещает, излучает, искрится — как в небесах, так и в душах. Я повелеваю блеском молнии и блеском всякого творения. Я присутствую в самом слабом свечении, исходящем от звезд; в каждом из вас я — та зона сознания, которая позволяет вам нащупы-

вать путь в ваших собственных потемках. Я игла света, что оплодотворяет яйцо ночи.

Растения обращаются к свету, чтобы расти. Когда их стебли и венчики тянутся ко мне, вы не говорите, что они поклоняются мне; вы говорите, что они живут.

Свет — зародыш огня; тень — питающее яйцо.

Я вам рассказал, как я взял в супруги свою сестру, темноволосую, крутобедрую Геру, богиню ночи, и как наше бракосочетание было отпраздновано на Олимпе.

Тут-то, дети мои, я вас и оставил. Возобновляю свой рассказ.

Седьмая эпоха

ДЕТИ ГЕРЫ

**Начало свадебного путешествия.
Гефест. Его рождение и его уродство.
Его падение в волны**

Вечером, после свадебного пира, в котором участвовали все бессмертные и тогдашние смертные, мы с Герой отправились в долгое путешествие через все края нашей земной державы.

Дочери от моих первых союзов были нашей торжественной свитой. Каждый вечер на новом месте нимфы готовили для нас огромное золотое ложе. Я удалялся туда со своей супругой, и за нами закрывали расшитый звездами полог.

Поутру люди видели, как поднимается большое золотистое облако, откуда выскальзывают блестящие капли росы: это перевозили наше ложе. Там, где мы любили друг друга, тотчас же вырастали пышные травы и благоуханные цветы: изнеженный гиацинт, шафран, а порой влажный лотос.

Народы благословляли наше прибытие. Мы, повелители черных туч и белой молнии, повсюду приносили с собой оплодотворяющие дожди.

Так мы посетили зеленую Эвбею, чьи леса склоняются к морю, и оставили ее навсегда богатой плодами, щедрыми жатвами и высокими подсолнухами, а также настоящими людьми, которые любого человека воспринимают как брата и как равного.

Мы были в Аттике, были в Арголиде, окрасив ее глубокие охристые лощины зеленью. Мы останавлива-

лись на многих островах, которые, растянувшись от Греции до Азии, составляют путь богов...

Первое разочарование нас ожидало на Самосе. Там Гера произвела на свет Гефеста. Мы-то воображали, что плодом наших совершенных ночей будут только совершенные боги. Однако тот, кого мы породили, оказался уродлив. У него было курносое личико, слишком большая голова, слишком широкие плечи и короткие вывернутые ноги, обрекавшие его на вечную хромоту. Я не смог скрыть досаду. Неужели это тот самый задуманный мною сын? Я сравнивал его с великолепными богинями, которые рождались от меня прежде: с музами, горами, грациями. Все мои дочери были красивы, даже мойры, даже трагическая Персефона. Прекрасные и легкие, как геспериды, прекрасные и сильные, как Афина. Все, кто меня окружал, смотрели на жалкого уродца и уныло переглядывались. Я искал причину неудачи. В чем была ошибка и кто виноват? Неужели этот колченогий малыш был намеком на то, что дети, рожденные в браке, удаются хуже, чем дети свободной любви?

Гера легко догадалась о моих мыслях, ее страдания усилились. Обычно столь спокойная, столь хорошо умевшая напускать на себя величественность, она вдруг показала, на какие внезапные вспышки ярости способна, когда житейские неурядицы задевают ее гордость.

— Не хочу такое чудовище! — вскричала она. — Я рожу тебе других детей, гораздо красивее!

И, схватив младенца за кривые ножки, она швырнула его с Самоса как можно дальше, на север.

Признаюсь, я не сделал ничего, чтобы остановить ее.

Бедный Гефест, дрыгая в воздухе своими розовыми вывернутыми ножками, описал длинную дугу над

Хиосом и Лесбосом и бултыхнулся головой в море близ Лемноса. Волны проглотили его.

Я испытал одновременно успокоение и стыд.

— Это наш дядюшка Океан посоветовал мне завести сына. Ну что ж! Пусть его и получит! — сказал я, чтобы скрыть угрызения совести.

Хоть я и не дошел до пожирания своего ребенка, но разве не повел себя как мой отец Крон, истреблявший собственное потомство?

Прорицание Реи. Рождение Илифии. Храмы Пестума. Обязанности Илифии

Мы продолжили наш путь, сделали много остановок на берегах ближней Азии, коснулись Родоса, потом Крита. Я старался выглядеть оживленным, но на сердце было тяжело. Я усердствовал в своих царских делах, определяя будущее областей, через которые мы проходили. Отправлял Ириду-посланницу с повелениями богам: «Тут хочу цивилизаций, там хочу храмов...» Так можно свершать большие дела, имея при этом тайную рану в душе. Я носил в себе тень, омрачавшую дни; даже залитые светом берега порой завлекаются туманом. Наваждение, о котором мы с Герой не осмеливались говорить, и ночью не покидало нас.

Я вновь с волнением увидел родной Крит, где мое изображение, появившееся задолго до меня самого, по-прежнему возвышалось на горе. Вместе с Герой мы навестили нашу мать Рею, и та приняла нас печально и напыщенно, по-прежнему кутаясь в свои вдовьи покрывала. Я не заметил большой искренности в пожеланиях счастья, которыми она приветствовала нас. Теперь Рея наравне с прародительницей Геей почиталась Великой богиней-матерью и в этом качестве также давала прорицания. Отсутствующий взгляд, напряженное лицо с выражением изнеможения и му-

ки, рука, прижатая к увядшей груди... Рея изрекла следующее:

Близ матери уст рождение родится.
Павший в волны огонь вернется под землю.
Пустыни плодом станет дающая свежесть.
Лязгом воздух наполнит сеятель войн.

Мы поблагодарили Рею и удалились.

— Что она хотела этим сказать? — спросила меня Гера.

— Думаю, прорицала по поводу наших детей.

— Мы же ни о чем не спрашивали.

— Нет, но думали об этом.

Мы оба успокоились, лишь когда в Кампании, что у итальянских берегов, Гера родила нашу дочь Илифию. Мы склонились над малышкой, едва она появилась на свет. Уж она-то была, благодарение Судьбам, вполне нормальной. Мы осмотрели ее со всех сторон: ручки-ножки прямые, тельце вылеплено хорошо, голова и шея пропорциональны. Я радостно вскричал:

— Храмы, храмы, чтобы навсегда отметить это счастливое событие!

Мой голос достиг Пестума, где в будущем предстояло воздвигнуть святилища в честь олимпийцев, одновременно гигантские и соразмерные, столь явно внушенные гению человека гением богов, что еще и сегодня, когда вы приближаетесь к их руинам, вас наполняет, возвышает, возвеличивает чувство восторга и счастья.

Кто не видел, как свет и тень чередуются под этими золотистыми колоннадами, тот не созерцал поступь богов. Но камни фронтонов разошлись, кровли обрушились.

Вы, смертные дети мои, больше не поклоняетесь нам. Однако вас сменили животные и растения. Акант

и смоковница тянут к нашим алтарям свои резные листья; мята и чабрец источают запахи среди мраморных плит; вороны уютятся во фризах; голубка воркует на капители. Жизнь продолжает почитать нас.

Илифия быстро выросла в богиню и стала такой, какой и остается: крепкой, но без изящества, с мясистыми, проворными руками и чуть хрипловатым голосом. Она скорее энергична, чем соблазнительна. Но в том деле, для которого она предназначена, красота ни к чему. Илифия — божество, покровительствующее деторождению. Ее задача — помогать богиням и смертным в этих трудах. Присев на корточки перед тужащейся роженицей и воткнув рядом с собой факел, чтобы выманить ребенка на свет, она облегчает роженице муки; ни одно разрешение от бремени не может обойтись без Илифии.

Так прояснилась первая часть пророчества Реи. Ведь Илифия, богиня рождений, сама родилась близ города Кум — древнего оракула, то есть в одном из мест, где Великая мать и ее прапраправнучки объявляют решения Судеб, впрочем не понимая их.

**Брошь Тефиды.
Гефест занимает место среди богов.
Его нрав и труды**

Мы продолжили наше путешествие. Двигаясь вдоль берегов Лация, Этрурии, Прованса, останавливаясь на какое-то время у наших родственников — бога реки Тибр, богини реки Роны, — мы обогнули широкий голубой бассейн, вокруг которого предстояло возникнуть вашим городам, искусствам и торговле.

Однако, двигаясь вдоль берегов Иберии, мы вдруг увидели, как из воды вышла Тефида, супруга Океана, явившаяся поприветствовать наш свадебный кортеж. На ее груди, удерживая складки волн, красовалась большая брошь восхитительной резьбы, где тысячами огней искрились драгоценные морские камни. Ни одна из богинь, даже Афродита, не владела подобным сокровищем, и пока ни один бог не мог такое сотворить.

— Кто преподнес тебе этот восхитительный дар? — спросила Гера, чьи глаза блеснули вожделением.

— Один божественный хромец, упавший в море возле Лемноса.

Мы с Герой переглянулись, оценивая наш промах. Гефест! Гефест, от которого мы трусливо, постыдно хотели избавиться, бросив в волны! Это он тот мастер, что изготовил драгоценность. Разве не подобает нам гордиться сыном, который может создавать такие вещи, несмотря даже на его уродство?

Я поблагодарил Тефиду за то, что она приютила Гефеста, что заботилась и растила его в своих глубоко-водных дворцах на западе области гесперид.

— Но кто обучил его искусству и вдохновил на создание этой драгоценности?

— Никто. Хотя, скорее, нет: его благодарность. И желание быть любимым, — ответила Тефида. — Тот, кто не привлекает к себе любовь сам по себе, старается снизить ее своими делами.

— Как ты думаешь, простит ли он когда-нибудь своих родителей?

— Он только и ждет, когда вы раскроете ему свои объятия.

Дивная Тефида, самая младшая из титанид, достойная сестра Памяти, безупречная супруга Океана; плодovitая Тефида, мать трех тысяч рек, что орошают материки, и все еще достаточно богатая любовью и добротой, чтобы спасти и питать брошенных детей! И при этом ни слова упрека или порицания. Каждое из ее слов усугубляло мое замешательство.

Гера была смущена не меньше меня. Могла ли она забыть, что и сама когда-то была подобрана Тефидой и избежала богоубийственной ярости нашего отца Крона благодаря этой богине?

Но не в характере Геры признавать свои ошибки и показывать угрызения совести.

— Я знала, — сказала она Тефиде непринужденно, — что ты воспитаешь его лучше меня.

Именно на Сицилии, где вечно пересекаются дороги людей и богов, Гефест занял свое место среди нас. Я создал на высоты, что позже получают название Агригент, множество бессмертных, желая придать торжеству больше блеска. Даже мой почти слепой брат Аид поднялся из своего загробного царства, опираясь на руку Персефоны.

Увидев, как рыжий косматый Гефест с превеликим трудом поднимается к нашему собранию, втянув голову в плечи, спотыкаясь и хромая, я понял, что истинный виновник его уродства я сам. Если он родился безобразным, то лишь потому, что я таким его и задумал: сильным, чтобы служить мне, но достаточно уродливым, чтобы он никогда не смог сравняться со мной или меня оттеснить.

Для того, кто впервые ступал по твердой земле, равнина была бы удобнее, да и гостей могло бы быть поменьше. Гефест тогда еще не смастерил себе пару золотых костылей в виде нимф, которые появились у него позже и в конце концов придали его поступи странное и тяжеловесное достоинство. Пока же он, как мог, взбирался по склонам, ковыляя на своих вывернутых ногах. И на его сплющенное лицо смотреть было ничуть не приятнее, чем на ноги. Среди собравшихся раздались смешки, но я пресек их гневным взглядом, показывая, что сочту личным оскорблением любую обиду, нанесенную моему сыну. Маленькое искупление вины, которое мне ничего не стоило. Но уже стало понятно, что Гефест всегда будет вызывать насмешки богов, ведь боги не менее жестоки, чем люди.

Я был уверен, что мне нечего опасаться Гефеста, и постарался добиться у него прощения за столь незавидную долю. Сжал в объятиях, усадил рядом с собой и объявил во всеуслышание, что назначаю его хранителем божественного огня. Как лучше доказать свою любовь и доверие? Я отдал в руки своему первенцу божественный огонь, без которого ничто не может быть создано, но который также способен все уничтожить. Я отдал изначальную силу, которая на самом деле исходит от меня и за которой ко мне надо обращаться и ради жизни, и ради разрушения. Это все равно что разделить с сыном верховную власть. Также я подчи-

нил Гефесту циклопов и сторуких, сторожащих титанов в бездне Тартара. Ему надлежало быть огнем деятельным, огнем рабочим.

Слишком любимые дети, вырастая, ведут себя так, словно любовь им полагается. И наоборот, не слишком любимые восторгаются полученными подарками и считают, что обязаны их оправдать. Мой дорогой Гефест беспрестанно работал, чтобы удостоиться моих похвал и заслужить мою ласку. Он осыпал и меня, и мои народы гораздо большим количеством даров, чем я сам ему преподнес. Он — второй владыка огненной стихии; я распоряжаюсь небесным огнем, а он земным. Его обитель — подземное царство, где Аид Богатый снабжает его минералами. Его кузницы — вулканы, как свидетельствует об этом другое имя, которым вы его называете: Вулкан. И самая большая мастерская Гефеста расположена под Этной, где сторукие в его горнах раздувают огонь. На самом деле только это место ему по нраву; обнаженный по пояс, волосатый и потный, он ковыляет среди своих тиглей и приглядывает за плавкой, проверяет готовое литье, выдумывает новые сплавы, плющит золото, разливает бронзу, закаляет железо. Из его искусных и неутомимых рук выходят инструменты, оружие, статуи, драгоценные украшения. Среди созданных им шедевров называют обычно мои престол и скипетр, стрелы Аполлона, доспехи Геракла, щит Ахилла. А разве пустяки колесный обод, ножницы, пила, гвоздь, иголка? Сколько часов, веков, эр пришлось провести моему сыну Гефесту в темных подземных галереях и у раскаленных докрасна печей, прежде чем он выковал вам этот великолепный дар — иглу! Почитайте его, дети мои, Гефест — бог-труженик.

Так исполнилось второе пророчество Реи: об огне, брошенном в волны.

Когда вы, дети мои, прекрасным летним утром подниметесь к залитым светом агригентским храмам, к храму Геры или к моему собственному, когда прогуляетесь среди этих поверженных, но возвышенных камней, где наше вечное присутствие заслоняет руины вашего века, не премините зайти на поклон в храм Гефеста. Ни одно божество не заслужило вашей признательности больше, чем он. Этот кривоногий умелец с бугристыми плечами, этот трудолюбивый хромец — ваша заря. И не спрашивайте никого, откуда исходит это великое, невиданное спокойствие, что наполнит вас на вершине священного холма, — оно исходит из храма Согласия, который однажды был построен рядом с храмом Усилия, когда боги были счастливы.

С Сицилии мы перебрались в соседнюю Африку.

Продолжение путешествия.
Рождение Гебы, богини юности.
Рождение Ареса

Мы добрались до самых садов гесперид — края вечной весны, где под охраной змей зреют золотые яблоки.

Как-то вечером мы остановились на протяженных пляжах, которые окаймляют владения Океана. Пурпурная солнечная колесница погружалась в винноцветную, с перламутровыми отблесками воду. Мои дочери геспериды, рожденные Фемидой-Законом, подали мне знак не переходить границу затонувшего континента. Я обернулся и увидел Атласа — сына титана Иапета, — неподвижно державшего небо на плечах; согласно моему приговору. Есть равновесия, которые не стоит нарушать.

Мы вернулись северным побережьем Африки, неоднократно сворачивая в пески, более отдаленные от воды; оазисы — островки плодородия в бесплодном море пустыни — отмечают места наших привалов.

Так мы пришли в Египет, в область нашего родственника Нила, который несет свои густые, упругие, словно кровь, и регулярно пульсирующие паводками воды в темно-зеленой долине. Там хорошо заметно, что труды моей сестры Деметры были прерваны похищением Персефоны, поскольку растительность ограничивается узкой полосой по обе стороны реки; но зато какой богатой и плодоносной!

Геба, лучезарная Юность, ты стала третьим ребенком этого путешествия и родилась, как и предрекла наша мать Рея, в ливийской пустыне, по соседству с Египтом, близ других уст оракула. Ты должна была стать навсегда запечатленным образом Геры-девственности; ты стала также образом всех моих первых желаний, всех моих первых волнений: плечом Метиды, взором Мнемосины, грудью Фемиды, бедрами Деметры — всем, чем они были, всем, чем я уже не был.

Гера вскоре заметила, что я слишком люблю эту девочку, и решила скрыть ее от меня, приставив к домашним делам. Когда я звал Гебу, мне отвечали, что она занята, что выполняет какое-нибудь поручение Геры. То она готовила ванну для своей матери, наливая туда благовонные эссенции, то раскладывала по сундукам постельное белье, то следила за запряжкой колесницы. Я сердился. Служанка? Ладно! Но пусть тогда будет служанкой при мне. Она ведь *моя* юность. Желая видеть Гебу каждый вечер, я потребовал, чтобы она являлась к столу богов, молчаливо ходила туда-сюда меж гостей и, касаясь их прохладными руками, наклоняя свою легкую грудь, наливала в кубки амброзию — божественный, божественно-пьянящий напиток, который дает нам ощущение, будто мы остались такими же, как прежде, и будем такими всегда.

Позже, гораздо позже, любованье Гебой стало для меня мучительным, и я воспользовался случаем выдать ее замуж. Расскажу об этом, когда придет время...

Я обещал Гере показать все наши земные владения и продемонстрировать ее во всей славе. Однако прогулка затягивалась, работы хватало. Я удлинил прогоны. Пройдя через то, что потом станет Сирией, Вавилоном, Дрангианой, мы достигли берегов божественного Инда, где другие золотые яблоки зрели в другом саду, тоже под охраной змея. И опять однажды

утром мои дочери геспериды, подняв палец, дали понять, что дальше идти не стоит.

Ни один из богов, которых я породил, ни Дионис, ни Геракл, ни впоследствии Александр не переступали этот порог. Дороги их подвигов, их тягот и побед остановились на отмеченных гесперидами рубежах как на севере, так и на западе. Народы по ту сторону Пятиречья почитают меня под другими именами и знают в других обличьях. То, что здесь рассказано, касается на самом деле сознания только тех народов, что живут меж двумя садами.

Во Фригии, на обратном пути, был зачат наш сын Арес, бог войны; родился же он во Фракии, в краю суровых зим и непокорных коней. А вслед за тем и сама война подросла.

Исчезновение гигантов. Поиски травы, дающей неуязвимость

Вернувшись на Олимп, я узнал, что гиганты исчезли.

Вы ведь помните, кто они такие? Негодные братья Афродиты, порожденные увечьем Урана, сгусток примитивных, неупорядоченных энергий, вырвавшихся из-под контроля разума. Гиганты были всего лишь грубой силой, упрямой алчностью, жадой насилия. В количестве двадцати четырех они составляли гвардию моего отца Крона и при нем держали весь мир под своей пятой.

Наемники, скучавшие по исчезнувшему порядку, точнее, беспорядку, где единственным законом была их необузданность, гиганты сожалели о моем отце. Притворившись, будто покоряются моей победе, но по-настоящему меня так и не признав, они приносили мне разочарования во всем, что бы я им ни поручал. Выкопанные ими реки терялись в песках. В горах от их шагов срывались лавины. Они преследовали дочерей человеческих и совокуплялись с ними. Некоторые дурные примеси, что загрязняют вашу кровь, толкая к неистовым, глупым выходкам, унаследованы как раз из этого источника.

Когда мне все это вконец надоело, я выдворил их за Кавказ, и там, томясь от безделья, собравшись в кучу, они шептались, ворошили воспоминания и упор-

ствовали в нелепых надеждах. Я не придавал этому большого значения. Что они могли без своего прежнего владыки? Ведь мне были подвластны все боги. Это было ошибкой с моей стороны. Заговоры не становятся менее опасными оттого, что подготовлены глупцами, а власть не подвергается меньшей угрозе, если желающие захватить ее не знают, что с ней делать.

Однако гиганты, воспользовавшись моим отсутствием, ускользнули из своих загонов. Я тотчас же организовал погоню и узнал, что они рассеялись по всей земле в поисках травы, дающей неуязвимость.

— Это растение и впрямь существует, — объяснила мне моя тетушка Память. — Уран создал его и сокрыл в каком-то тайном месте; оно предназначалось для совершенной расы, расы человекобогов, которых Уран задумал создать. С помощью этого растения Уран хотел защитить их от любого посягательства. Эта трава все еще где-то растет. Если гиганты ее обнаружат, никакие удары не причинят им вреда и твое царство окажется в великой опасности.

Я немедленно запретил светить Солнцу и Луне, нагрозил черные тучи, чтобы скрыть даже свет звезд, и велел Эос, богине зари, не появляться без моего разрешения.

Затем, взяв с собой только Память, Афину и трехтелую богиню Гекату, сведущую во всяком волшебстве, отправился на поиски таинственной травы.

Тогда мир познал ночь, которая длилась гораздо дольше обычной. При свете одних лишь факелов Гекаты мы обошли многие равнины, взобрались на многие склоны. Мы искали в лесах, у корней мертвых деревьев, вдоль ручьев, в иле прудов и даже в снегах, что покрывают широкие и плоские пространства Севера. Мы обшарили глубокие долины меж великими горами Востока. И наконец нашли.

— Вот оно,— сказала Геката, ощупывая растение тремя парами своих рук.

— Узнаю его,— произнесла Память.

— Это может быть только оно,— подтвердила Афина, рассмотрев растение как следует.

Тогда я вырвал кустик со всеми его корнями и тоже спрятал, но в этот раз на небе, чтобы уже никто не смог им завладеть. Собственно, я возвратил его Урану. Вот там, дети мои, если когда-нибудь от вас народится совершенная раса, ваши потомки и смогут найти эту траву — на далеком небесном теле.

И заре снова было позволено сиять.

**Задиристость Ареса.
Битва с гигантами и Алоадами. Их разгром.
Запертый Арес. Увенчанный Гефест.
Прорицание Геры**

Между тем мой сын Арес за ночь моего отсутствия изрядно вырос, и по возвращении я обнаружил уже подростка с мечом в руке, который расхаживал туда-сюда по вершинам Олимпа и Пинда.

— Где они, эти гиганты, вот я с ними разделаюсь! — кричал он. — Давайте покажитесь, мерзавцы, и поскорее убирайтесь в ваш кавказский загон, если не хотите на собственной шкуре испытать, какого бога я сын. Ах, отец, почему ты не прикажешь покарать их?

Арес гневно тряс черными кудрями, низко падавшими ему на лоб, и рассекал воздух над горами широкими взмахами меча.

Он был красив, наш Арес, которого вы зовете также Марсом; его мать, глядя на него, могла гордиться. Высокий, широкоплечий, узкобедрый, под кожей перекатываются мускулы, круглый подбородок напряжен, взор сверкает темным бешенством — само олицетворение нетерпения и вызова. Арес хотел драться, но прежде всего хотел побеждать, брать верх, одолевать, видеть, как противники гнут хребет перед его волей. Однако, слишком угрожая злоумышленникам, порой подталкиваешь их к действию.

Гиганты напали на Олимп. Опять мы увидели, как из-за Карпат на нас хлынула их чудовищная, вопящая

орда; ее вел Алкионей, чья косматая голова почти касалась неба. Снова выскочили из-за Балкан Офион и Красный Порфирион, оба плешивые и в длинных шрамах, что остались от моей молнии с предыдущей войны. Вокруг них, перешагивая через горы, теснились: Клитий-драчун, вопивший о победе еще до вступления в схватку, Мимант, Тоон, Паллант, свирепый Агрий, широкий, ужасающий, волосатый Энкелад, Полибот — истребитель стад и другие... Их надувшиеся икры напоминали клубки змей. Они вырывали целые дубы, превращая их в дротики или палицы. Снова задрожали горы; воздух, наполненный грохотом, звоном и пылью, вздымался вихрями, и в этих вихрях мы узнавали гигантов. Опять на нас посыпались скалы и горящие деревья. Двадцать четыре бедствия, которые могут удручить мир: лавины, землетрясения, циклоны, лесные пожары, град, падеж скота... в общем, все, от чего стонут люди, было направлено против богов.

К нашим прежним врагам присоединились Алоады: Эфиальт и От, иначе говоря, Кошмар и Глупость, двое сыновей моего вечно недовольного брата Посейдона, два шалопая, каждый год выставлявшие на локоть в высоту и в ширину, чей рост, казалось, ничто не может остановить. Мимант, Тоон, Клитий и другие заморочили им голову рассказами о временах Крона.

Каждое из ваших поколений также производит своих Алоадов, которые путают суету с действием, лелеют прошлое, в котором не жили, и мечтают вернуть какого-нибудь Крона. От и Эфиальт орали, что горы побросают в море, а сушу зальют водой, то есть перекроют мир в конечном счете. Схватившись за Пелион, они уже начали громоздить его на Оссу, сооружая себе лестницу, чтобы взобраться на Олимп.

Каким бы остервенелым ни был натиск, я все же не вызвал из Тартара одноглазых и сторуких, которые

сторожили закованных титанов. Надо верно оценивать силы противника и в зависимости от этого решать, какие средства против него использовать. Для отражения атаки гигантов отнюдь не требовалось рисковать будущим Вселенной. Так что силы уничтожения остались там, где были: в своем подземном равновесии; я решил, что мы обойдемся нашим привычным оружием.

Боги сплотились вокруг меня, и каждый выбрал себе противника. Посейдон совершил свой первый подвиг. Отколов трезубцем оконечность острова Кос, он поднял в воздух эту огромную каменную глыбу и метнул в Полибота — пожирателя стад. Тот исчез в глубине моря, а расплющившая его скала, под которой он навсегда упокоился, стала островом Нисиром.

Не переставая орудовать молнией, я присматривал за своими сыновьями, ведь это была их первая битва. Особенно я опасался за Гефеста, который из-за своих увечных ног был в невыгодном положении. Но я изумился, видя, какие чудеса он творит. О! Он и не думал никуда бежать. Надежно опираясь о вулкан, он выуживал из кратера спекшуюся массу раскаленных минералов и верной рукой бросал в осаждавших. Так он попал прямо в лицо Клитию-бахвалу — и снес ему голову. Следующим рухнул Мимант, получивший огненным ядром в грудь. У Гефеста было уже две победы, но он ничуть не кичился этим, а склонившись к своему кратеру, выуживал новые метательные снаряды.

Зато Арес слишком много кричал, слишком суетился, слишком часто менял противника и забывал прикрываться. Его удары были мощными, но беспорядочными. Бросаясь то на один край битвы, то на другой,

Арес тем самым мешал мне. Я выкрикнул несколько советов, но он, оглушенный собственным криком, похоже, их не слышал.

Афина, как прежде, стояла подле меня и, держа драгоценную Эгиду, прикрывала нас обоих. Ах, какую успешную боевую пару составляли мы с моей дочерью! Все наши движения были согласованы и дополняли друг друга. Афина отбивала удары, предназначенные мне, я довершал то, что начинала Афина.

Когда гигант Энкелад, бросившись из Эпира, напал на меня со спины, чтобы схватить за плечи, именно Афина остановила его своим копьем, опрокинула на Италию и искромсала на скалистых сицилийских мысах. Однако едва она выпрямилась, как на нее набросился гигант Паллант и попытался изнасиловать. Но я предупредил это оскорбление, поразив Палланта молнией в живот. Он рухнул на плато Македонии, раздавив его судорогами своей боли и вспугнув больших бледнокрылых грифов, которые разлетелись в разные стороны. Афина тотчас же целиком содрала кожу с гиганта и соорудила из нее панцирь, который отныне надевает на всякую битву. Вместе с кожей моя дочь содрала со своего противника и само имя и тоже вооружилась им, словно звучащим доспехом; с тех пор моя дочь зовется Афиной Палладой, напоминая всем, что ее девственность неприкосновенна.

Тем временем мой кузен Прометей метался по всем континентам, пытаясь уберечь людей.

— Бегите враспынную! Прячьтесь и не высовывайтесь! Вы должны уцелеть! — кричал он им. — Хватит стенать над загубленным урожаем и снесенными крышами. Ну же! Спасайтесь!

Увы! Люди, не умеющие, в отличие от животных, предчувствовать катастрофы, мириадами гибли в на-

ших схватках. Прятались в каком-нибудь лесу? Именно его в следующее мгновение валил Алкионей, а дерево, под которым, как казалось людям, они надежно укрылись, оказывалось тем самым, в которое попадала моя молния. Забивались в какую-нибудь пещеру на склоне горы? Тоон упирался ногой в этот склон и давил его с оглушительным треском костей и камней. А бросившись к побережью, беглецы натыкались на коней Посейдона, спешившего нам на подмогу, и кони топтали людей своим пенным галопом. Род человеческий, с таким трудом, с таким усердием возрожденный после войны с титанами, снова оказался на грани уничтожения.

Был один момент крайней сумятицы, когда Алоады благодаря ступеням из нагроможденных гор смогли взобраться на Олимп. В упоении, что оказались там, оба негодяя, уже считавшие себя хозяевами мира, стали гоняться за богинями, выставя напоказ свой срам — под стать их росту. Музы, хариты и нимфы в ужасе разбежались. Арес порывисто кинулся их защищать, но, по-прежнему нанося бестолковые удары, споткнулся. Кошмар и Глупость сцепились с богом войны в неописуемой схватке, и вскоре я увидел, что Алоады одержали в ней верх. Поставив Ареса на колени, они дубасили его в свое удовольствие.

Я хотел прийти на помощь сыну, но Офион и Алкионей оттеснили меня от него. В то же время я услышал крики Геры, которую душил Красный Порфирион. В выборе между супругой и сыном я, признаться, не колебался.

Я придавил Офиона горой, ослепил Алкионея двумя вспышками молний и сквозь дым, пламя, каменную пыль, грохот, жар бросился на Порфириона. Геката, моя добрая союзница, ударом скалы поразила гиганта в печень, и его жажда убийства тотчас же обратилась

в жажду изнасилования. Гера в разодранных одеждах уже брыкалась под чреслами чудовища. Я схватил Порфириона за шкуру, перевернул, стукнул пару раз о свой престол, а потом метнул в него столько молний, сколько помещалось в руке. Я поразил его в двадцати местах, но не отпускал, пока все его тело не затрещало, как раскаленное масло.

Этот момент стал поворотным в битве, словно провал попытки осквернить богинь означал для гигантов поражение.

Как раз это, смертные, нисколько не должно вас удивлять. Вспомните-ка ваши собственные войны. Разве страны и партии не принимают в ваших головах образ женщины-матери, когда вы говорите о вашей собственной нации, и девицы, которой надо овладеть, когда речь идет о чужой? А что, как не тайные мечты об изнасиловании, уравнивает страх, который вы испытываете душными ночами перед битвой? И, произнося слово «завоевание», о чем вы на самом деле думаете?

Неожиданно все те гиганты, которые еще не были погребены, ободраны, обезглавлены или зажарены заживо, бросили поле битвы и бежали. Вместе с ними и Алоады. Остатки орды кинулась врассыпную, срывая свою злость и досаду на всем, что попадалось на пути. Наконец их бешенство утасло где-то на окраинах океанов и вблизи полюсов.

Грохот сменился тишиной. Слышно было только тяжелое дыхание богов, переводивших дух. Они медленно и устало возвращались ко мне. Посейдон опирался о свой трезубец; Гефест, черный от сажи вулканов, медленно ковылял на костылях. Я молчал, взирая на царившие вокруг разгром и разорение.

Подошел Прометей с потемневшим лицом и взглядом, полным недовольства. Я предвидел его упреки.

— Да, знаю, знаю, — опередил я его. — Я был не прав, пощадив гигантов. Теперь мы платим за эту снисходительность. Ну что ж, если еще кто-нибудь подвергнет опасности миропорядок, он будет наказан мною без всякой жалости.

Поскольку Прометей не отставал, я добавил:

— Да, люди! Это о них ты хочешь поговорить со мной. Они обычно больше других страдают в столкновении стихий. А как может быть иначе, если они единственные из всех живых существ, кто создан, чтобы стать сознанием мира? Не думай, будто они мне менее дороги, чем тебе. Я знаю, их род почти полностью уничтожен. Мы постараемся его возродить, насколько возможно, сделав лучше и сильнее.

Меня прервал чей-то гневный и одновременно придушенный голос, вопивший:

— Хочу драться, хочу отомстить! Вытащите меня отсюда!

Я узнал голос Ареса. Мы начали искать его среди нас, но потом заметили, что звуки доносятся из большого котла, в котором обычно варятся наши похлебки. Бог войны в первой же своей битве позволил засунуть себя в бронзовый горшок — это постарались его скверные родственнички — Алоады.

Посейдон выразил мне свои сожаления о том, что породил эту буйную парочку.

— Их мать Ифимедия прохаживалась вдоль моих волн и плескала водой себе на грудь. Она была такая красивая... — сказал он, словно извиняясь.

— Будет тебе! Каждый из нас совершает ошибки, — ответил я.

От и Эфиальт так крепко заклинили крышку котла, что никто не мог открыть. Хотя нет... я бы мог. Но притворился, будто не способен на это. В тот момент мы

нуждались в мире, а не в воинственных затеях. И меня вполне устраивало, что Арес какое-то время проведет в бездействии. Я решил про себя: пусть вояка посидит в котле тринадцать мировых месяцев, может, поднаберется мозгов за время заточения.

Мы как раз возились с котлом, когда появилась сияющая, накрашенная и, казалось, совершенно незатронутая мерзостями войны Афродита. Она была облачена в незапятнанные белые одежды, схваченные на талии золотым поясом, и держала венки в надушенных пальчиках. Где, в каком небесном краю она укрывалась, пока мы все тут сражались? Где продолжала умащать свое тело, расчесывать волосы, полировать ногти? Сейчас она была Афродитой Nikephorой,ждавшей окончания битвы, чтобы явить себя победителю как награду. Приняв соответствующую случаю осанку, она осторожно ступала среди обломков. Ее взгляд, ее улыбка обводили всех богов по кругу, словно она искала того, кому надлежит вручить трофей. В итоге возложила венок на грязную от пота и дыма гриву Гефеста.

Недурной выбор. Из всех молодых богов Гефест показал себя самым ловким, превзошел даже многих ветеранов. Но я-то понимал, какую цель преследовала богиня любви, вручая ему награду. Когда-то ей не удалось обольстить отца; теперь она не хотела упустить старшего сына. Я заметил, как мой честный, отважный Гефест, восхищенный тем, что его выбрала богиня желания, вздрогнул от восторга.

«Ну,— подумал я,— этот создан для труда, а не для счастья...»

Не появление ли Афродиты вывело Геру из оцепенения, в котором она пребывала после покушения Красного Порфириона? Она внезапно поднялась, все еще растрепанная, и, прижимая к груди разорванную

ночь, неожиданно стала пророчествовать тоном Великой праматери:

— Они повержены, но не погибли. Они бегут, но не уничтожены. Бессмертные не могут истребить рожденных из раны Урана. Только те, кто порожден мечтой Урана, смогут покончить с ними. Чтобы гиганты исчезли, к богам должны примкнуть знакомые со смертью. Богам надлежит соединиться со смертными женщинами.

Я ошеломленно слушал. Невозмутимейшая из жен преподнесла нам сюрприз! Я медленно повторял за ней слова, сказанные в трансе. И понял. Мечта Урана... это же человек, будущий человек, тот сверхчеловек, которого Демиург не успел сотворить.

Значит, с помощью людей, их труда, их воли к спасению я, быть может, сумею избавить мир от бедствий и катастроф.

«Боги должны соединиться со смертными женщинами...» Позже Гера пожалеет об этом моменте истины.

Нрав Геры. Вспышки ее ярости. История Тиресия

Думаю, пора подробнее рассказать вам о Гере. Ведь вы, в конце концов, непосредственно зависите от этой Юноны. Всем вашим женам досталась какая-нибудь ее черта, в противном случае они не настоящие жены.

Моя, такая послушная, стоворчивая и обычно согласная со мной, пока мы были обручены, такая сияющая в день нашей свадьбы, такая счастливая и влюбленная во время нашего путешествия, вдруг утратила все эти качества.

Она была образованна и часто высказывала превосходные суждения, но довольно скоро решила, что разбирается абсолютно во всем. Помимо усердия и дельности в ней вдруг обнаружились непомерная гордыня и досадное властолюбие.

На приведенном в порядок Олимпе, преобразованном и похорошевшем ее заботами, Гера установила слишком строгую, на мой взгляд, иерархию. Она упрекала меня в панибратстве с мелкими природными божествами или простыми смертными; ей были подозрительны любые новые влияния. Часто я был вынужден рассердиться, чтобы получить возможность пригласить в мое жилище и в мой совет товарищей, которых выбрал сам.

Гера стала категоричной и глухой к доводам; любое возражение быстро выводило ее из себя. Для приме-

ра расскажу о ее размолвке с Тиресием и о том, какие несчастья эта ссора на него навлекла.

Произошел этот случай многие эры спустя после тех событий, о которых я повествую, почти на рубеже вашей истории; но я хочу поделиться им, поскольку он довольно хорошо показывает нрав Геры.

Как-то вечером на Олимпе мы спокойно беседовали (я, по крайней мере) об уладах любви, пытаясь определить, кто же, мужчина или женщина, получает большее наслаждение. Я утверждал, что преимущество у женщины и что в любовных утехах она испытывает гораздо более сильные и длительные ощущения. Гера утверждала обратное.

Чтобы нас рассудить, я предложил — дернула же нелегкая! — обратиться к смертному Тиресию, чья известность добралась и до нас.

Дело в том, что когда-то этот Тиресий был подростком с плохо выраженным полом. Как-то раз, прогуливаясь по склонам горы Киферон, где живут музы, он увидел на своем пути двух совокупляющихся змей. Это зрелище привело его в раздражение. Он ударил по змеям палкой и убил самца. На следующий день Тиресий стал женщиной и оставался ею в течение семи лет. Когда семь лет истекли, он пришел на то же самое место и снова увидел двух переплетенных змей. Тиресий поступил точно так же, но на сей раз убил самку. В ту же ночь произошло превращение, и наутро он проснулся с мужскими органами.

Неплохую пищу для размышлений я вам дал, верно? Все, что касается змей, ее колец, ее сворачивания в клубок, ее двойного движения, — повод призадуматься. Змея вообще существо магическое, поскольку все двойственно в этом создании, способном порой вытянуться как палка и стать олицетворением единицы.

Итак, поскольку Тиресий был единственным из людей, кто располагал опытом обоих полов, ему мы и задали спорный вопрос. Он без малейшего колебания ответил:

— Если предположить, что любовное наслаждение состоит из десяти долей, то женщина получает девять, а мужчина всего одну.

В бешенстве оттого, что смертный дерзнул объявить ее неправой, Гера тут же ослепила Тиресия. Таковы внезапные вспышки ее гнева и жестокости.

Я наказал супругу, и довольно основательно. То был не первый и не последний раз, когда небо оглашалось криками Геры, получившей от меня взбучку. Но это все же не вернуло Тиресию зрения. Мы, главные божества, не можем отменять приговоры друг друга; бог сам должен пересмотреть свое решение, а Гера от этого отказалась, проявив упрямство.

Ища средство исправить несправедливое несчастье, постигшее Тиресия, я даровал ему жизнь длиною в семь человеческих и вдобавок наделил его даром провидения. От провидца, как и от поэта, требуется глубокое знание обеих природ, мужской и женской. Что касается слепоты, то она вынуждает к более чуткому восприятию всех незримых знаков, которыми окружен человек и которыми его леность обычно пренебрегает.

Таково было злоключение, сделавшее Тиресия самым знаменитым прорицателем Греции. На протяжении почти семи веков он был причастен ко всем драмам этой страны. У него были многочисленные потомки, все слепцы, которые тоже провидели будущее и носили его имя.

Так что порой нужны исключительные обстоятельства, чтобы человек исполнил свое исключитель-

ное предназначение. Вот почему всякий приговор бога, будь он с виду хоть самым глупым, самым нелепым, самым жестоким, должен быть уважен даже царем богов.

Ожесточенность, с которой Гера утверждала, что женщины испытывают меньше удовольствия, чем мужчины, меня несколько озадачила. Пыталась ли она скрыть преимущество, дарованное ее полу, или же, зная о нем, страдала оттого, что сама его лишена?

По мере того как мои любовные приключения предоставляли мне все более многочисленные случаи для сравнения, я склонялся к мысли, что Гера стала богиней-покровительницей фригидных жен. Не сомневаюсь в том, что она меня искренне любила. Но то, что называют в любви искренностью, часто всего лишь выражение ослепления или иллюзии. По сути, Гера в первую очередь была влюблена во власть, но не имела возможности осуществлять ее самостоятельно.

Гера была мне, несомненно, верна, но пользовалась своей образцовой добродетелью как броней. Признаюсь, я желал порой, чтобы у Геры завелся скромный любовник, поскольку наше ложе довольно быстро стало скорее ложем сна, нежели наслаждения, а то и ложем упреков.

Гера не столько жаждала моих объятий, сколько впадала в ярость оттого, что я расточаю их другим. Она часто преследовала неумолимой ненавистью и моих любовниц, и детей, которых те мне дарили. Она хотела обладать, через меня, верховной властью и, отчаянно стремясь к этому высшему превосходству, в конце концов начинала злиться, что нуждается в ком-то другом, чтобы чувствовать себя единственной. Опять мечта Великой праматери, вечно возобновляемая и вечно упирающаяся в одно и то же нелепое противоречие.

Что касается меня, то я тоже частенько ненавидел Геру. Я призывал богов и людей в свидетели ее омерзительного нрава, колотил ее, в какой-то момент хотел даже сослать ее на небо. И все же, и все же... Могу ли я отрицать, что ее неослабная ревность мне льстила, что ее изобретательность в мести порой вызывала мое невольное восхищение?

Более кроткая супруга мне, без сомнения, подошла бы меньше. Во всяком случае, я прилагал бы меньше упорства и получал бы меньше удовольствия, обманывая ее. Наши ссоры меня только раззадоривали.

Бракосочетание Гефеста и Афродиты

Свадьбу Гефеста и Афродиты сыграли вскоре после окончания войны с гигантами. Прекрасная была свадьба, образцом которой, конечно, послужила моя собственная.

Гефест пожелал, чтобы празднество состоялось на Лемносе. В волны у этих берегов бросила его мать; там Тефида подобрала его; Гефест хотел вернуться туда счастливым и торжествующим.

Афродита, сияющая, розовая, восхитительная, была в колеснице, влекомой шестью тысячами голубей. Это и для нее был день реванша. Меня она в сети своих чар поймать не смогла, зато теперь выходила замуж за моего сына-златокузнеца. Уж он-то сможет искусно оправить драгоценные камни, которые я по слабости даровал ей во время той безрадостной ночи. Ее крайне прозрачные одежды, скроенные из полотнища зари, совсем не подходили для свадебного наряда. Но простодушный Гефест был крайне горд, выставляя на всеобщее обозрение прелести Афродиты. Он восхищался самим ее бесстыдством.

«Смотрите, смотрите, — казалось, говорил он, — какое великолепие я буду сжимать в объятиях, оцените мою удачу».

Наведя относительный порядок в рыжих зарослях своих волос, Гефест украсил их победным венком. Выковырял, как смог, кузнечную копоть из-под ногтей,

оттер ладони мелким песком. На свадьбе он опирался на золотые костыли, но со своей курносостью и хромотой ничего поделать не мог, и его безобразие еще больше бросалось в глаза рядом с красавицей, на которой он женился.

Весьма часто, дети мои, я видел среди вас такие же точно пары, состоящие из уродливого, но гениально трудолюбивого, ловкого в обогащении мужчины и праздной красотки, влюбленной в самое себя, вечно неудовлетворенной, возбуждающей желание, выпрашивающей подарки. Такая красотка ни одного мужчину не считает по-настоящему достойной этого дара — позволения любить ее.

Я не ждал ничего хорошего от этого союза. Гефест будет тачать супруге украшения, пока она тачает ему рога и при этом сама ревнует! Превосходство, которое Афродита присваивает себе, оправдывает в ее глазах собственную неверность; но она не смогла бы стерпеть, если бы кто-либо, супруг или даже любовник, оскорбил изменой ее.

Поскольку женщины Лемноса почитали Гефеста, Афродита, желая помешать какой-нибудь из них соблазнить ее мужа, наслала на них на всех тошнотворный запах. В результате это отвратило от лемниоток их мужей, которые предпочли им чужестранок, проституток или фракийских пленниц. В ярости женщины Лемноса поубивали всех мужчин острова и организовались в женское сообщество. И так продолжалось до прибытия аргонавтов, которые, отправившись в плавание, сделали на острове первую остановку. Либо полсотни гребцов были туговаты на нос, либо же вонь местных женщин уже поутихла, но герои не побрезговали возлечь с ними и подарили им сыновей. Вот вам одна из выходов Афродиты, ничуть не уступающая по злобности выходам Геры и совершенная даже с меньшими основаниями.

Я был утрюм на этой свадьбе. Тщетно дорогая Геба наполняла мой кубок амброзией: я не находил в ней никакой радости. Должен ли я признаться, что испытывал смутное сожаление? Вы ведь сами хорошо знаете, сыны мои, что можно не хотеть женщину и все же испытывать укол ревности, видя ее в объятиях другого.

Да, я был утрюм и раздражен. Мне хотелось заставить муз умолкнуть. Не только о Гефесте и его неудачном браке я думал, но и о себе самом.

Мой первенец женился — я стал старым Зевсом; моя собственная молодость кончилась.

Удивительная штука эта молодость, раз десять считаешь, что она кончилась, и раз десять обнаруживаешь, что нам еще остается частичка, забытый клочок, которым мы и не пользуемся по-настоящему, но который еще достаточно живуч, чтобы мы страдали, чувствуя его потерю.

Я смотрел на Геру, озабоченную своим царским величием и уже готовую возненавидеть Афродиту. Гера тоже страдала, из-за себя самой; ее вид меня ничуть не утешил. Я смотрел на своих прежних любовниц. Вернуться к одной из них было бы признанием провала. Мне нужна была новая радость.

Ища, по своему обыкновению, согласия между любовными увлечениями и делами, я находил оправдание для своих будущих измен. Гера родила мне кузнеца, повитуху, служанку и вояку (этот последний так и сидел в бронзовом горшке). Это неплохо, но недостаточно, чтобы построить счастье смертных.

«Мне нужно, — подумал я, — породить для людей других богов».

Мои глаза остановились на Лето, которая тоже смотрела на меня.

Восьмая эпоха
ДРУГИЕ БОГИ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Лето. Остров Тасос.
Гера преследует Лето своей мезтью.
Рождение на Делосе Артемиды и Аполлона

Лето — дочь титана Коя, нимфа холода — была узкобедрой, светловолосой северянкой с длинными нотами и горделивой грудью. Она происходила из краев, где мой брат Аид еще до того, как я разделил царства и доверил ему управление Преисподней, сражался в туманном шлеме-невидимке. С тех пор там блуждают смутная смертная тоска и мечты о солнце.

Глаза у Лето были голубые, но голубизной беспрестанно изменчивой, от светлой лазури безоблачного утра до минеральной, глубокой синевы озер, что блестят среди елей; то они подергивались сероватой дымкой, как морские горизонты вдоль балтийских берегов, то внезапно бледнели, приобретая голубоватый блеск снега в звездную ночь. Все оттенки ожидания, надежды, робости мерцали в этом взоре. Я прочел в нем зов, мольбу, требование, обещание.

Свадьба моего сына была сыграна, пир богов подходил к концу. Я увлек Лето в сторонку под тем предлогом, что хочу расспросить ее о предполагаемом убежище гигантов, скрывшихся где-то на Севере. Монархи унаследовали от меня этот обычай и пользуются им, желая приударить за женщиной: делают вид, будто им надо побеседовать с ней о каком-нибудь государственном деле.

И мы удалились на остров Тасос, расположенный всего в трех моих шагах от Лемноса.

Дети мои, знаком ли вам остров Тасос? Никто, похоже, никогда не рассказывал вам, что там боги любили друг друга. Побывайте на нем, и сами поймете. В очень отдаленные века там был оракул. Во времена греческой славы на острове процветал город, который почти стерся, но в красоте его обломков и в непреходящем великолепии места вы узнаете мой след и мое благословение. Отправляйтесь на этот остров; пристаньте к этому берегу, где подводные переливы обрисовывают причалы древнего порта, словно от них осталось лишь отражение; остановитесь под сводом одной из трех увитых виноградной лозой беседок, чтобы выпить в тени прохладного розового вина; войдите в город через ворота с резными колоннами — врата Зевса, мои врата; пересеките обширную и хорошо расположенную агору; ступите ногой на широкие плиты дороги процессий; пройдите по склону вдоль массивной мраморной стены, сквозь камни которой прорастают летние цветы; взберитесь по этой пахнущей мятой и смолой тропинке, которая усыпана черепками, оставшимися от бывших гончаров; поднимитесь к театру, построенному заботами моего дорогого Гиппократы; расслабьтесь на выщербленных и разобщенных мраморных скамьях, меж которых снова растут сосны, как и в те времена, когда я побывал здесь с Лето; останьтесь и предайтесь грезам.

Зеркало моря словно продолжает сцену, на которой ваши величайшие поэты воспевали драмы богов. Синевая волн дрожит и искрится меж зеленых деревьев. Солнце проникает сквозь ветви и устилает оркестру золотыми пятнами. Зной неподвижен, время застыло. Поэты умолкли; но хор цикад, словно в начале мира,

разливает в углублении этой раковины песнь своих крылышек. Неужели, дети мои, вы не почувствуете, что вогнутость этого холма — отпечаток божественных объятий?

— Мест, где столько полноты и покоя, — сказала Лето, — в моих северных краях не найти.

— Такие места, — ответил я, — редки даже на наших солнечных землях.

— Здесь у мгновений вкус вечности, — заметила она.

— К чему тебе думать о времени? Ведь ты же бессмертная нимфа.

Лето вздохнула.

— Даже боги могут умереть, если мир умрет.

До нее ни у одного бога не появлялось подобной мысли или он не умел ее выразить. Слова Лето поразили меня, словно камнем в лоб.

Мы предались любви. Свет солнца раздробился и померк. Я снова обвинил Лето, чтобы ее успокоить — чтобы нас успокоить. И ночь была тепла для наших объятий. Нет, дети мои, никто вам этого не рассказывал, но если вы побываете на Тасосе, то поймете, что мой сын Аполлон мог быть зачат только там. На острове сохранилась одна из самых древних статуй, посвященных Аполлону, — гигантская, массивная и вместе с тем стройная. Она не завершена, лицо едва обозначено квадратным резцом ваятеля; это образ Аполлона, Курiosa, идущего юноши, который несет на руках свое будущее, изображенное в виде барашка.

Мой сын Гефест спал после своей первой брачной ночи, а я поднимался на Олимп после своей первой ночной измены. Бессонная Афродита, единственное светило на утреннем небе, с презрением взирала на тяжелое забытие своего супруга. Она меня заметила; я притворился, будто не вижу ее.

Слова Лето не шли у меня из головы: «Даже боги могут умереть, если мир умрет». И все же у меня было ощущение победы. Мою бороду ласкал ветерок, я чувствовал легкость на сердце. Моя сестра Гестия, вставшая спозаранок и уже чистившая очаги, удивилась, слыша, как я напеваю.

Гера прождала меня всю ночь.

— Были дела, — сказал я ей.

И пошел освежиться росой; потом отправился в совет.

Но на Олимпе обо всем узнают быстро, да и Лето не делала великой тайны из своего приключения. Она не скрывала, что в ней заключены плоды нашей страсти.

Огласка доставляет нашим любовницам единственную возможность отыграться на наших законных женах. Лето разболтала свой секрет стольким богиням, что вскоре он достиг ушей Геры. Ярость моей супруги боги еще не скоро забудут, и первый из них — я.

Куда подевалась величавая, гордая царица — предо мной неистовствовала вопящая баба, неисчерпаемая в ругательствах, неиссякаемая в попреках, поносившая мою неверность, мою низость, мою похотливость. Но еще больше доставалось Лето.

— Клянусь Стиксом, — кричала она, — я запрещаю твердой земле, где бы ни светило над ней солнце, давать Лето убежище на время родов!

Можете представить, с каким удовольствием Гей, Великая праматерь, откликнулась на такое проклятие. О ней вспомнили, к ней воззвали, да еще и ради мести. Она охотно согласилась предоставить моей супруге змея Пифона, обычно сторожившего Дельфийский оракул, чтобы он повсюду следовал за соперницей и следил за ней.

Гера надеялась с помощью назидательной жестокости и священного ужаса запугать прочих нимф; которые готовы были уступить моим домогательствам. На самом деле она не отвратила их от желания нравиться мне, лишь внушила еще большую осторожность.

Когда подошел срок, несчастная, напуганная Лето заметалась со своим тяжелым чревом от равнины к равнине, из пустыни в долину, ища приюта, в котором ей всюду было отказано. Люди видели, как она проходила — заплаканная, жалкая; а если какое-нибудь местное божество, состоящее при источнике или роще, протягивало ей руки или же какая-нибудь бедная смертная, растрогавшись, была готова нарушить запрет и открывала ей дверь своей лачуги, за спиной Лето вздымался ужасный, толстый и липкий Пифон, вперяя в слушников свой жуткий взгляд. И бедняжка Лето шла дальше, спотыкаясь, отчаянно стеная и поддерживая живот руками. А за ней с шипением скользила в траве и меж камней упорная ненависть Геры.

Однако в те времена, когда война с гигантами исказила весь рельеф побережья, один кусочек суши откололся от материка и медленно поплыл по морю. Этот плавающий остров, Ортигия, позже названный Делосом, служил пристанищем только для перепелов, отдыхавших там во время своих перелетов. Я велел временам года сказать Лето, чтобы она следовала за перепелами, летевшими с севера в поисках теплой африканской зимы. Так нимфа добралась до Делоса, который тогда вовсе не был твердой землей, и смогла там остановиться.

Оставалось отвратить вторую часть проклятия, ту, что касалась солнечного света. Для этого я попросил своего брата Посейдона приподнять море и подержать

его над перепелиным островом, чтобы образовался жидкий свод, водяная пещера, укрывшись в которой Лето могла бы разрешиться от бремени.

Видя, что ее обошли, Гера в бешенстве запретила нашей дочери Илифии, богине-повитухе, помогать Лето.

Девять дней белокурая северянка корчилась в муках, грозивших никогда не кончиться. Она стонала и жаловалась, что не смертна. Ее жалобы привлекли всех богинь, и они обступили пальму — единственное дерево на плавучем острове; под ней и лежала Лето. Одна богиня вытирала ей лоб, другие приподнимали ее под мышки всякий раз, когда думали, что наступает конец ее мучениям. Тусклые волосы Лето взмокли от пота, расширенные глаза стали темно-синими, приобрели оттенок моря перед грозой. Песням муз не удавалось заглушить крики Лето; питье из собранных Деметрой трав, которое давала нимфе Гестия, не помогало; даже моя дочь Афина, опираясь на свое копьё, острие которого касалось водяного свода, ничего не могла поделать и только смотрела на это отчаяние.

Наконец неподвижная Фемида заявила:

— Никто не вправе препятствовать появлению на свет детей царя богов.

Тогда богини, объединив свои мольбы, отправили Ириду-посланицу к Гере, чтобы убедить мою супругу отпустить Илифию, посулив в подарок от меня янтарное ожерелье девяти локтей. Поняв, что, если она откажется, я приму самые суровые меры, Гера согласилась.

О жены, сколько из вас, подобно Гере, пополнили свою шкатулку изменами мужей? Ваши груди, ваши уши украшаются и отягчаются дарами, предназначавшимися отнюдь не вам. О Гера! Как тяжелы твои сундуки!

Итак, Илифия спустилась на Делос, воткнула свой факел под пальмой и приняла у Лето сначала мою дочь Артемиду, потом, сразу же после нее, моего сына Аполлона.

Когда водяной свод раздвинулся и тучей радужных брызг упал в море, клин диких лебедей появился в небе и семь раз облетел остров. Седьмой день месяца посвящен Аполлону; лебедь — его птица, а пальма — его дерево.

Позже, выражая свою благодарность плавучему перепелиному острову, где он увидел свет, Аполлон попросил моего брата Аида закрепить блестящий Делос четырьмя каменными столпами в центре эллинского мира.

**Природа и нрав Артемиды.
Ее подвиги и предметы ее ненависти.
Эфесская статуя**

Надо ли мне описывать красоту Артемиды? Тысячи и тысячи раз ваши ваятели хотели запечатлеть в мраморе ее порыв, ее летящую поступь. Похоже, стремительное совершенство Артемиды было их наваждением. Гордая, мускулистая, с безупречной грудью, непревзойденная бегунья, чьи ноги едва касаются земли, — некоторые считают ее такой же красивой, как сама Афродита, причем обладающей гораздо более естественной красотой. Но, увы, никто из мужского пола не смог заключить эту красоту в объятия.

Артемида — неприступная девственница. Она отказалась от любой близости, от любого соприкосновения и объятия с кем-либо, кроме нескольких избранных нимф, поскольку страшится и брезгует оказаться оплодотворенной. Боится ли она познать муки своей матери, которые та претерпела, производя ее на свет? Полагаю, что да, но замечаю в этом упрямом целомудрии еще одну причину.

В отличие от Афины, которая не вышла замуж из-за того, что слишком меня любила и не нашла во всей Вселенной ни одного бога, способного сравниться со мной, Артемиде, почти уверен, отказалась от супружества из ненависти ко мне, ненависти тайной, но стойкой и живущей в ней с юных лет, ненависти, в которой она не признается. Артемиде видела, как ее

мать, оставленная мною, вернулась на туманный Север, питая свое одиночество воспоминаниями о ночи на Тасосе, единственной ее счастливой ночи, и о своих трагических родах, в то время как Гера продолжала восседать на престоле подле меня.

Страх страдания и унижения привел к тому, что Артемида ненавидит само мужское начало, оплодотворяющее, а потом оставляющее, а заодно и тех, кто ему покоряется. Она отвергает богов и мужчин, потому что они похожи на меня. Она презирует влюбленных женщин за их слабость и неспособность к одиночеству, за то, что они похожи на ее мать. Даже то, что у нее есть брат-близнец, тяготит Артемиду и вызывает у нее досаду.

Однажды, когда Артемида была еще совсем маленькой, я взял ее на колени, она вырывалась, отбрыкивалась, пыталась меня оцарапать, но запуталась пальчиками в моей бороде. Я спросил со смехом, что ей подавать. Она в ярости ответила:

— Хочу лук и колчан со стрелами, как у моего брата Аполлона!

Я исполнил ее желание, не сказав, конечно, что оно значит на самом деле; ведь оружие, которое она собиралась носить на плече, было всего лишь олицетворением того, что ей от рождения хотелось бы носить в паху. Эта богиня так никогда и не смирилась с тем, что она не бог.

Неудержимая и одинокая, Артемида убегает ночами в горы, ее путь на скалистых гребнях можно проследить по движению полумесяца, венчающего ее прическу. Силы, которые она не использует в любви, Артемида тратит на охоту. Не желая давать жизнь, она сеет своими стрелами смерть, ей нужны борьба и победа. Она настигает ланей на бегу, покоряет диких зве-

рей, выходит на арену. Отказываясь быть любовницей, Артемида становится укротительницей.

Это она, помимо прочих своих подвигов, разделалась с Алоадами: Отом и Эфиальтом. Парочка негодяев, так и не переставших расти, стала наведываться в наши края и творить злодеяния. Боги отчаялись когда-либо поймать их.

Однако случилось так, что на острове Наксос Алоады наткнулись на Артемиду. Красота моей дочери немедленно их восхитила и прельстила, возбудив желание. По своему обыкновению, они, не особо церемонясь, попросту предъявили богине чудовищные знаки своей похоти. Вряд ли было умно выставлять напоказ в столь монументальном виде то, об отсутствии чего у себя Артемида всегда сожалела. Это лишь усилило ее мужененавистничество. Когда Алоады погнались за ней, она превратилась на их глазах в лань, потом в женщину, потом снова в лань. Пробегая меж ними туда-суда, она так раззадорила их, что Кошмар с Глупостью совсем потеряли голову и, торопясь схватить ее, да еще в потемках, уколошили друг друга. Торжествующая Артемида побежала ко мне с вестью, что злодеи лежат бездыханными там, где упали. Я передал обоим моему брату Аиду, и тот змеями привязал их к столпу в глубинах Преисподней. Алоады по-прежнему там. Но иногда ночью воспоминания об Эфиальте посещают женщин во сне, и тогда слышно, как они стонут или кричат.

Было у Артемиды немало и других жертв, которые заслуживали гораздо меньшей кары, чем получили. Я вам рассказывал, как Орион, прекрасный рассветный охотник, по приказу моей дочери был укушен скорпионом за то, что вызвал ее на состязание по бегу. Упомяну также своего правнука Актеона, который как-то раз, проходя мимо со своими собаками, остано-

вился посмотреть сквозь листву на купание Артемиды в ручье; она превратила его в оленя — и юношу растерзала собственная свора.

Артемиде не выносит ни соперничества, ни насмешек; можно подумать, она обязалась постоянно и повсеместно преследовать виновных. Она не только убивает зверей или отдает им на растерзание своих отвергнутых воздыхателей; умирающие при родах женщины тоже жертвы ее стрел. Ее ненависть ко всему мужскому, к парам, оплодотворению, потомству распространяется и на семьи, один вид которых ее ранит и раздражает. Именно ею было наложено долгое проклятие, тяготившее Атридов. Но ведь ненависть весьма часто выражает сожаление или боль от отсутствия чего-либо. И тогда стремятся уничтожить тот образ жизни, что сами хотели бы иметь, и тех, кем хотели бы быть.

Эта девственница, такая цельная на первый взгляд, наименее простая из богинь. Предоставляю вам возможность самим поразмышлять над комплексом Артемиды.

Еще одно слово по поводу моей охотницы. Я упоминал недавно о ее бесчисленных статуях; надо сказать, есть одна, которую вы уже не первое тысячелетие упрямо называете Артемидой (или Дианой) Эфесской, хотя она никогда не изображала Артемиду. Какие невежественные завоеватели, какие близорукие или самодовольные книжечки решили объединить лесную бегунью, бесплодную укротительницу с этим тяжеловесным, неподвижным божеством в тиаре и узком платье, расшитом знаками зодиака, которое предлагает взору то, что вы принимаете за гроздь женских грудей? Полно вам! Позвольте мне наставить вас на путь истинный по поводу таинственной эфесянки. Подойдите поближе, присмотритесь. Эти продолговатые мешочки, что теснятся на ее животе, вовсе не многочисленные груди,

а яйца. В ее плетеной тиаре проделана дверца, похожая на городские ворота, но также на леток в улье. Подойдите еще ближе, и вы различите на ее платье и мантии пчел, чередующихся с животными зодиака. А там, где появляется пчела, и я неподалеку. Пчела — мое насекомое, как орел — моя птица, а дуб — мое дерево. Пчелы и коза выкормили меня на Крите, когда я был слабым, скрываемым ребенком.

Эфесская статуя — олицетворение пчелы-царицы, плодovitой и полновластной правительницы улья, и одновременно олицетворение царствующей женщины, правительницы городов во времена матриархата, что предшествовали моему воцарению. Это не моя дочь, это — моя мать.

Той ночью, когда родился Александр, мой последний из известных вам сыновей, великий храм в Эфесе рухнул, объятый пламенем. Этого довольно, чтобы показать, насколько древняя Великая богиня оскорбилась, увидев появление еще одного мужского божества: нового мужчины-владыки, которому покорятся все народы.

Аполлон убивает змея Пифона.
Учреждение Дельфийских игр и оракула.
Природа и задачи Аполлона

Когда Аполлону исполнилось три дня, он взял подаренные мною лук и стрелы, отправился в Дельфы и убил Пифона — змея, который преследовал его беременную мать.

«Ишь ты,— подумал я с удовлетворением,— а в мире кое-что изменилось».

Тем не менее, опасаясь гнева Великой праматери, чьим слугой и стражем ее оракула был Пифон, я велел Аполлону построить в Дельфах храм и учредить игры, чтобы успокоить воспоминания о чудовище. Ведь бег вокруг стадиона воспроизводит кольца змеи; разбег прыгуна следует ее извилистому движению; копье-метатель мечет свой снаряд, как змея выбрасывает жало; борцы, переплетаясь в схватке, напоминают свившихся в клубок змей.

Однако Аполлон немедленно проявил непослушание, поскольку уже совсем не выносил приказов, и в первую очередь тех, что исходили от меня. Он направил лебедей, влекущих его колесницу, в северные страны, на родину своей матери. Там его узнали и стали почитать. Народам того края давний приход Аида внушил страх смерти; приход же Аполлона оставил некую иступленную жажду жизни. Души этих народов по-прежнему несколько разрываются между тем и этим.

Через год Аполлон вернулся в Дельфы, все-таки подчинившись мне, но промешкал достаточно долго, стараясь показать, будто действует исключительно по собственной воле. Мальчишеское тщеславие, скажете вы. Дети мои, в каком возрасте вы проходите через это ребячество и сколько из вас, даже стариками, теряют драгоценные часы, делая вид, будто принимают решение, которое им предписано распоряжением начальства?

Итак, в Дельфах Аполлон приступил к основанию храма и учредил ежегодные игры. Но вместе с тем он присвоил себе это место и завладел оракулом. Храму он преподнес в дар золотой треножник. Подарок поставили над расселиной, через которую из недр Земли поднимаются зловонные испарения, исходящие от гниющего Пифона. Потому-то жриц, в чьем ведении был треножник, и называли пифиями.

Таким образом, женщины там остались, но изрекали свои прорицания уже не от имени какого-либо женского божества. Пророчества теперь исходили от бога, который окутывал и пьянил их терпким запахом своей победы. Они корчились и стонали, словно роженицы, но оплодотворены были Глаголом. Слова, которые они изрекали, но не понимали, приходилось истолковывать жрецам.

Прибытие Аполлона в Дельфы ознаменовало конец женского господства в оглашении велений Судеб.

Казалось, праматерь Гей смирилась с этим; впрочем, она давно уже не использовала это место и велела охранять его лишь благодаря инстинкту собственности. Что касается Фемиды, замещавшей ее, то богиня правосудия не выразила досады. Во времена Крона, когда Фемида не могла иначе заставить власть выслушать себя, она пользовалась Дельфами и изрекала там свои собственные предсказания. Я пообещал ей, когда

мы любили друг друга, что вернусь туда; так что я некоторым образом сдержал обещание, явившись в образе своего сына.

Слово «Дельфы» означает «матка»; отныне место оракула стало именоваться «омфалос»; «пуп» — точка, через которую ребенок сначала получает пищу, а потом отделяется от матери.

Аполлон — освободитель. Но разве сам он освобожден по-настоящему? Его натура не менее запутана и не более удовлетворена, чем натура его сестры Артемиды; он не менее горд и не менее жесток, чем она. И не менее красив.

Обнаженный по пояс, Аполлон словно облачен в броню; кудри облегают голову, будто шлем; его шея стройна, как молодое дерево весной; лицо словно высечено из света. Когда Аполлон проходит, не найдется никого — ни смертного, ни бога, ни ребенка, ни старика, ни девственницы, ни прабабки, — кто не смотрел бы на него с восхищением, завистью, желанием, ревностью или сожалением. Никто из бессмертных не сравнится с ним в блеске, и даже я, его отец, вынужден согласиться, что рядом с ним выгляжу мужланом.

Но этой высшей красоты Аполлону недостаточно, чтобы чувствовать себя удовлетворенным, как и недостаточно быть сыном царя. Ведь его мать не царица.

Можно подумать, будто Аполлон упрекает меня в том, что я его породил, и тайно презирает свою мать, которая соблазнилась мною. Но стоит кому-то посмеяться над Лето, как он впадает в ярость и ожесточенно преследует виновника. Не истребил ли он с помощью Артемиды двенадцать детей своей кузины Ниобы лишь за то, что та осмелилась насмехаться над его матерью?

Аполлон и Артемида — первые незаконнорожденные дети. Их проблемы не вставали перед моими до-

черьми, рожденными еще до учреждения брака, целью которого было спасти что-нибудь от бывшего женского превосходства. Ради этого и была установлена иерархия в любви.

Аполлону хотелось бы, чтобы я вел себя по-другому, или чтобы его мать была другой, или же чтобы я отрекся от Геры, поскольку он не забыл, как моя супруга изо всех сил препятствовала его рождению. Наконец, Аполлону хотелось бы, чтобы сам мир был иным. Он оказался тем новым богом, который был мне нужен.

Ведь этот герой с родовой травмой в душе не может удовлетвориться просто существованием; ему нужно утверждать себя, добиваться признания. Ему кажется, что место, которое я предоставил ему среди главных олимпийцев, он завоевал себе сам.

Юность у Аполлона была недоверчивая и отстраненная. Чем смешиваться с другими богами, он предпочитал пасти стада. Пастухи были его первыми друзьями. Для них он изобрел флейту.

Аполлон — бог искусств, ритмов и каденций, прекрасных поющих слов, вдохновенных повествований; он — бог поэтов и всех неудовлетворенных миром или собой, что тешат себя иллюзией, будто творят мир заново, воспроизводя его в звуках и образах согласно собственной воле. И тем самым действительно отчасти изменяют. Дать определение Вселенной — значит уже расширить ее!

С флейтой у губ, прислонившись к дереву, Аполлон грезит о мире и, грезя о нем, ощущает себя одновременно Ураном, Кроном и мною. Я могу угадать по звучанию его флейты, когда он выдумывает новые виды существ, когда направляет ход светил, когда сам увечит или его увечат, когда бьется с титанами. Иногда его песнь становится до странности пронзительной и дробится в рваных ритмах, словно он хочет смешаться

с предком всех предков, изначальным Хаосом. Потом Аполлон возвращается к более простым мелодиям, к лепету ручьев, колыханию трав, полету пыльцы от цветка к цветку, дуновению ночи, проносящемуся над прудами.

Но чтобы отобразить явность вещей, надо слиться с их тайной. От провидца до поэта расстояние ничтожно. У этих двух голосов одно дыхание. И нет настоящего стиха, если в нем не содержится что-то от оракула. Аполлон ведает как искусством гадания, так и искусством поэзии.

Он совершенно невыносим, когда уступает в чем-либо другим богам: обидчив, высокомерен, гневлив, непокорен, порой даже безумен. А как ему не быть таким, если он взялся за безрассудную затею быть всем сразу? Я люблю Аполлона больше, чем он меня. Терплю от него то, чего ни от кого другого не потерпел бы; думаю даже, что предпочитаю его всем прочим. Он мне не только необходим, он меня пленяет; мне нравится слушать, как он поет, и часто, слушая его, я учусь лучше воспринимать мир, которым управляю.

Я дал Аполлону славу, то есть венец без скипетра, что обязывает других признавать его, но отнюдь не повиноваться.

Желая высшего превосходства, Аполлон, как бы его ни окружали почетом, превозносили, восхваляли, любили, обрекает себя вечно видеть лишь собственное одиночество. Он перестал бы походить на себя, если бы перестал чувствовать свою единственность.

Таков, дети мои, лучший удел ваших прославленных гениев. Судите теперь, что выпадает на долю несчастных талантов, или лучше послушайте историю Марсия.

Итак, Аполлон изобрел флейту, и каждый восхищался звуками, которые тот извлекал из этого срезанного тростника. Многие боги пытались подражать ему и просили научить их играть. Даже мудрая Афина в какой-то момент страстно увлеклась музыкой, думая разнообразить ею холодные доводы рассудка. Будучи изобретательной, она смастерила из двух оленьих костей двойную флейту. Но, попробовав играть на ней, заметила в воде источника собственное отражение с некрасиво надутыми щеками. Испугавшись, что навлечет на себя насмешки богов, Афина бросила двойную флейту в траву. Проходивший мимо сатир Марсий подобрал инструмент и, гордый своей находкой, воспользовался им, чтобы подыгрывать окрестным крестьянам в плясках. Ему удавалось извлекать всего несколько нот, всегда одних и тех же, но дудел он громко. Крестьяне, чей слух не отличался тонкостью, закричали, что сам Аполлон не смог бы сыграть лучше. Пустые слова; доводилось ли им когда-нибудь слышать Аполлона? Марсий совершил ошибку, поверив им.

Он поскакал на своих козлиных ногах по полянам и лужайкам, по долинам и холмам, созывая сатиров и дриад, жниц и пастухов и повсюду объявляя, что играет лучше самого Аполлона.

Внезапно перед ним появился Аполлон.

— Это ты бахвалишься, что превосходишь меня?

— Каждый, кто меня слышал, так говорит,— ответил сатир.

— Тогда пойдем к музам, пусть они нас рассудят. Но если проиграешь, я буду вправе сделать с тобой, что захочу, и наказать по своему усмотрению.

Вместо того чтобы смирить гордыню, Марсий принял вызов.

— А если ты проиграешь? — спросил он.

— Что ж, тогда я буду в твоей власти,— заключил, улыбаясь, Аполлон.

Они направились к горе Киферон. Бедняга Марсий! Аполлон превзошел перед музами самого себя. Девять сестер сидели кружком, покачивая головами в такт, или же вдруг застывали, словно пытаясь рассмотреть неведомую птицу, что льет над ними столь чудесные трели. Флейта в руках кудесника то наполняла им сердце ликованием, то исторгала слезы из глаз.

— А так можешь? — интересовался Аполлон у Марсия.

Воркование голубей на сочных ветвях, смех девушек, гоняющихся друг за другом по сияющим светом полям подсолнечника, ритм цепа, молотящего зерно на току, заунывная жалоба ветра в камышах...

— Я, сестры мои,— произнес Аполлон,— сыграл вам четыре времени года. А теперь послушайте моего соперника.

Долго слушать не пришлось. Кроме нескольких нот, которые Марсий знал, годных лишь для плясок на деревенской свадьбе, он смог извлечь из своей флейты лишь пронзительные взвизгивания. Хуже всего было то, что он продолжал считать себя восхитительным музыкантом и не слышал того, чем его игра отлича-

лась от игры бога. Знай себе дудел, переваливаясь на своих козлиных ногах, раздувая щеки и напрягая толстые, как веревки, жилы на лбу. Вскоре муз разобрал смех, и они прогнали Марсия шиканьем и возгласами неодобрения.

В несколько широких шагов Аполлон догнал сатира.

— Дай сюда флейту и свои руки,— приказал он.

Бог привязал сатира к стволу молодой сосны, подняв ему запястья выше головы, и в траву перед его стреноженными копытами бросил двойную флейту.

Так в вечной неподвижности и застыл Марсий: руки вытянуты вверх, подбородок опущен вниз, к флейте у ног, которую невозможно достать. Слезы, прочертившие на его щеках две борозды, зимой замерзают в бороде.

Любовные приключения Аполлона. Его успехи и неудачи. Нимфа Дафна

Разве мог мой сын Аполлон, одаренный такой привлекательностью, не быть щедро любим? Однако любил ли он сам? Это более сомнительно. Артемида заменила любовь охотой и победами. Для Аполлона сама любовь стала охотничьим угождением, еще одним способом обнаруживать и утверждать свою силу, а стало быть, еще больше замыкаться в идее собственного одиночества.

Любовниц у него было без счета, почти столько же, сколько у меня самого, поскольку он старался сравняться со мной. Но из всех своих завоеваний он так и не выбрал себе супругу. Все его дети были внебрачными; ни одному из этих божественных бастардов Аполлон не захотел предоставить иное положение, нежели было у него самого.

Три музы не устояли перед его напором: Каллиопа, Талия, Урания; их сыновья — певцы и музыканты — присоединились впоследствии к свите Диониса.

В Ливии Аполлон был любим нимфой Киреной, в Фессалии — нимфой Фтией, а в Малой Азии — Арией. Они родили от него царей и пастухов.

Он был любовником прорицательницы Манто, дочери великого Тиресия, от которой пошел целый род

прославленных вещунов; был любовником Гекубы, супруги троянского царя Приама. Список можно продолжать еще долго. Стоит мне назвать среди Аполлоновых сыновей премудрого Пифагора, как вы поймете, насколько эта ветвь моего потомства близка вам.

Тем не менее эгоистичная манера любить стоила Аполлону нескольких болезненных неудач. Грაციозная Марпесса, внучка Ареса, слишком уверенная, что Аполлон бросит ее, и слишком боявшаяся, что будет страдать от этого, не уступила ему, хотя он ее и похитил, и предпочла вернуться к своему смертному супругу — Идасу из Мессены. Дело дошло до моего суда. Но никто, если только Судьбы не принуждают его к этому, не обязан жертвовать своей безопасностью ради того, чтобы познать несколько часов любви с богом. Марпесса не имела склонности к героической любви. Я отказал своему сыну.

Кассандра, дочь Гекубы, воспользовалась тем, что Аполлон пытался ее соблазнить, и научилась у него искусству предсказания. Потом, достаточно узнав, она ускользнула из божественных объятий, отказавшись стать преемницей своей матери. Так что троянский дуэт моему славному охотнику не удался. В гневе, что его провели, Аполлон отомстил Кассандре, сделав так, чтобы ее предсказаниям никто никогда не верил.

Но еще больше он был уязвлен предательством гордычки Корониды, дочери царя лапифов: она превзошла его в неверности, изменив ему, когда была беременна его стараниями. Стоит ли обвинять Корониду? Ведь она, как и все, надеялась стать супругой Аполлона, и ее, как и всех, постигло разочарование. Тогда она решила обеспечить своему ребенку хотя бы смертного отца. Я бы на месте Аполлона был вполне доволен. Но

он и слушать ничего не стал. Ослепленный гневом, он пронзил грудь Корониды стрелой, правда, догадался все-таки в последний момент, когда красотка уже испускала дух, спасти ребенка.

Этот ребенок стал не кем иным, как божественным Асклепием, отцом всякой медицины, неутомимым путешественником, Имхотепом фараона Джосера, его верховным визирем и советником, первым зодчим великих каменных сооружений, но главное — родоначальником династии жрецов-целителей, которые очень долго занимались врачеванием в храмах. Асклепионы — одновременно святилища, лечебницы и школы — всегда строились близ источников. Все ваши медицинские учебные заведения с их наукой и способами лечения вытекли из тех родников. Помните, что Асклепиады ведут свое начало от Аполлона, помните, что медицина изначально была искусством и останется им, если не отречется от своей природы и не забудет о своей сущности.

Иногда, словно утомленный женской сутью, яйцом и его ночью, Аполлон исчезает вместе с каким-нибудь юношей, чье восхищение щедро его вознаграждает, чья жажда слушать и постигать отгоняет мысли о тщетности собственных усилий. Аполлон находит наконец зеркало, которое не искажает его черты, эхо, которое не извращает его голос; он может любить другого, не теряя самого себя. Но зато этот другой довольно часто бывает потерян. Тот, кто отражает свет Аполлона, не может долго этот свет выдерживать: ожог слишком силен. Какое гибельное отчаяние из-за того, что они не Аполлоны, внушил мой сын юношам, которых любил? Или же он любил только обреченных на отчаяние?

Хрупкий Гиацинт умер от томления. Когда Аполлон вдыхает аромат гиацинта, он ищет дыхание поте-

рянного друга. Кипарис убил себя. Вечером, когда Аполлон приходит играть на флейте под этим погребальным деревом, он оплакивает потерянного друга.

Все неизбежно его утомляет или оставляет; во всем он вынужден познать оборотную сторону, рыдание после успеха, траур после желания.

Аполлон, дети мои, бог для человека. Я таким и хотел его видеть. Ни один из его даров, ни один из его поступков не интересен ни одному виду, кроме вашего. Буйвол или воробей, мурена, спящая ящерица, паденица на сирени, яблоня и ее лишайник обходятся без Аполлона и могут не обращать на него внимания. Но не вы.

Он бог гордости, бог потребности осуществлять и быть непревзойденным, бог, уже похожий на полубога. Он ненасытен, вечно гоняется за неуловимым, его руки всегда протянуты к недоступной Дафне... Вы ведь знаете: нимфа Дафна, бежавшая от него. В этой истории — весь Аполлон, этот случай иллюстрирует и резюмирует моего сына.

Много дней он преследовал нимфу, и та, сколь бы проворной ни была, почувствовала, что слабеет. Тогда она умолила своего отца, фессалийского речного бога, превратить ее в дерево, чтобы иметь возможность избежать божественных объятий. И в тот самый миг, когда Аполлон думал, что схватил нимфу, руки прекрасной Дафны вдруг превратились в ветви, волосы и пальцы — в блестящую листву, легкие белые ноги — в черные корни; и вместо возлюбленной мой сын увидел перед собой лавровое дерево.

Лавр — растение, символизирующее и пророчество, и славу; предсказатели жуют его листья, ими же увенчивают поэтов. Пальчики Дафны избирают лишь одиночество.

Не слишком завидуйте, сыны мои, тем из вас, кто отмечен славой Аполлона. Щедро увенчанное лаврами чело скрывает больше разбитых грез, чем осуществленных желаний.

И город Дельфы, в отличие от прочих святилищ Греции, не навевает покой; это место трагическое.

Дельфийская статуя

О Дельфы, святилище моего дорогого Аполлона! Мне захотелось вновь увидеть этот город после долгого сна. Храм обрушился, треножник исчез, оракул мертв. Сокровищницы греческих городов пусты. Любопытные невежды запросто топчут места, куда жрецы не осмеливались ступить без обряда очищения. Сколько стершейся красоты, разрушенных трудов, пропавшего знания!

Внезапно на повороте священной дороги перед посетителем вырастает статуя сидящей богини: массивный, тяжеловесный силуэт на горизонте долины. Из всех изображений людей и богов, что теснились здесь, она единственная уцелела среди обширных руин. Века уничтожили ее лицо и руки, сгладили плечи и даже груди. Она — отсутствие мысли и выражения, набросок туловища. Время — второй скульптор, оно подправило статую, чтобы придать ей истинный смысл.

Это первоначальное божество места, богиня-мать, богиня-чрево. Время пощадило только ее живот; мраморные складки драпируют широкие недра, подобно бороздам на поле.

Источенная, но крепкая нога, проступающая из-под складок, уверенно упирается в почву и утверждает свое вечное притязание на эту землю.

— Когда я женился на тебе, прекрасная Гера, я сказал, что ты будешь первой, но не обещал, что будешь единственной.

— Однако именно так я тебя поняла, — отвечала она, — иначе бы не согласилась.

— Ты забываешь свои же собственные слова, сказанные перед свадьбой, иначе бы я тоже не связал себя.

Таким был ежевечерний предмет наших размолвок. Мне сдается, дети мои, когда я слышу голоса, доносящиеся из супружеских опочивален, что причины ваших ссор с тех пор не изменились. Беспреданно возвращаясь к измене мужа, жена лишь внушает ему желание совершить другую.

Моей следующей любовницей стала нимфа Майя.

Она была дочерью Атласа — титана, осужденного поддерживать небо, и племянницей Прометея. Майя жила в Аркадии бедно и достойно, довольствуясь тем, что получала со своего птичьего двора и немногочисленного стада. Она не жаловалась. Пелопоннесская Аркадия — земля, прекрасная видом, но не слишком щедрая, кроме тех мест, где струится плодотворная вода. Каждое зерно, каждый плод требуют для своего созревания упорного труда. Аркадия воспитала наро-

ды умеренные, крепкие и гордые. Суровые условия научили их ценить жизнь и в полной мере наслаждаться малейшим даром богов. Они мало просят и, обязанные почти всеми благами усилию собственных рук, чувствуют себя свободными. Они по-настоящему благородны и могут смотреть на любого человека, хоть нищего, хоть царя, как на равного.

Смуглая Майя была нимфой этого племени, и полюбить ее означало стать ближе к смертным. Она ничуть не оробела, увидев, что к ней снизошел царь богов. Став моей избранницей, Майя держалась как достойная меня.

Жила она на горе, называвшейся Киллена или Киллени, в простой пещере с побеленными стенами. И вовсе не просила, подобно многим, извинить скромность ее жилища; в таких извинениях всегда чувствуется упрек или корысть. Майя не воспользовалась моим присутствием, чтобы выпросить себе драгоценности, домашнюю утварь или богатство. Краснеть за то, что имеешь, и требовать большего — значит отречься от того, что ты есть. Чего Майе было стыдиться? Разве я сам не родился в пещере?.. А украшения у нее были свои: волосы темного шелка и жаркие глаза. Перед жилищем, с порога которого виднелось море, росли тимьян, базилик и дикий жасмин; и там было больше счастья, чем в каком-нибудь лишенном запахов дворце. Вокруг бушевала греческая весна. Поля до самой Олимпии были затканы анемонами и гладиолусами.

Ах, напыщенная Гера, если бы ты могла видеть, как я смакую ячменную похлебку, с каким наслаждением пью воду из родника! Пол у Майи был покрыт овчинами. Мягчайшими овчинами!

Однако, наученный своим недавним опытом, я повел себя с большей осторожностью. Да и Майя была не

из тех, кто не может наслаждаться счастьем без огласки. И боги, и люди давно забыли, что эти дивные мгновения должны оставаться только нашими.

Даже Илифия не знала, кто отец ребенка, которому она помогала родиться в пещере на горе Киллена. Просто спеленала его и положила в ивовую колыбельку. Этим новорожденным был Гермес.

**Гермес похищает стадо Аполлона.
Изобретение лиры. Гермес среди олимпийцев.
Обмен лиры на кадуцей**

Почти все мои сыновья, едва появившись на свет, совершали какой-нибудь подвиг, в котором проявляли свою божественную природу.

В первую свою ночь на земле, пока Майя дремала, Гермес выпутался из пеленок, выбрался из колыбели и подполз к выходу из пещеры. Тотчас же он приобрел свой божественный рост и добежал с Килленского полуострова, который расположен напротив острова Занте, до Фессалии, что на другом конце Греции.

Как раз в это время там находился Аполлон, в очередной раз удалившийся с Олимпа в сельскую глушь, где пас стада царя Адмета. Он был тогда увлечен прелестным, как юная девушка, красавцем Гименеем, который неизменно носил венок из цветов.

Пока Аполлон спал со своим дружкой, Гермес, обходя луга, увидел дюжину коров, сотню телок и быка. Скорый на проделки, он связал животных жгутами из травы, привязал им ветки к хвостам и, потянув одновременно за все ветки, потащил стадо задом наперед, чтобы направление следов сбило поиски с толку.

Из Фессалии Гермес двинулся вдоль побережья в Аттику, вынуждая стадо довольно долго идти по воде. Потом, когда все следы были стерты морем, развязал стадо, перевел его по перешейку и, прогнав перед собой через Пелопоннес, укрыл свою воровскую добычу в Пилосской пещере с выходом в просторную бухту,

которую вы называете Наваринской. День только-только начался.

Перед пещерой Гермес принес в жертву двух телок и нажарил мяса, разделив его на двенадцать равных частей.

Он уже заканчивал жертвоприношение, когда заметил крупную черепаху, выброшенную морем.

«Эта черепаха тут неспроста, — подумал Гермес. — Что бы с ней такое сделать?»

Мысли в его голове сочетаются быстро. С помощью камня он вскрыл черепаху и выпотрошил, полностью освобождая панцирь. Потом выбрал из внутренностей телки подходящие кишки, скрутил их, вытянул, высушил и прикрепил к черепашьему панцирю, натянув довольно сильно над отверстием. Так он смастерил первую лиру. Покончив с этим, Гермес вернулся на гору Киллену, опять сделался крохой и заполз в свою колыбель.

Тем временем Аполлон заметил исчезновение своего скота. Все небо Фессалии наполнилось гневом моего сына.

— Да что же это за великое надувательство такое? Судя по следам, стадо вышло из моря и направилось сюда! Однако у меня не хватает лучших животных: моих белых телок и гордого быка. Во что бы то ни стало надо найти мошенника, который учинил эту проделку.

Он допросил сатиров и силенов, понаблюдав за полетом птиц и отправил соколов и воронов на разведку. Вскоре гадание вывело Аполлона на верный путь. Он ворвался в пещеру Майи и потребовал назад свое добро.

— Вор здесь; знаки мне это сообщили.

— Этого не может быть, прекрасный Аполлон, — ответила Майя. — Я тут одна со своим новорожденным ребенком.

— Значит, это он.

— Горечь тебя ослепляет, божественный певец. Как можно обвинять в таком преступлении крохотного младенца в колыбели? Взгляни на него.

И действительно, туго спеленутый Гермес притворился, будто дремлет, и даже шевелил губами, словно сосал молоко.

Тут Аполлон заметил в люльке черепаший панцирь, выглядывающий из-под тряпья.

— А это что?

— Игрушка. Я сам смастерил,— пискнул Гермес тонюсеньким голоском.

Аполлон аж подпрыгнул.

— Ему всего один день, а он уже говорит! Вот уж чудо, так чудо. И как же он сделал эту игрушку? — спросил Аполлон, рассматривая лиру. — Да я вижу тут телячьи кишки! Он и есть вор!

Тогда Майя, дрожа, шепнула ему:

— Он сын Зевса.

— Ну что ж, значит, нас тут двое,— произнес Аполлон. — Вставай-ка, разбойник, пойдем к нашему отцу, пусть он тебя судит.

Аполлон, так жаждущий независимости, не приемлющий никаких приказов, охотно прибегает, как вы сами заметили, к суду, преимущественно к моему. У этого поэта, этого бунтаря большая склонность к сутяжничеству, он обожает публичные разбирательства, и все, что угодно, — преданная любовь, артистическое соперничество или украденный скот — становится у него поводом для иска.

Гермес вылез из люльки, вновь придал себе росту — и, прижимая к груди лиру, последовал за своим сводным братом на Олимп.

Я воссел на престол, чтобы их выслушать. Пока Аполлон изобличал преступление, приводил доказа-

тельства и возмущался нанесенной ему обидой, я наблюдал за своим новым сыном.

Приняв юношеское обличье — как раз того возраста, когда юность более всего обаятельна, — он склонял обрамленное черными кудрями лицо и вовсю напускал на себя сокрушенный вид. Он был красив, этот пострел: руки изящные и нервные, бедра узкие и мускулистые, ноги худощавые, легкие и ровные, как стрелы; но главное — разлитая во всем его облике смесь живости и лукавства. Его затененный длинными темными ресницами взор примечал все: от орла у моего престола и скипетра в моей руке до пастушьего посоха, на который опирался Аполлон, потом исподтишка вглядывался в мои глаза.

Я возвысил голос:

— Что скажешь в свое оправдание?

Он не совершил ошибки: не стал уверять в своей невинности. Сказал только:

— Моя мать бедна.

— Что еще?

— Я принес в жертву двух телок и поделил мясо на двенадцать частей, по числу главных олимпийских богов...

Так вот откуда взялся этот добрый дымок, что приятно щекотал на заре мои ноздри и наполнял благожелательностью по отношению к неведомому дарителю, кем бы он ни был, смертным или богом.

— Двенадцать богов? — переспросил Аполлон. — И кто же двенадцатый?

А ведь и в самом деле, моя сестра Деметра в то время отсутствовала, оплакивая, как и каждый год, похищение Персефоны, поэтому нас было только одиннадцать. Добавлю, что моего сына Ареса, по-прежнему сидевшего в бронзовом горшке, можно было не считать. А Дионис тогда еще не родился; но в совете заседала моя сестра Гестия.

Гермес отвесил поклон.

— Двенадцатый, досточтимый братец, это я сам, — ответил он. — Так что я и съел долю, которая мне причиталась.

Такая дерзость и самоуверенность в сочетании с изобретательностью склонили меня к мягкости. Светлый ум среди богов попадает не чаще, чем среди людей, так что, встречаясь с ним, не стоит его обескураживать.

— Ты вернешь стадо своему брату, — сказал я Гермесу, — и, пока отсутствует твоя тетка Деметра, займешь ее место среди нас. Я рассчитываю на твое проворство. Будешь с пользой трудиться во время зимнего затишья.

— Отец, повелитель мой, — произнес он, — я подчиняюсь. Если Аполлон согласен последовать за мной, я прямиком отведу его к тайнику, откуда он сможет забрать свою скотинку.

И они ушли в сторону Пелопоннеса. Поскольку Гермес по-прежнему не расставался со своим черепашьим панцирем, Аполлон спросил об этом предмете, который сильно его интриговал. Это и вправду игрушка? А зачем на ней натянуты коровьи кишки?

Тогда Гермес, пощипывая струны лиры, извлек из нее доселе не слыханные звуки, которые очаровали его спутника. Потом, не переставая играть, экспромтом спел песнь, в которой восхвалял Аполлона за его несравненную красоту, таланты и благородство души.

— Какой дивный инструмент! Позволяет петь и играть одновременно! — воскликнул Аполлон. — Пальцы извлекают одно, а уста свободны для другого. Подобное с флейтой невозможно.

Некоторое время спустя Гермес вновь появился на Олимпе, где уже чувствовал себя как дома. Прибежал, держа в правой руке золотой жезл Аполлона.

— Отец, отец! — кричал он. — Стадо теперь мое, и на этот раз с согласия Аполлона!

— А этот кадуцей, который я ему подарил? — спросил я, показывая на пастушеский жезл.

— Это было частью сделки, в обмен на лиру.

Внизу, далеко в долине, парил ястреб. Гермес концом кадуцея начертил крест, словно деля небо на четыре части, и стал наблюдать, куда направится птица.

— Вижу, ты также добился от Аполлона, чтобы он научил тебя искусству гадания. Но что ты, собственно, дал ему взамен?

— Славу, отец, славу и рукоплескания повсюду, где бы он ни появился. А сам я больше петь не буду.

Отныне оба моих сына живут в дружбе и добром согласии. Похоже даже, что ловкость Гермеса необходима Аполлону. Но кто же не нуждается в Гермесе?

Гермес — божественный гонец.

Его универсальная роль

Вскоре, видя большие способности и желание их использовать, я назначил Гермеса своим глашатаем. В знак его должности я привязал к кадуцею белые ленты, а к сандалиям и шапке — крылышки, чтобы сделать Гермеса еще проворнее в передвижениях. И он стал летать повсюду, донося до людей послания богов.

Помните, дети мои, по какой причине вы дали Гермесу другое имя — Меркурий? Помните, из чего образовано это слово? *Medius current* — «бегущий между», то есть «посредник, вестник».

Однако главный вестник, всеобщий посредник — это язык.

Гермес в первую очередь, и особенно, бог слова; он — сам язык. В его крылатой сандалиии вы узнаете слово, перелетающее из уст в уста, от человека к небу. Это Гермесу вы обязаны способностью общаться между собой, выделять разные стороны зримого и давать определения незримому. Как иначе вы можете различать богов, кроме как именуя их? Без Гермеса Вселенная была бы для вас лишь темной хаотичной пустошью, или, скажем, без Гермеса темнота для вас начиналась бы ближе.

Во всем, что в любой области относится к языку, соприкасается с ним или использует, обнаруживается Гермес. Моему сыну ведома способность звуков, из-

даваемых в некоторых магических ритмах, оказывать определенное воздействие на время и вещи, создавая тем самым новые ситуации. Гермес передал вам малую толику силы Урана, который лепил рельеф мира и создавал различные виды живых существ, испуская волны различной частоты, звуками сгущая частицы бесконечного. И именно в этом смысле можно сказать, что в начале было Слово. Оно же будет и в конце.

У вас появилась привычка улыбаться, когда вам говорят о силе звуков, но вы все же сдерживаете свой голос в высоких горах, чтобы не вызвать лавину. И вам небезызвестно, что выше и ниже частот, которые различает ваше ухо, существуют и другие, которые для вас либо благотворны, либо вредны, а то и смертельны.

Знайте же: если ваши предки научились молиться и говорить почти одновременно, то это для того, чтобы творить в незримом маленькие лавины добра. Однако многие из вас продолжают молиться или, скорее, верить, что молятся, когда, бормоча себе под нос или мысленно, вызывают, винятся, трепещут, просят, умоляют. Но эти молитвы не более чем полумолитвы, и проку от них никакого, поскольку вы забросили учение Гермеса и уже не знаете ни правильных звуков, ни правильных заклинаний, которые должен произносить человеческий голос.

Зато ваши народы угрожают друг другу, дрожа от страха перед возможным взаимоуничтожением, и бряцают оружием, в котором, подобно зародышу, заключен звук, способный проникнуть в глубь незримого, гигантский звук, который все приведет к распаду. Он вполне может оказаться Словом вашего конца.

Наука и магия — одной природы; и та и другая первым делом определяют взаимоотношения между вещами, даже если на первый взгляд их нет. Но как выявить эти тайные отношения, эти подобиya или раз-

личия, симпатии или враждебности, если не выразить их символами с помощью языка? Как говорить с тем, кто кажется нам чужестранцем, без помощи толмача, переводчика — герменеоса?

Беспрестанно снуя меж богами и людьми, меж глубинами мира и его поверхностью, беспрестанно прокладывая пути меж сутью и проявлением, беспрестанно соединяя вещи с идеями и идеи между собой, Гермес дал вам большую часть знаний, которые сделали из вас то, что вы есть. Он вам назвал имена светил, показал их путь в тридцати шести деканах зодиака; он великий знаток астрономии и астрологии, поскольку ведаёт любым знанием, которое без речевых, рисованных или цифровых символов не могло бы ни сложиться, ни быть переданным. Гермес обучил вас логике, арифметике, физике, алхимии, медицине, механике, баллистике, искусству навигации. Он — изобретатель мер и весов, подъемных кранов, водяных насосов, боевых машин; а главное — изобретатель алфавита, письма. Так, помимо возможности изъясняться образами и звуками Гермес одарил вас способностью преобразовывать сами эти звуки в образы, представлять ваши летучие слова в виде устойчивых знаков, передавать, сочетать и закреплять на камне, глине, высушенной коже, папирусе любое выражение вашей мысли. Ах! Воистину мой сын Гермес — бог, рожденный для человека, и он щедро вас благодетельствовал!

Но ему мало дела до того, как вы распорядитесь его дарами. Он мастерит вам орудия и не судит за их использование; ни мораль, ни даже ваше сохранение его не заботят.

Гермес вас осведомляет, что имеется связь между таким-то небесным телом, таким-то растением и таким-то органом в вашем теле; а вы можете извлечь лекарство или яд, его это уже не касается.

Взвешивайте на неверных весах, лгите, обманывайте; Гермес доверяет одни и те же инструменты и мудрецу, и шарлатану, и честному человеку, и плуту. Он бог и купцов, и воров.

Возьмите священные костяшки, плиту с высеченными знаками, разделенную на клетки доску, которые служат гадателям на паперти храмов, чтобы читать будущее, и воспользуйтесь ими для игры в кости, шашки или триктрак; превратите игру судьбы в игру случая, в азартную игру; Гермес этому не противится. Ведь это все тот же обмен, язык, условные символы. Гермес — бог игроков и шулеров.

Гермес — бог сделок. Он ведает составлением договоров, соглашений, обязательств, но отнюдь не следит за их исполнением.

Белые флаги ваших перемирий — это те самые ленточки, которые я привязал к жезлу Гермеса, и пока их носитель бежит от одного войска к другому, они подают сигнал, что сейчас время говорить, а не сражаться.

В чем же нет Гермеса? Он бог скорости, его статуи возвышаются на стадионах, служа примером для атлетов. Он бог путешествий, его столбы-гермы отмечают дороги и напоминают своей бесстыдно задранной туникой, что перемещение — выражение желания и что желание плодотворно. Он бог торговли и потому стоит у входа в гавань, кружит по рыночной площади, склоняется над прилавком менялы.

Гермес — единственный любовник, которого знали за Гекатой, единственный, кто оказался достаточно проворен и многолик, чтобы обольстить и познать эту богиню с тремя телами. Она родила от него Кирку-волшебницу.

Все боги ценят Гермеса, любят или умасливают; он нужен всем. Его проделки веселят богов, и боги про-

щают их, даже когда сами становятся жертвами, ведь тот, кто сегодня пострадал от Гермеса, завтра будет нуждаться в его услугах... и я в том числе.

Он всегда был лучшим товарищем в моих амурных похождениях, самым верным, хитроумным, веселым сообщником в любовных делах. Как соблазнение зависит от слов! Великие признания, ложные клятвы, ухищрения, обманы, извинения — Гермес никогда не скупится на выдумки и во все вкладывает равную убедительность. Переводчик для чужестранцев, парламентар для сражающихся, он ничуть не изменяет своей природе и обязанностям, когда становится посредником для влюбленных.

Но, будучи служителем любви, Гермес при этом и служитель смерти. С Аидом — да, даже с Аидом! — он заключил сделку, договорившись об обмене. Всякий раз, когда Гермесу необходимо, он заимствует у Аида шлем-невидимку, который надевает поверх своей шапочки. Тогда Гермес одолевает самых грозных великанов, ведь он — триумф духа над телом. За это он препровождает к Аиду души умерших и ведет учет их взвешивания в Преисподней. В такие моменты он является Гермесом-психопомпом, богом последнего путешествия, и сопровождает погребальные процессии печальной флейтой. Гермес уважительно подводит вас к воротам, за которыми начинается потустороннее существование всех вещей.

Однако в этой должности Гермес обнаруживает еще одну сторону своей натуры: показывает себя серьезным, сосредоточенным, проникнутым важностью момента; такими и вы делаетесь при виде ваших мертвых, будучи даже самыми алчными из наследников. Разве не примечательно, что находчивый, изобретательный Гермес, ловко умеющий все обратить в свою пользу, никогда не помышлял о том, чтобы извлекать

выгоду из ваших останков? Делал ли он когда-нибудь из ваших внутренностей струны для своих лир? Резал ли вашу кожу на ремешки для своих сандалий, кроил ли из нее свою сумку, писал ли на ней свои алфавиты? И когда какой-нибудь бесноватый диктатор собирается на что-то употребить ваши скальпы или ваши кости, разве вы не кричите о чудовищности и кошунстве?

Из всех видов живых существ вы единственные, кто погребает своих мертвецов, бальзамирует их или сжигает. Вы отличаетесь от остальных представителей природы не только членораздельной речью, но и вашим обращением с останками себе подобных. Пытаясь подсластить осознание того, что вы должны исчезнуть (которым обладаете только вы), Гермес дал вам понять, что после распада вашей оболочки и перераспределения энергий вас ждет некое таинственное продление жизни и участие в трудах богов. Он научил вас строить жилища для праха, украшать их цветами и изображениями усопших; научил вас ожиданию незримого возвращения из незримого путешествия.

Гермес, странный Гермес, среди бессмертных отец Пана, среди людей предок Одиссея; вы никогда не сможете познать его целиком.

Самый верный его образ — в двуликом бюсте, одно лицо которого обращено к вам, другое к богам, что передает двойное значение всякой вещи, оба смысла каждого слова. С одной стороны это юный, ловкий, легкий, хитроумный, обаятельный, ветреный бог ваших желаний и мирских поступков, с другой — глубочайший мудрец, универсальный ученый, которого египтяне узнали в его сыне Тоте. Гермес — Трисмегист, трижды величайший, уста скрытого бога, владыка откровения. Он тот, кто являлся храмовым пророкам,

кто учил божественного Асклепия, кто предоставил царю Фамузу-Аммону письменность, кто предшествовал Моисею и кого Моисей вероломно обобрал, он тот, наконец, кто надиктовал две книги гимнов, четыре книги о небесных телах, шесть книг по медицине, двадцать книг ритуалов и законов, тридцать шесть книг мудрости и науки, где записано всё знание. Без сомнения, столько всего верного, важного, необходимого, вечного там заключено; но вы в этих книгах уже ничего не понимаете и потому называете их «герметическими».

Девятая эпоха
ПОХИТИТЕЛЬ ПРАХА

Освобожденный Арес. Его утехы с Афродитой. Мсть Гефеста и злодеяния Ареса

Тем временем Арес по-прежнему сидел в своем бронзовом горшке. Чтобы снискать благодарность Геры, которая беспрестанно причитала о разлуке со своим любимым сыночком, Гермес, используя запасы своей ловкости, сумел сделать то, что было не под силу никому из богов: снять крышку с Аресова узилища.

Так ум освободил войну.

Арес в изнеможении и бешенстве вылез, оттолкнул свою сестру Гебу и тетку Гестию, которые хотели уместить его и перевязать, оттолкнул даже распростертые объятия своей матери и завопил так, что мир дрогнул:

— Где эти Алоады, где эти От и Эфиальт? Они мне дорого заплатят за то, что со мной сделали!

Не переставая орать, Арес потрясал копьем.

— Алоады,— сказал я ему,— в Преисподней. Их одолела твоя сводная сестра Артемида, которая родилась во время твоего заточения. Вот она.

Арес не выразил никакой особой признательности Артемиде, как, впрочем, и Гермесу. Его черные глаза метали во все стороны разъяренные взгляды.

— А кто получил награду за победу над гигантами?

— Твой брат Гефест, он теперь супруг Афродиты.

Любовные успехи часто служат для возмещения воинских неудач. Тот, кто был жалок в бою, бросает-

ся на приступы альковок, другой мстит за свои неудачи в роли соблазнителя, захватывая крепости. Гефест завоевал трофей в сражении; самым срочным делом для Ареса стало завоевание Афродиты, которая, надо признать, оказала ему весьма слабое сопротивление.

Конечно, если сравнивать красавца Ареса, с его выпяченной грудью, умашенными маслом мускулами, надменной поступью, и колченого Гефеста, курносого, безобразного, вечно пахнущего потом и кузницей, то первый больше годится, чтобы польстить тщеславию и утонченным вкусам Афродиты. К тому же Афродита — пожирательница времени; она требует, чтобы любовник посвящал себя ей всецело. Однако Гефест с раннего утра до вечера был занят в своих мастерских, тогда как Арес, прокатившись утром в своей колеснице и метнув для упражнения пару дротиков, располагал долгими часами досуга. Он проводил их подле Афродиты, не стесняясь предаваться утехам прямо на ложе своего старшего брата.

Однако Гелиос, которому с высоты его колесницы видно все, стал свидетелем этого зрелища и возмутился. Вечером, завершив свой круг, он спустился под Этно и направился к Гефесту.

Между Гелиосом, нашим родственником по Урану, и моим сыном Гефестом существуют глубокое сходство и большая симпатия. Божественный огонь и солнечная энергия — одной природы.

Гефест отложил свой молот, вытер залитое потом лицо, ополоснул руки в чане с подземной водой и выслушал рассказ Гелиоса о том, как его обесчестили.

Гефест не закричал, не покраснел, просто задумался, опираясь на свои резные костыли; что-то похожее на слезы промелькнуло в его больших глазах. Он поблагодарил своего гостя и, еще более грузно, ковыляя сильнее, чем когда-либо, вернулся к своему горну.

Среди нас, богов и людей, обманутые мужья часто бросаются со своей бедой к первому встречному. Они проклинают, стенают либо изрыгают пустые угрозы, словно находя убогую отраду в усугублении собственной смехотворности. Бедный Гефест со своим врожденным уродством и без того был слишком смешон. Ну что ж! Смеяться так смеяться, он перетянет насмешников на свою сторону.

И он выковал сеть столь тонкую, столь воздушную, что никто бы и заметить ее не смог, но при этом такую прочную, что ее невозможно было порвать. Гефест прикрепил сеть к потолку своей супружеской опочивальни, вывел наружу нить, приводившую снасть в действие, и сделал вид, будто отправляется на Лемнос.

Арес, увидев, что Гефест удаляется, побежал к нему в жилище, где его уже поджидала Афродита.

— Иди ко мне, дорогой возлюбленный, иди ко мне, прекрасный Арес, приди на мое глубокое ложе.

Гефест, спрятавшийся в соседнем лесу, слышал их голоса; он дождался, пока начались стоны и вздохи, и накрыл любовников своей сетью. Потом, с треском разломав крышу своего дома, крикнул в облака:

— Зевс и вы, бессмертные, полюбуйтесь-ка на то, что потешит ваше зубоскальство! Афродита меня презирает, потому что я хромым, и предпочитает мне проворного красавца Ареса. Они как раз хлопотали, оскверняя мое ложе. Полюбуйтесь теперь, каковы они: совсем запутались, не могут даже оторваться друг от друга; полюбуйтесь, как они несуразно корчатся! Я освобожу их не раньше, чем эта потаскуха вернет мне все подарки, которые я ей сделал и которых она недостойна!

Богов, при виде Ареса, едва покинувшего свой бронзовый горшок и вновь угодившего в ловушку, при виде утонченной, надменной Афродиты, барахтавшейся на

спине, словно лягушка, сотряс громовой хохот. И чем больше попавшиеся любовники вырывались, тем больше запутывались. А поскольку сеть была невидима, то непонятна была причина их рывков. Видно было только, как они калечат друг друга, уже начинают ненавидеть друг друга и попрекают друг друга за положение, в котором оказались. Боги все смеялись. Сколько измен похоже на эту сеть!

Пришлось Аресу пообещать, что он возместит свадебные дары и драгоценности, чтобы Гефест согласился наконец снять эти силки. Афродита убежала на свой родной Пафос — остров возле Кипра, — чтобы спрятать там на какое-то время свой стыд. Арес отправился во Фракию.

Впоследствии Гефест так и не согласился принять обратно свою неверную супругу. Они вместе заседают в совете богов, но редко говорят друг с другом.

Арес неоднократно проводил время у Афродиты, и они часто показывались вместе. После такого громкого скандала они чувствовали себя обязанными предъявить миру образ великой страсти, но любовь их была показной, и они уже не находили в ней приятности, когда у них отняли удовольствие обманывать Гефеста. Арес говорил о конях, Афродита — о своих уборах. В племе Ареса Афродита искала зеркало; а Арес через плечо Афродиты высматривал реки, которые преодолеваются одним броском, и пыльные равнины, где даются сражения. Она скучала со своим любовником-солдафоном еще больше, чем с мужем-кузнецом.

У Ареса и Афродиты родился сын, которого называли Эросом, по имени древнего Эроса доурановых времен. Правда, похожи Эросы лишь отдаленно. Этот второй Эрос вовсе не огромная любовь, великая изначальная космическая энергия, которая побуждает и миры, и мельчайшие частицы соединяться и воспламенять-

ся, создавая новые атомы и новые вселенные. Второй Эрос под стать вашим мелким увлечениям. Он носит колчан, напоминая вам, что в ваших любовных похождениях есть кое-что от вооруженной стычки, так что некоторая часть ваших лучших сил утекает от вас через крошечные ранки, оставленные его стрелами.

У Ареса и Афродиты родилась также дочь Гармония, зачатая в один из их редких счастливых моментов. Соединяя в себе красоту и грацию родителей, она не унаследовала их недостатков. Гармония воплотила их надежду, недостижимую мечту, иллюзию, за которой тщетно гоняются все неудачные пары.

И Арес в конце концов покинул Афродиту, изрядно ей надоев; у нее были другие любовники, у него — другие любовницы. В числе его порождений Страх и Ужас — спутники его небесного тела, которые стоят с ним в колеснице, правят конями и служат ему щитоносцами. Породил он и Распря, которая подает ему дротики. Среди смертных Арес при случае оставляет после себя буйных сыновей, чаще разрушителей городов, чем основателей.

Если послушать Ареса, особенно перед тем, как он отправляется на битву, так он всегда победитель. Не верьте этому. Когда он вздумал напасть на Афины, которая тоже умеет быть воинственной, она повергла его на колени. А когда позже он захотел схватиться с Гераклом, то вернулся на Олимп совсем жалким и окровавленным, с пронзенным бедром.

Ну почему столь красивая внешность заключает в себе жестокое сердце и свирепые желания? Ведь одно удовольствие смотреть, как Арес бежит, прыгает, мечет диск или толкает ядро, взнуздывает самого горячего коня и бросает его на препятствие. Почему бы ему не удовольствоваться этими здоровыми радостями атлета?!

Может, этот гордец страдает оттого, что над ним стоит родитель, а потому, не имея возможности навязать свою волю всему мирозданию, мстит, разрушая Вселенную? Неужели он, попирая ногами грудь развалин, и вправду считает себя властелином?

Как только в каком-нибудь уголке земли возникает спор, Арес, которого во многих ваших странах называют богом Марсом, немедленно появляется с копьем в руке и мечом на боку.

— Деритесь! — кричит он. — Только слабаки ведут переговоры! Слава только в битве, удовлетворение только в уничтожении противника!

И Арес убеждает, потому что он великолепен и яростен и потому что слишком многие из вас, смертных, похожи на него, предпочитая скорее всем рискнуть, нежели немного потерпеть. Он пренебрегает приговорами Фемиды и часто узурпирует право изрекать повеления, выдавая их за законы; Арес знает: когда война объявлена, политикам остается лишь по-виноваться ему, поэтам — восхвалять его, а мудрецам — помалкивать.

И тогда начинается бойня. Арес носится по полям сражений и разит всех без разбору. Он поджигает терпеливо возведенные города, топчет богатые урожаи Деметры, ломает, корежит, уничтожает произведения Гефеста и посылает к Аиду такие толпы убитых, что Гермесу приходится заниматься лишь этими нескончаемыми потоками, из-за которых веретена мойр перепутываются и можно подумать, что они все втроем работают только на Смерть.

Ах, сколько раз Арес вызывал мой гнев! Сколько раз я кричал ему, что из всех бессмертных он мне более всего отвратителен!

Мне кажется, Арес воспользовался моим сном, чтобы сделаться среди вас еще более популярным. Ваши

губительные возможности головокругительно возросли; за эти две тысячи лет вы устроили больше истреблений, чем за все остальные тысячелетия, вместе взятые, а за одну только последнюю полусотню лет разрушили больше, чем за все века.

Остерегайтесь также, дети мои, красной планеты Ареса; слишком уж вы рискуете, подбираясь к ней. Марс отнюдь не легкая добыча, даже просто поцарапав его, вы можете столкнуться с тяжкими последствиями. Остерегайтесь... Полагаю, вы пускаетесь в слишком опасные предприятия, даже не испросив перед тем никакого оракула.

Ваша раса будет отнюдь не первой, что дерзким и самонадеянным невежеством навлечет на себя великие космические несчастья. И в этот раз я не уверен, что смогу удержать ваш мир от гибели.

До вас, как я уже пытался вам втолковать, было несколько человеческих рас.

Первая, о которой я говорил в начале моего рассказа, была создана непосредственно самим Ураном. Он извлек ее, как и все ныне живущие виды, из илистой плоти нашей бабки Геи и вдохнул в нее божественное Число. Именно к этой первой расе, включавшей в себя многие разновидности, принадлежали атланты. Эти люди жили до тысячи лет, не воевали, не знали старости и страха смерти, отчетливо слышали музыку сфер, что скользят по своим орбитам. Они жили в совершенном мире, в союзе со Вселенной и богами. Некоторые из них научились творить или перемещаться в небесных пространствах. Неточные и смутные воспоминания о них дошли до вас в словосочетании «золотой век» и в стойкой тоске об утраченном рае.

Однако первая раса почти целиком исчезла при гибели Атлантиды, в злосчастное правление Крона. Вторая раса образовалась из остатков предыдущей, но уже не обладала теми же способностями, теми же достоинствами и теми же благами. Человек уменьшился в росте, сократилась продолжительность его жизни, померкли способности. Он уже не мог общаться посредством мыслей и не слышал музыку сфер. Тем не

менее он был еще достаточно близок к великим природным силам, чтобы отличать питательное растение от ядовитого и находить дорогу не хуже перелетных птиц. Животные не бежали от этого человека. Особое чувство предупреждало его о приближении землетрясений. Он был терпелив и ждал лучшего царствования.

Но и эта вторая раса погибла в свой черед, раздавленная, растерзанная, испарившаяся в войне титанов и богов. Когда война закончилась, из пещер вышла третья раса: несчастная, дрожащая, напуганная, удрученная жестокими болезнями, последствия которых вы еще носите в себе. Эта раса не умела прокормить себя иначе, кроме как убивая. Она потеряла связь с божественным, была отягощена слишком горькими воспоминаниями и постоянным страхом смерти. Никогда еще человечество не опускалось так низко, как в то время, когда мне пришлось взять на себя заботу о нем.

Именно для этой несчастной расы мы с Деметрой растили урожай и стада; именно ее мы научили молоть злаки, собирать пчелиный мед, готовить на огне мясо. Она была неплоха, эта раса. Не слишком одаренная, она все же поднималась, хоть и медленно; прогресс вообще не скорое дело, новое благо задумывается в одну секунду, но требует тысячи лет, чтобы осуществиться. Однако — увы! — достигнутое за тысячу лет может быть уничтожено в мгновение ока. Подъем третьей расы был прерван войной с гигантами, которая почти целиком уничтожила человечество. От этих выживших родилась четвертая раса, начала которой переплетаются с историей Прометея.

Требования Прометея. Два кувшина. Ящик бед

Ах, Прометей! Сколько трагических песен вы ему посвятили, сколько поэм, где восхищаетесь им или жалуете, обвиняя меня в чрезмерной суровости! Забыв, как зовут многих других богов, его имя вы продолжаете помнить. Для вас он великодушный бунтарь, двигатель прогресса, отважный освободитель, несправедливо закованный в цепи деспотической властью. Вы сделали Прометея олицетворением разума и свободы, на меня же нацепили личину тупого тирана, мстительного и жестокого.

Но для начала Прометей — мой двоюродный брат, и в этом, быть может, причина всего. Видя меня на престоле, он думал: «Почему не я?» Ну да! В самом деле, почему не он? Он сын титана Иапета, как я сын титана Крона. Что же он сам не возглавил восстание против наших отцов, вместо того чтобы оставить мне и опасность, и славу? Все же не стоит забывать, что первым и подлинным освободителем был я.

Во время моей битвы Прометей довольно долго выжидал, не принимая ничью сторону, и присоединился ко мне, заявив о своей поддержке, лишь после того, как победа решительно склонилась на мою сторону. Это осмотнительное поведение уберегло его от кары, постигшей прочую родню, и обеспечило ему прекрасное место среди сотрапезников Олимпа. При распре-

делении вселенских полномочий ему было поручено представлять человечество в высшем совете. Прометей стал богом людей.

Тем не менее он таил горечь. Этот великий смельчак никак не мог утешиться, что ему не хватило отваги в важный момент и что он, великий разумник, показал себя всего лишь хитрецом. Он из тех богов, что не умеют полностью оправдать собственную репутацию.

Но вы и сами такие же, как Прометей, и так же, как он, вечно твердите: «Почему не я, почему не мы?» Вы не можете смириться с тем, что вы не цари, а всего лишь родственники царей...

В общем, этот трибун, заседаю у меня в совете, постоянно старался извинить ваши ошибки и раздуть мои, вечно вас защищал и требовал для вас преимуществ. Чего я только не выслушал от него после войны с гигантами!

— Потише, потише, братец! — восклицал я. — Проявляя излишнюю мягкость, я шел навстречу твоим пожеланиям. Ты ведь сам поощрял человеческих дев к соитию с гигантами, думая увеличить людскую силу. Если кто-то и виноват, то мы оба... Так не будем же взваливать друг на друга ответственность, которая на самом деле принадлежит одним лишь Судьбам; лучше оцени мои усилия, предпринятые ради четвертой расы. Я породил сыновей, которые трудятся исключительно на благо людей. Гефест готовит им металлы и орудия; Аполлон учит видеть красоту мира и воспевать ее; Гермес без усталости подбрасывает новые изобретения и открывает незримое.

Но так ли уж был доволен Прометей, видя, как вами занимаются другие боги?

— Люди несчастны, — настаивал он. — Ничто из того, что ты и твои сыновья им даете, не избавляет их

от недугов тела и души, которыми они удручены, от бремени тяжкого труда, от страхов, растерянности, от старческой немощи. Уран создал их для совершенного счастья. И ты, когда взял власть, обязался возродить творение Урана. Пора сдержать слово.

Тут он меня задевал за живое. Умел пересыпать свои упреки хвалебными словами. Просьбы льстеца настораживают. Но как благосклонно не прислушаться к тому, кто нас бранит, что мы отрекаемся от собственного величия и недооцениваем свое могущество?

— Ладно,— сказал я в конце концов.— Я исполню твои пожелания.

У врат Олимпа, по обеим сторонам входа в мой дворец, стоят два сосуда: один, из белого мрамора, содержит все хорошее, другой, из черного,— все плохое.

Каждое утро мойры ждут меня на пороге, чтобы сообщить о жизнях, которым предстоит родиться в этот день,— о жизнях нищих, царей, городов и народов. Тогда я запускаю руку поочередно в оба кувшина, достаю что-либо и передаю мойрам. А они из этого прядут ваши судьбы.

Некоторые вам говорят, что я, бывает, достаю только из сосуда с добром и тогда судьба получается целиком хорошей, а в другой раз достаю только из сосуда со злом и тогда судьба выстраивается исключительно неудачно. Нет, дети мои, ничего подобного. Вопреки этому мнению, хорошее и дурное, несчастное и счастливое всегда уравниваются на весах ваших дней, и нить мойр для каждого из вас одинаково свита из белой и черной шерсти. Вам ведь неведомы горести человека, который кажется щедро одаренным; он один знает, сколько ему выпало страданий. Так же вы не знаете, какие светлые радости озаряют самые убогие, на ваш взгляд, жизни. Богач, потерявший три драхмы, может испытывать тысячи мук, а бедняк, получивший

осьмушку обол, — наслаждаться счастьем. Живущий во дворце, что инкрустирован слоновой костью, эбеновым деревом и перламутром, задерживает занавеси, чтобы солнце не испортило его сокровища, и лишает себя тем самым ласки света. Наслаждение не обязательно обитает на ложе самых красивых женщин. Одна изводит себя печалью, потому что бездетна; другая тоже изводит себя, потому что у нее непутевый, или неблагодарный, или глупый сын. Даже уродливый, даже больной человек может испытывать временами от одного того лишь, что живет, счастье, ускользающее от тех, чье тело здорово и всегда служит желаниям. Прежде чем завидовать кому-либо из себе подобных, дождитесь, чтобы он окончил свои дни, или же разузнайте, каким было его детство! За счастье неизбежно надо платить — или до, или после.

Зато никто вам не мешает бороться всем вместе против зол и недугов, которые поражают ваш род, и постепенно повышать ваше положение во Вселенной, в итоге приближаясь к богам...

Раз уж страдание и радость нерасторжимо связаны с самим фактом вашего существования, лучше, согласитесь, испытывать и то и другое подобно богам, нежели животным.

Сначала казалось, что именно этой надеждой вдохновлены требования Прометея, потому и я был к ним чувствителен. Я решил ускорить ваш подъем, и, чтобы у вас больше не было упреков в мой адрес, я призвал Гефеста и повелел ему изготовить бронзовый сундук с плотно закрывающейся крышкой. Потом извлек из черного сосуда старость, усталость, бессонницу, нужду, болезни, безумие, закрыл их в этом ящике и вручил его Прометею со словами:

— Будь доволен. Я запер беды, удручавшие человеческий род. Возьми этот сундук и вели хранить его

как можно бдительнее, чтобы никто никогда не вздумал его открыть. И твои дорогие люди будут счастливы.

Когда Прометей удалился, я заметил у себя за спиной Фемиду, которая за всем этим наблюдала.

— Я нарушил предначертания Судеб? — спросил я ее.

Взвешивая два круглых камешка, она поднимала одну ладонь и опускала другую, потом вернула их в горизонтальное положение, на уровень груди.

Вместо ответа Фемида задала вопрос:

— Запер ли ты в этом ящике желание господствовать, ревность, ненависть, сластолюбие, эгоизм, самодовольство, неблагодарность, жестокость, ложь?

— Нет, — произнес я. — Они занимали так мало места в сосуде.

По устам Фемиды скользнула чуть заметная усмешка, что случалось редко.

— Ну что ж, загляни в него снова. Видишь? Теперь они заполнили его целиком. Можешь быть спокоен, — вздохнула она. — Ты не нарушил предначертания Судеб.

Сказки все это, верно, дети мои? Сказки, которые вам рассказывает, немного завираясь, ваш отец Зевс. Вы ведь так думаете? Но признайтесь, вам случалось когда-нибудь избавиться от несчастья или бедствия, не найдя при этом нового средства поработать или уничтожать друг друга? Когда вы будете способны выдумать рычаг, не сделав из него тотчас же катапульту, изобрести станок, не превратив его в пулемет, работать с косилкой, не приделывая ее к боевой колеснице, пользоваться осветительным газом, обойдясь без газа удушающего; когда вы сможете лечить ваши больные органы и сломанные конечности, побеждать эпидемий, пробивать горы, плавать под водой, стран-

ствовать меж звезд, не увеличивая при этом арсенал
вашего самоуничтожения; когда, расщепляя атом, вы
сумеете воспользоваться им, чтобы орошать пустыни,
осушать болота, давать кров дрожащим от холода, кор-
мить обессиленных, а не испарять себе подобных на
всех континентах, вот тогда у вас и будет право счесть
мой рассказ сказкой. А пока слушайте историю чет-
вертой расы и ничего не упустите.

Торжество Прометея. Людские заблуждения. Забвение благочестия. Лживая жертва

Спустившись с Олимпа, Прометей доверил бронзовый ящик своему брату Эпиметею. Тот был тугодумом, но, безусловно, послушным и безмерно восхищавшимся старшим братом. Великим честолюбцам ведь больше всего угождает преданность глупцов. Не будь среди вас стольких эпиметеев, виновники ваших бедствий не стали бы никем!

И Прометей собрал людей, чтобы те его восхваляли. По его словам, заключенные в сундуке несчастья он вырвал у меня убеждениями и угрозами, одержав надо мной великую победу. Действительно, дело можно было представить и так. Прометей сумел убедить людей, что они обязаны своим новым положением только ему, то есть в некотором смысле самим себе, что лишь польстило их гордыне и лености. Они не замедлили совершенно забыть богов и стали вести себя так, будто остались единственными хозяевами во всей Вселенной.

Повсеместно стали появляться местные прометеи, которые уверяли толпы эпиметеев, что несут им величие, могущество, неуязвимость, и потому принуждали по-настоящему поклоняться себе. Повсюду любовь стала походить на похотливое барахтанье Ареса и Афродиты в их злосчастной сети.

Везде тщеславие и желание превосходства сталкивали людей между собой, сталкивали мужчин с жен-

щинами, а народы друг с другом. Повсюду расцветало двуличие и насилие. Перестав испытывать усталость, человек воспользовался этим, чтобы муштровывать свои армии. По ночам он наслаждался глубоким сном, но бывал внезапно вырван из него нападением соседнего народа. Он больше не страдал от болезней, но зато погибал в огромных побоищах. На самом деле, подавляя, унижая, мучая или истребляя себе подобных, человек пытался доказать присвоенную себе иллюзорную божественность. И даже не замечал полной абсурдности своей затеи.

Я вызвал Прометея и довольно резко отчитал его:

— У каждого созданного Ураном вида существ есть свое предназначение во Вселенной и обязанность его исполнять. Они должны сохранять себя, а не уничтожать.

— Однако,— ответил тот с некоторой надменностью,— разве не антагонизм является движущим принципом Вселенной?

— Антагонизм — да, но не самоуничтожение! — возразил я гневно. — Предназначение человеческого рода в том, чтобы служить зеркалом для богов. Однако люди потеряли всякую набожность.

— Ах да, набожность... — протянул Прометей.

— Набожность складывается из трех вещей: из знания о божественном, из подчинения божественному и жертвоприношения божественному. Без знания, которое является пониманием Вселенной и единением с ней, жизнь не имеет смысла. Без подчинения, которое вытекает из знания и является согласованием своих поступков с законами, которые правят миром, жизнь не имеет оправдания. А без жертвоприношения, которое вытекает из подчинения и является добровольным возвратом части того, что каждый получает, дабы поддерживалось вселенское равновесие, жизнь не имеет удовлетворения.

Слушал ли меня этот умник Прометей? Он смотрел на шаровую молнию, которую я подбрасывал правой рукой. Ах, как же он хотел ее заполучить, эту молнию! И еще скипетр, которым я временами постукивал в такт своим словам. И как охотно он свернул бы шею орлу, который распускал крылья и царапал когтями пол у подножия моего престола! Станный Прометей... Я не мог запретить себе любить его, несмотря на всю его враждебность. Ах! Сколько всего мы могли бы сделать вместе, не будь в нем столько зависти и гордыни!

Вдруг он снова обрел свое великолепное красноречие, изобретая всевозможные извинения человечеству и призывая меня к терпению, — выдавал себя за моего верного союзника и покорного слугу. Раз я этого хочу, люди вновь начнут приносить жертвы богам, как повелось со времен доброго царя Мелиссея или мудрого Триптолема. Он ручался за это.

И действительно, вернувшись на Беотийскую равнину, Прометей приказал людям привести молодого быка, весьма белого, весьма сильного, весьма тучного. Велел его помыть и почистить, чтобы ни одна соринка не пятнала его шкуру, и украсить гирляндами из листьев и цветов. Потом, устроив длинное шествие, животное отвели к белому камню с выдолбленным углублением и умертвили, обратившись в сторону восходящего солнца. «Хорошо, — подумал я, — Прометей держит слово». С высоты Олимпа я наблюдал за ним и его подопечными, которые разделявали тушу, собирали кровь, разжигали костры и готовили вертела; при этом беспрестанно падали ниц, вставали и опять падали. «Вот это настоящее жертвоприношение! — размышлял я. — Если люди и в самом деле будут уделять столько времени этим ритуалам, у них не останется времени на дурные дела».

Наконец, когда долгие приготовления были закончены, Прометей послал Ириду-вестницу сообщить мне, что люди ждут моего присутствия.

Я встал со своего престола и явился на место жертвоприношения. Люди держались поодаль, за спиной Прометея, который говорил от их имени.

— Вот,— сказал он,— мы поделили все на две части: одна для богов, одна для людей. Но выбрать самим то, что причитается богам, значило бы оскорбить их. Так что укажи долю, которую оставляешь за собой.

Я посмотрел на две груды, сделанные из бычьей туши. Они казались равными по объему, но одна была покрыта разрезанным рубцом животного, и вид у нее был совсем не привлекательный, а запах зловонный. Зато на второй груде был разложен прекрасный, аппетитный, золотисто-желтый жир.

— Ты и люди хотели польстить мне,— ответил я Прометею, глядя ему в глаза,— и, похоже, переусердствовали в желании угодить. Ведь не ждете же вы, что царь выберет себе худшую долю? Ну да ладно, хочу видеть в этом знак вашего рвения. Я выбираю часть, покрытую жиром.

— Значит, отныне другая часть остается человеку,— произнес Прометей, положив руку на вторую груду.

Тотчас же из зарослей Беотии раздался смех.

Я приподнял слой жира и увидел, что под ним только бычьи кости, причем тщательно очищенные, уже без мозга, тогда как все мясо и все съедобные внутренности были спрятаны под вонючим рубцом.

— Ах, Прометей, Прометей! — воскликнул я. — Неужели человек всегда останется похож на ребенка или раба, который только и думает, как бы обмануть, когда ему что-то приказывают, даже если приказ направлен на его же благо? Неужели вы пойдете топить-

ся, потому что вам запретили подходить к реке, или будете упрямо умирать от голода ради удовольствия ослушаться хозяина, который велел убрать урожай до грозы? И после этого вы еще удивляетесь, что отец или хозяин вас наказывает. Неужели из-за своего желания сравняться с богами вы навсегда останетесь бунтарями по отношению к любой власти, даже самой справедливой или стремящейся быть таковой? Требуя от тебя восстановить жертвоприношения, я имел в виду прежде всего благополучие человека. Ты мне не поверил и решил обмануть. Ну что ж, ладно. Я возьму себе свою долю, а твоим дорогим людям оставлю ту, что ты им так хорошо приготовил. Но на пир пусть не надеются, ибо отныне...

Одним ударом я поверг вертела на землю.

— Ибо отныне они будут есть мясо сырым!

И я разметал огонь очагов и погасил их. И тотчас же по моему приказу дожди в полях затопили костры из травы; ветер задул пламя светильников; сон обуял хранительниц очага в домах, или же Афродита внушила им желание приключений, заставившее их оставить свои бдения; моя молния больше не зажигала деревья, от которых люди могли бы добыть себе огонь. Аид, Посейдон, все главные боги неба, земли и подземного царства, так же оскорбленные, как и я, присоединились ко мне, чтобы покарать вашу четвертую расу, отняв у нее огонь и исходящее от него благо.

Ах! Как вы сожалели, что вулканы, которые некогда заставляли вас трепетать, перестали выбрасывать раскаленную лаву! Ледники, которые обычно покрывают только вершины гор, спустились в долины, и люди по всей земле задрожали от холода. Они еще убивали, но уже не для того, чтобы уничтожать друг друга. Они убивали, чтобы добыть себе сырое мясо для еды, а также меха и шкуры для одежды. Они собирали по-

сеянный Деметрой ячмень в тех редких местах, где колосья еще хотели расти; но ячменные зерна, смешанные с холодной водой, были совсем не вкусны. Так что более питательную пищу для своего выживания они предпочитали добывать, дробя кости и извлекая мозг. Ваши последние коренные зубы — зубы мудрости, которые вам уже не нужны, — вы унаследовали от тех предков.

Флейта, подаренная Аполлоном, лира, которую смастерил Гермес, выпали из окоченевших человеческих пальцев. Все усилия теперь прилагались к грубым каменным, костяным или деревянным орудиям. Единственными дорогами для людей стали реки, по которым они спускались на плотах из связанных бревен.

Изрядная выносливость, которую они приобрели с тех пор, как болезни и телесные слабости были заперты в бронзовом сундуке, позволила им выжить. Но они не были красивы.

То была пора великих холодов. К каким же временам она восходит?

Тельца приносят в жертву в конце его эры, которая занимает небо каждые двадцать четыре тысячелетия. Пора великих холодов заполняет собой полный цикл из двенадцати эр между двумя прохождениями Тельца; она началась почти пятьдесят две тысячи лет назад и закончилась примерно двадцать восемь тысяч лет назад. Мамонт и тур паслись тогда в Европе от Урала до Дордони, забредая на припорошенные снегом средиземноморские равнины.

После долгих и терпеливых поисков вашим ученым-геологам удалось обнаружить то, что издавна вам было известно благодаря истории Прометея.

Похищение огня

Наказание, которому я подверг людей, вовсе не должно было длиться вечно. Подобной суровости у меня и в мыслях не было. Перед богами, собранными на суд, я пообещал, что кара ограничится одним большим мировым годом, одним полным оборотом зодиака; так и было в действительности.

Но едва приговор был оглашен, как Прометей стал искать средство, чтобы его обойти. Он хотел восстановить свою серьезно пошатнувшуюся репутацию, а главное — показать, что не смирился и может пренебречь моим приговором. Вот тогда-то он и стал мятежником по-настоящему.

Прометей взялся за дело ловко, исподтишка, терпеливо.

С тех пор как мой сын Гефест обнаружил измену Афродиты, он жил уныло, одиноко, угрюмо, замкнувшись в себе. Теперь, когда ему уже не приходилось стараться для людей, но только для богов, он безвылазно проводил время в своих подземных кузницах, плавя, куя, вырезая, занимаясь ювелирным трудом даже тогда, когда у него ничего не просили. Работа стала его убежищем от любовных разочарований. Работа и дружба. Прометей заделался другом Гефеста.

Несомненно, человек — друг огня. Все остальные существа боятся пламени и приближаются к нему лишь

с опаской, а если пользуются, то с крайней осторожностью. Посмотрите на собаку возле очага: она греется, но вздрагивает при малейшем порохе от упавшей головы. И это еще собака близка к человеку. А хищники, дикие звери? Они бродят вокруг бивачного костра, кружа поодаль; свет их притягивает, но пламя страшит.

Человеку же, наоборот, нравится ворошить огонь, подпитывать его, то увеличивая, то уменьшая жар. У человека перед очагом непрерывно заняты и руки, и глаза. Его словно завораживают переливы пламени, мимолетные оттенки; он ждет, чтобы полено прогорело и рухнуло, вздымая вихрь искр. Тогда человек подкладывает другое полено, сгребает угли, меняет тягу, бросает в раскаленную золу кожуру фрукта или ореховую скорлупу. Он любит играть с огнем.

Итак, пока смертные были лишены этого удовольствия, бессмертный Прометей — олицетворение вашего рода — делал все, чтобы сблизиться с Гефестом — олицетворением огня. Каждый день он спускался под Этну в мастерские божественного кузнеца, садился на краешек верстака и смотрел, как работает мой сын. Иногда он протягивал ему кочергу или напильник или же качал мехи. Это ничуть не помогало Гефесту, но он ценил общество Прометея. У него завелся друг, и он почувствовал больше вкуса к работе. Они говорили о своих разочарованиях; точнее, Прометей говорил за них обоих.

— Посмотри, как твой отец с нами обошелся. Обрек человека дрожать от холода на земле, а тебя сослал в эту мрачную пещеру. Впрочем, разве он не всегда жестоко обращался с нами обоими? Вспомни, как он и Гера поступили с тобой, когда ты родился.

— Да ладно, чего уж там! Таков мой удел, — отвечал Гефест, вытирая волосатой рукой намокшие от пота брови.

Вы ведь поняли, конечно, поскольку крайне сообразительны, смысл падения новорожденного Гефеста?

Гефест не вселенский огонь, но всего лишь земная форма огня, огонь, *упавший* с неба.

И если он родился колченогим, то как раз потому, что он — ваш огонь, чье шаткое, дрожащее, колеблющееся пламя вечно кажется прихрамывающим.

— Ах! Сколько всего мы могли бы сделать вместе, — продолжал Прометей, — сколько счастья могли бы принести, сколько несправедливостей исправить, сколько подвигов совершить, если бы объединили наши силы!

Он не осмеливался добавить: «С твоей силой и моим умом мы могли бы господствовать над миром». Но думал именно так.

— Да, конечно, — соглашался Гефест, обтачивая золотой брусок. — Я поговорю об этом с отцом.

Мой сын не был готов к бунту.

Тем временем Прометей шарил по мастерской, осматривал один за другим металлы, склонялся над тиглями и пытался разгадать таинственную работу одноглазых и сторуких, готовивших сплавы в подземных пропастях. Нарочито небрежно он ворошил ногой шлак или же долго изучал пыль.

Поскольку я лишил его природного огня, а Гефест, похоже, не был расположен нарушать мои приказы, Прометей решил действовать в одиночку и добыть свой собственный огонь, не дожидаясь и не выпрашивая ни у какого бога. Но для этого ему нужен был сам секрет огня. Секрет! Что ж, он похитит его у своего друга. На самом деле он и приходил-то к Гефесту не для чего иного, кроме как для осуществления своего замысла. Он был гениален, этот Прометей, гениален и упрям; в этом ему нельзя было отказать. И вот однажды...

Вам рассказывали о его краже по-разному. Говорили, что Прометей как-то утром дождался солнца на

краю горизонта и зажег факел, прижав его к вертящемуся колесу небесного светила, и что, добыв таким образом семя огня, он принес его людям, спрятав в пустотелом стебле растения, называемого ферулой или нартексом. Вы называете нартексом также притвор храма, где всегда горит огонь, от которого верующие зажигают свой собственный.

Вам говорили также, что похищение совершилось в кузнице Гефеста, то есть в недрах самой Великой матери. Все это не является ни полностью ложным, ни полностью правдивым. Но вот на что обратите внимание: как бы вам об этом ни рассказывали, всегда упоминают нечто круглое, нечто прямое и нечто незримое — семя.

Имя Прометей на языке Запада означает «тот, кто думает заранее», то есть «прозорливый, умный». Но в краю его матери, титаниды Азии, имя Прамантиус, образованное от слова «праманта», означает «тот, кто добывает огонь трением».

На самом деле Прометею понадобились всего лишь две деревяшки. Одна была толстым диском, отпиленным от древесного ствола, а другая — просто палкой.

В центре диска, в мягкой сердцевине дерева, он проделал глубокое отверстие, куда вставил палку. На палку Прометей намотал веревку и, дергая попеременно за ее концы, стал крутить палку как можно быстрее то в одну сторону, то в другую. И деревянная труха в сердцевине загорелась.

Ну что ж, дети мои, на сей раз вы ухватили суть. Диск, палка... Острие и круг... яйцо и игла... Прометей понял, что жизнь — это огонь, что огонь и жизнь — одной природы и, следовательно, огонь можно добывать так же, как передавать жизнь. Его гениальность была в том, что он заставил заниматься любовью два куска дерева.

Заметьте, что изобретение хлебопашества обязано той же мысли: сошник, борозда и семя, брошенное в борозду.

Сегодня я вижу, как вы склоняетесь над своими круглыми машинами, круглыми, как дерево, как яйцо, как чрево, как Земля, где заставляете крутиться, крутиться, крутиться невидимые частицы под прямым, как палка, лучом света. Прием старый, как боги.

Еще одно сведение, из которого вы сможете извлечь пользу: в краю матери Прометея зародыш огня, а стало быть, жизни изображается в виде свастики, креста, образованного четырьмя буквами «гамма», потому эту фигуру называют еще «гаммовым» крестом. Если этот символ высечен на стене храма, вполне можете поклониться ему, но когда увидите, как тем же знаком потрясают люди, выдающие себя за богов, — остерегайтесь. Разве не во время последнего появления носителей свастик и не по их вине были изобретены машины, способные расщепить атом и уничтожить мир?

Наказание Прометея

Теперь вы понимаете, каково было мое ошеломление, мой ужас, мой гнев, когда я увидел тысячи огньков, заблестевших на земле в руках людей. И понимаете также, почему я так сурово и жестоко покарал Прометея. Он передал вам божественную силу, которую вы еще не способны были ни постичь, ни проконтролировать.

Мой суд упрекали за некоторую поспешность. Но я не мог медлить, у меня не было выбора. Я помнил трагические последствия снисходительности: Урана к титанам, моей собственной — к гигантам. На сей раз я действовал без всякого благодушия. Признайте, огонь я вам все же оставил.

Ибо отныне я мог бы помешать вам добывать огонь, только полностью вас истребив. Вы уже знали, как его получить. Стоит одному человеку завладеть каким-нибудь рецептом, как вскоре им владеют все. С помощью назидательной кары, наложенной на мятежного изобретателя, я хотел лишь удержать вас от нетерпеливого и иллюзорного господства над миром, которое привело бы к неизбежной катастрофе.

Похоже, мне это неплохо удалось, поскольку из всей истории Прометея вам лучше всего запомнилась именно кара — это после стольких-то лет.

Бог, побежденный и брошенный в глубины Тартара, забывается быстро. Но бог, прикованный к верши-

не горы, на глазах у всех, и смертных, и бессмертных, извивающийся в своих оковах, да еще и беспрестанно терзаемый, — такое надолго врежется в умы.

Исполнить приговор предстояло Гефесту. Бедняга Гефест был вынужден наложить на своего единственного друга цепи и сопроводить в изгнание! Он пытался защищать Прометея и добивался помилования.

— Прости его, отец, — просил он меня. — Я уверен, что он действовал единственно из великодушия по отношению к людям. Проявив мягкость, ты добьешься его любви.

И при этом шептал Прометею:

— Преклони колена перед Зевсом, скажи, что раскаиваешься.

Но Гефест не нашел отклика ни с той ни с другой стороны. Прометей был расположен унижаться не больше, чем я прощать.

— Если считаешь приговор несправедливым, — ответил Прометей Гефесту, — что же ты сам не восстанешь, вместо того чтобы прислуживать деспоту?

А я сказал своему сыну:

— Он тебя недостаточно дурачил? Если пощажу его ради тебя, завтра он станет твоим владыкой. Неужели не видишь, какие тиранические желания таятся в этом пресловутом освободителе? Выполняй, Гефест, повелеваю тебе именем Судеб.

Ах! Невеселый момент, когда применяешь власть для насилия. Приходится сохранять уверенный и безмятежный вид, хотя сам начинаешь сомневаться во всем, и в других, и в себе.

Гефест положил руку на плечо Прометея.

— Идем, — произнес он. — Так надо.

Весь мир видел, как они шли от Этны до Кавказа. Прометей, хоть и в оковах на руках и ногах, шагал с

высоко поднятой головой и кричал людям вдоль всего пути:

— Это ради вас я иду на муку! Зевс — новоявленный Крон, желающий зла своим детям!

А божественный хромец, огненно-рыжий бедняга с молотом, цепями и гвоздями, плелся за ним, спотыкаясь о камни и понутив голову, словно виновный. Я хотел показать людям, что дерзнувший поработить огонь будет в конечном счете им же и закован.

Так они дошли до высочайшей вершины Кавказских гор, где нагому Прометею предстояло испытывать в скорбном одиночестве жару солнца и укусы холода. Гефест опоясал друга бронзовым поясом и приковал к скале вместе с цепями, которые опутывали конечности осужденного; а для большей надежности — таков был мой приказ — пригвоздил к камню его руки. Когда Гефест заканчивал свое жестокое дело, над Кавказом появился посланный мною орел.

— О! Это не предвещает тебе ничего хорошего, Прометей! — заметил Гефест. — Смирись, пока не поздно. Быть может, твое раскаяние склонит Зевса заменить тебе наказание; лучше уж бездны Тартара, чем мука, которую тебе предстоит вытерпеть.

Но Прометей не поддался.

— Предпочитаю свет и воздух, какими бы ни были мои страдания; предпочитаю одиночество тщетным увещаниям.

Как только Гефест удалился, из туч камнем упал орел, набросился на Прометея и, вонзив ему когти в живот и бедро, стал клевать его печень твердым, как металл, клювом. Тысячи и тысячи лет этому орлу предстояло быть единственным обществом приговоренного. Каждый вечер птица поднималась в небо с кусками внутренностей Прометея в окровавленном клюве. За

ночь печень Прометея восстанавливалась, а утром возвращался орел и вновь начинал ее пожирать.

Так все страдания, которые человек может навлечь на себя, пытаясь присвоить свастику, я соединил в Прометеевой каре, чтобы они послужили уроком всему вашему роду. Еще к этому добавились жалость и бессильное сострадание.

Ведь несколько бессмертных, взволнованных муками Прометея, навестили его на пустынной горе. Первым туда наведалься его неловкий брат Эпиметей. Он неуклюже пытался скрыть свое намерение, притворяясь, будто собирает травы или ищет крупинки золота в руслах рек. Он опасался навлечь на себя мой гнев, глупец, тогда как сам, наоборот, исполнял мой замысел. Я желал, чтобы он посмотрел, как Прометей задыхается в своем бронзовом поясе, хотел, чтобы он увидел, как орел вспарывает его брату бок, как оковы врезаются в плоть. Я желал, чтобы Эпиметей рассказывал все это людям.

— Нет! — крикнул ему Прометей. — Не хочу, чтобы ты утирал мне лицо! Нет, не хочу ни забот, ни общества! Уходи! Не хочу видеть твои слезы.

Пока тот пятился, Прометей бросил:

— Никогда, слышишь? Никогда я не приму никакого дара от Зевса!

Боль и ненависть заставляли его бредить; но бред гения — пророчество. Потом Океан обратился к наказанному посредством дождей-посланников. Наш дядя Океан знал, что ему нечего опасаться меня; он добр и желает только гармонии среди богов. Прометей точно так же отверг и его сочувствие.

— Нет, не вмешивайся, не проси за меня перед Зевсом. Это напрасный труд; я сам никогда не стану его умолять. Если я и совершил проступок, то по собственной воле; я его вполне обдумал и никогда не соглашусь

отречься от него. Удались, не оскорбляй своим взором мое несчастье.

Были и другие боги, приходившие на Кавказ с неизменным упорством, но Прометей отвергал все их ходатайства.

— Я не хочу никакой помощи! — кричал он, слышав шаги.

Я приговорил Прометея к человеческим страданиям; и он проявил то единственное, что остается человеку, когда все его раздирает, сковывает или отягчает: гордость в несчастье, то есть притязание быть ответственным за свои поступки, даже если они привели к самой жестокой неудаче.

И это ему зачтется.

Сотворение Пандоры. Пандора и Эпиметей

Я знаю, что даже сейчас вы не совсем убеждены в виновности Прометея. Да и как может быть иначе? Всякий заговор — дело смутное, никто не играет в нем совершенно четкой роли.

Из этой длинной цепи ошибок часть ставят в вину мне. И в первую очередь винят за то, что я велел запирать людские беды в бронзовый сундук. Тут я действовал как из мелкого тщеславия, так и из доброты, желая доказать и свое могущество, и свою любовь к вам. Не повел ли я себя по отношению к Судьбам так же, как Прометей по отношению ко мне?

Я захотел привести дела Вселенной в порядок. «Нет другого выхода, — говорил я себе, — кроме как вернуть людям их несчастья, но так, чтобы они стали им дороги, по крайней мере то, что эти несчастья порождает». И, придумав способ, я созвал богов на совет и произнес речь:

— Я решил примириться с людьми и для этого сделать им исключительный дар. Хочу создать для них самую красивую и самую совершенную женщину, образец великолепия, чудо-женщину, под стать прекрасным атланткам нашего предка Урана. Она возродит их род. Но, увы, Уран унес на небо тайну Числа, а сам я не располагаю его чудесной силой. Быть может, с вашей общей помощью...

Фемида-Закон удалилась, красноречиво показывая, что не хочет участвовать в этой затее. Я без труда догадывался о ее мыслях: «Зевс совершает ошибку за ошибкой, проявляя все больше и больше сомнений. То он решил запереть исконные людские беды и вызвал гораздо худшие, то решил погасить огонь, но позволил его украсть; а теперь вот хочет сравняться с Ураном и переделать его творение, причем начав не с самого простого, а с самого сложного».

Однако на сей раз я провел саму Фемиду, поработав на нее так, что она и не догадалась об этом.

Под моим руководством боги принялись за дело. Гефест взял у Великой праматери немного ее глины, с помощью воды Океана замесил ее и своими на диво ловкими пальцами вылепил прекраснейшее подобие женщины из всех виданных когда-либо.

— Не завидуйте, не завидуйте,— сказал я богиням и нимфам, чьи взгляды тут же омрачились.— Лучше помогите мне.

Потом я велел Гефесту вдохнуть частицу божественного огня в эту человекоподобную статую, и она обрела цвета и движения жизни. Ее плоть отливала нежнейшими радужными оттенками, а движения были исполнены несравненной грации; она улыбалась и была словно открыта для желания; в глазах цвета моря читался очаровательный нрав, уста манили к поцелуям. Совершенные груди и прелестный, гладкий, словно полированный алебастр, живот казались чашами и амфорой искушения.

— Ах! Братец, похоже, мы и вправду нашли секрет! — воскликнул Посейдон, вечно волочащийся за богинями.

— Потише, братец, потише... умерь, пожалуйста, свои восторги,— предостерег я его.— Она не для тебя. Может, ее дочери...

Я попросил Афину облачить прелестницу в тончайшие одежды, повязать ей пояс, а также обучить искусству многоцветного ткачества. От Афродиты я добился, чтобы она уступила нашей новорожденной кое-какие из своих самых красивых драгоценностей и чтобы также вложила ей в грудь ревность и мучительное, всесокрушающее желание. Времена года ее причесали, переплетя волосы весенней гирляндой; грации украсили золотыми ожерельями; геспериды окутали сладостными ароматами; Артемида наделила великолепной поступью; Деметра дала ей в руки охапку цветов и обещание многочисленного потомства.

Тогда я отозвал в сторонку Гермеса и сказал ему:

— Теперь вложи ей в уста речь, но также ложь, притворство, хитрость, вздорную обидчивость, злословие, любопытство, непослушание. И не скупись.

Когда наш шедевр был завершен, я пригласил богов сесть в круг, призвав и растяпу Эпиметея. Тот явился из Беотии, совершенно напуганный и дрожащий.

— Вот,— обратился я к нему,— поскольку ты не стал сообщником в преступлении твоего брата, я хочу засвидетельствовать тебе свое удовлетворение и при твоём посредстве примириться с людским родом. Даю тебе в жены это создание, которое все боги сообща сделали для тебя. Она — совершенная женщина. Ее зовут Пандорой, что значит «дар от всех».

Я подбирал это имя самым тщательным образом и еще не совсем уверенно произносил. Но неуклюжий, медлительный Эпиметей-тугодум ничего не заметил. Вернее, заметил Пандору; могло показаться, что глаза вот-вот вылезут у него из орбит. Заикаясь и бормоча, он рассыпался в благодарностях, заверял в своей преданности, простерся ниц предо мной, перед всеми божествами, даже перед Пандорой. Дескать, такой дар и в самом деле слишком прекрасен; он недостоин подоб-

ного вознаграждения; он всего лишь исполнил свой долг, да и то убого, но в будущем сумеет доказать богам свою благодарность и любовь; в будущем...

— Ну что ж! Бери тогда свое будущее,— сказал я ему, деликатно выпроваживая с Олимпа.

Эпиметей спустился в страну людей и прошел через народы как триумфатор, демонстрируя супругу, затмившую всех смертных женщин.

— Смотрите,— говорил он,— смотрите на вашу царицу, первую среди жен... Она творение богов. Ах! Какие у нас будут красивые дети! Лучшим из вас я отдам их в мужья и жены, чтобы украсить род человеческий.

Он привел Пандору в свое жилище, и она тут же начала шарить повсюду, переходя из комнаты в комнату, отодвигая засовы, осматривая утварь, открывая горшки, в общем, знакомясь со своими владениями. Гермес в достаточной мере наделил ее недостатками, как я и хотел.

— Только никогда не трогай тот бронзовый ящик,— предостерег Эпиметей.

— Почему?

— Потому что нельзя.

— Что там внутри?

— Не велено говорить.

Это было как раз то, что надо, чтобы возбудить у Пандоры непреодолимое любопытство и ввергнуть ее в искушение; она немедленно открыла сундук, спеша узнать, что там спрятано.

Эпиметей, дышавший свежим воздухом на пороге дома и наслаждавшийся своим счастьем, не сразу сообразил, что за большие черные крылья взмыли над его жилищем и разлетелись по свету. Вдруг он испустил вопль, бросился к сундуку и захлопнул крышку. Но болезни, усталость от работы, страх смерти уже упорхнули.

Теперь Эпиметей сколько угодно мог бить себя по лбу и оплакивать свой промах.

— Ах! — стenal он. — Я забыл предостережение брата! А ведь он кричал мне, чтобы я не принимал никаких даров от Зевса. Я не понял. Я был обманут этим именем: «дар всех». Ах! Какой же я глупец, как легко меня провели! Я всегда буду тугодумом: «тем, кто думает потом».

Я восстановил равновесие, которого от имени Судеб требовала Фемида. Дар за дар. Пандора за ящик, беды за огонь.

Сыны мои, не заключите из этой истории, будто все ваши беды происходят от женщины и будто она единственная причина ваших несчастий. Было бы слишком легко взвалить на нее бремя ваших собственных ошибок. Нет, просто она подкрепляет и усугубляет вашу вечную судьбу быть изгнанными из всякого рая...

Итак, пристроив Пандору среди вас, тугодумов, я полагал, что вкушу немного спокойствия. Но работа царей — работа бесконечная. Поскольку я тоже провинился перед Судьбами, мне предстояло понести наказание.

Десятая эпоха
ТИФОН, ТАНТАЛ И ПОТОП

Зловредность Геи. Нападение Тифона. Бегство богов

Быть может, Великая праматерь чувствовала себя оскорбленной сотворением Пандоры. Быть может, она решила, что я, как Уран, собираюсь воспользоваться ее илистой плотью, чтобы создавать новые виды живых существ. Быть может, не могла простить захвата ее оракула моим сыном Аполлоном и убийства Пифона, поэтому выжидала, чтобы отомстить. Быть может, была раздражена поражением гигантов. Или же великие холода, которые в ту пору сковали ее целиком, позволили ей надеяться на возвращение первых времен мира, когда она, порожденная Хаосом, воображала, свернувшись клубком в густой ночи, будто царит одна.

Она уже избавилась от двух царей света. Вооружила своего сына Крона против своего супруга Урана и помогла мне в свой черед свергнуть Крона. Следовало ожидать, что однажды Великой праматери захочется устроить и мое падение.

Однако мои сыновья вовсе не проявляли желания восстать; гиганты были уничтожены или укрощены; мой кузен Прометей, который, конечно, согласился бы на любой союз против меня, томился в оковах.

Но Гея, Великая праматерь, породившая от своих соитий с Понтом, Эребом, Тартаром чудовищ и фурий, сохранила своего последнего отпрыска по имени Тифон.

Было известно, что Тифон существует, но его никто никогда не видел. Моя тетушка Память и дядюшка Океан упоминали его неоднократно в своих историях, но не могли сказать, какова его природа, размеры, на кого он похож. Великая праматерь ревниво скрывала это последнее отродье в собственных недрах. Однако как опасаться существа, о котором ничего не известно? Как оборонить себя от противника, которого никто не в состоянии описать? Как узнать о его приближении, какую защиту возвести и какое оружие выковать? Об этом думаешь время от времени, когда в голове нет ничего более срочного, и питаешься иллюзиями, успокаивая себя воспоминаниями об одержанных победах.

В конечном счете, неужели этот Тифон более грозен, чем титаны или гиганты — другие сыны Земли, с которыми мы покончили? Может, он хил и тщедушен, потому-то праматерь, стыдясь, и спрятала этот унылый плод — старушечье порождение. По правде сказать, я о нем в конце концов забыл. И к тому же, к тому же...

Хоть и наученный коварными переменами в настроении Великой прародительницы, я не думал, что она действительно проявит враждебность по отношению ко мне. Ведь она помогла моей матери произвести меня на свет, помогла мне стать царем. Я считал, что если и не любим ею, то хотя бы пользуюсь ее привилегированной терпимостью. Подобными иллюзиями лишь убаюкивают себя. Думают: «Нет, только не я, со мной такого не случится».

И вдруг Гея выпустила Тифона.

Подозреваю, что Гера отчасти потворствовала этому делу. Слишком уж она желала отомстить за мои измены. Слишком уж часто предрекала, что со мной

случится какая-нибудь незадача и вот тогда-то я пойму, что не все мне позволено. Такие уж они, эти жены: хотят супругов-победителей, а потом мало-помалу начинают ненавидеть их за победы. А Земля тут как тут, всегда готова выслушивать их жалобы и потакать злопамятству. Колотя белье в прачечной, срывая листья салата или ухаживая за цветами, жены склоняются к праматери и шушукаются с ней. «Он мне сделал то... он мне сделал сё... Вот бы проучить его как следует!» Да, я подозреваю, что это Гера подсказала Великой праматери момент, когда я, несколько утомленный трудностями правления, но довольный, что превозмог их, решил немного насладиться временем мира и передохнуть. Конечно, Гера не опасалась того, что должно было произойти. Но жены никогда не представляют себе последствий своих дурных желаний. Не думают даже о том, что сами могут от них пострадать.

Мы собирались отужинать на Олимпе. Каждый закончил свои дневные дела; колесницы были распряжены и убраны. Это была не праздничная трапеза, а узкий круг: моя жена, мои сестры, мои любовницы — по крайней мере, те из них, кого Гера притворно терпела, — и мои дети. Гестия только что поставила на столы блюда, пахнувшие маслом, медом, чесноком и мятой; жарившееся на людских вертелах мясо было почти готово. Моя дочь Геба разливала амброзию по нашим кубкам.

Тысяча взревелих одновременно быков, тысяча устремившихся в атаку бизонов, тысяча рыкающих львов не произвели бы столь ужасного вопля, как тот, что внезапно оглушил нас. И глотки тысячи гиен не изрыгнули бы более сильного зловония. Закат внезапно померк.

Какие когти пронзили все бурдюки Эола, чтобы произвести этот безумный шквал, эту бурю, этот ура-

ган, что валил леса, сдувал ветви, как солому на току, пригибал к земле всю природу и вспенивал воду рек, заливая холмы?

Он внезапно вырос у нас за спиной и был выше, чем любая гора.

Его ужасный загромок, с рогами и острыми пластинами чешуи, вздымался так высоко, что теснил небесные тела. Гигантские крылья на его плечах делали достаточно широкие взмахи, чтобы смести с горизонта все. Каждая из шести огромных ручищ заканчивалась шестью кистями с шестью змеями вместо пальцев. Клокочущее бешенство сотрясало его чешуйчатую шею; жуткая голова, как у рептилии или озерного чудовища, безостановочно крутилась, высматривая меня. Из отвратительных шаров его глаз вырывались длинные мертвенно-бледные лучи; зиявшая между шестью рядами клыков глотка извергала, подобно кратеру, раскаленные докрасна скалы; от пояса до земли он состоял из сотни переплетенных змей, кольца которых передвигали его с удивительной быстротой.

Таков был Тифон.

Все боги, едва завидев его, бросились наутек. Признаю, что поступил точно так же. Мы бежали с Олимпа гурьбой, так быстро, как только могли, в великой панике, которая гнала нас, нимф, сатиров, дриад вперемышку с людьми и животными.

Существует, как вы знаете, тридцать тысяч бесмертных, ведающих делами природы и вашими собственными. Представьте себе несущуюся вскачь толпу из тридцати тысяч сорвавшихся со своих мест божеств, что сносят крыши с лачуг в ваших бедных деревнях, топчут ваши сады и поля, рассеивают в ночи ваши обезумевшие стада, часть которых падает на дно пропастей и разбивается. Даже птицы, сбиваясь с пути, врезались в стены гор.

Мы, великие боги, бежали быстрее всех. Перепрыгивали через реки, долины, холмы, стараясь добраться до побережья, скакали с острова на остров и с мыса на мыс.

Так, удирая, мы добрались до Египта.

Но чудовищный Тифон гнался за нами по пятам; его смрадное дыхание окутывало нас и оглушало грохотом.

— Животные, животные! — крикнул я богам на бегу.

Они поняли мой призыв, и каждый, чтобы сбить Тифона со следа, укрылся в теле какого-нибудь животного.

Рожденная в воде Афродита нырнула в Нил и обернулась серебристой рыбой. Гера избрала убежищем белую корову. Арес исчез в кабане; Гефест — в быке. Артемида — в большой дикой кошке. Лучезарный Аполлон превратился в ворона — божественную птицу, которая кружит возле храмов. Что касается меня, то я поспешно приобрел вид рогатого козла, поскольку тогда была эра Козерога, и принялся обглаживать какой-то плетень. А этот ибис, что застыл на одной ноге, прикрыв глаза и притворяясь, будто дремлет, хотя ветер ерошит его перья? Я сам чуть не обознался. Это был Гермес, переживавший суматоху.

Вот почему с тех пор богов в Египте почитают в их животном обличье.

Судьба Египта

Ах, спасительный Египет, вечное убежище гонимых богов; благословляю тебя в своем рассказе. У каждой страны под небом есть своя особая судьба. Однако судьба, отметившая тебя, Египет, одна из самых великих.

Если вы хотите, смертные, познать ночь, вам нужно увидеть египетскую ночь, подобную черному мрамору. Звезды здесь больше и ярче. Если вы хотите познать день, вам надо увидеть египетский день, чья голубизна гораздо ровнее и гуще, чем в любом другом краю. Когда в Египте идет дождь, весь мир — сплошной дождь. Когда дует песчаный ветер, весь мир становится этим горячим и желтым дыханием. И так с каждой стихией; на земле Египта они проявляются в своей абсолютной чистоте.

Нигде нет реки, похожей на божественный Нил, который прямолинейно течет с юга к северу на тысячи и тысячи стадий, что позволяет превосходно отслеживать ход небесных тел по циферблату зодиака. Небо Египта, друзья мои, — это часы Вселенной.

Нигде, кроме Египта, животное не обнаруживает воплощенную в нем божественную суть с большей очевидностью; и нигде лучше не видно, к какой из великих космических цепей, простирающихся от звезд до минералов, оно относится.

Солнечный сокол, наблюдающий с охристой скалы за судьбами; голенастая птица, шаг за шагом следующая за землепашцем по борозде, как друг-покровитель; ночной шакал, рыскающий вокруг мертвечины, чтобы поглотить ее и вернуть земле, которая вновь преобразует ее в жизнь... Никогда не давите ногой скарабея: у него форма вашего черепа, и не даром он так усердно трудится, медленно, вперевалку и на ощупь влачась по дорожной пыли. Но и никогда не носите на себе его изображения; оно должно украшать только мертвых, чтобы охранять их душу.

Весь Египет сам по себе храм, и, сколько бы раз вы ни призывали обойти его, предаваясь размышлениям, лишним это не будет.

Именно там остановились, приведя с собой королю, подаренную Ураном, последние атланты, носители секретов золотого века.

На протяжении многих лет человек, живущий в Египте по берегам своей реки-бога, обтесывал, перетаскивал, вздымал монументальные камни, что-то высекал на гигантских стенах, возводил колонны и пирамиды согласно утраченным приемам, вырубал под горами дворцы для своих умерших царей и царственных быков, чтобы закрепить знание, сохранить откровение и воспроизвести устройство космоса.

Исследуйте, дети мои, исследуйте землю Египта; именно в ней таится то, что вы ищете. Освобождайте от земли каждое здание, каждую гробницу, каждое святилище. Разгадывайте каждый рельеф, надпись на каждой стеле, вопрошайте каждое подземелье. Наблюдайте направление каждой колоннады и форму подножия каждой колонны. Не забывайте отмечать, к какой точке неба обращен взгляд каждой статуи. И когда-нибудь, возможно, вы заметите, что совокупность священных мест Египта с группами храмов, на-

поминающими созвездия, с отдельно помещенными, словно планеты, колоссами, со множеством гробниц, что подобны россыпи звезд, составляет, от Нубии до моря, не что иное, как протяженный, развернутый зодиак. И вот тогда вы начнете понимать.

Как земля Греции предназначена для того, чтобы там сформировалось будущее человека, так земля Египта предназначена, чтобы хранить память о богах. Здесь могут сменять друг друга чужеземцы, завоеватели, тираны и демагоги, но по-настоящему эту землю не затрагивает ничто, ибо она — зеркало вечности.

Битва с Тифоном. Время бессилия

Тем временем Тифон, сбитый с толку нашей уловкой, обшаривал море, крутясь на своем хвосте. Он опустошал побережья, крушил суда, обезображивал острова и, не переставая искать нас, уносил свое бешенство и разрушения все дальше. У нас появилась возможность перевести дух.

Только моя дочь Афина не стала ни в кого превращаться, что позже принесло ей великую славу. Истина же в том, что она бежала не менее поспешно, чем все мы, и, подобно нам, искала какое-нибудь животное, чтобы в нем укрыться. Самый облезлый осел, самая глупая цесарка и даже навозный жук, поглощенный своим неопытным занятием, удовлетворили бы в тот момент ее чаяния. Но ни одно насекомое, ни одно пернатое, ни одно четвероногое не согласилось ее принять. Разум, даже смятенный, не может обитать в теле животного. Так что она проявила доблесть поневоле. Когда первый страх миновал, Афина встала с копьем в руке перед козлом, в котором я скрывался, и обозвала меня презренным трусом.

— Ты, царь богов, позволишь отнять у себя владычество над миром и оставишь без защиты смертных и бессмертных? Ты, мой отец, будешь бляеть, ожидая, пока это чудище не завладеет всем? Взгляни, как оно буйствует на горизонте, готовое вернуться сюда. Даже

если тебе суждено пасть, неужели лучше пасть козлом, чем богом?

Должен признать, что именно Афина побудила меня к действию. Есть такие женщины: когда несчастье обрушивается на ваши народы, они первыми возвращают себе холодную голову. Я избавился от своего нелепого обличья и достал пучок молний, припрятанный под деревом.

— Ну, кто со мной? — крикнул я.

Я увидел ворона, что сидел на тополе, выискивая блох у себя под крылом. Увидел ибиса, осторожно прятавшегося за быком. Я поискал в глазах этого быка хоть какую-нибудь искорку, знак огня; но нет, Гефест пока проявлял крайнее миролюбие. Моя супруга увлеченно паслась неподалеку, щипля траву. Может, хоть Афродита меня подбодрит? В водах Нила блеснул серебряной молнией линь и снова исчез. А как же Арес, мой неистовый Арес, и Артемида, моя охотница? Большая кошка сидела неподвижно и задумчиво, обернув лапы хвостом; кабан бежал трусцой к своей залежке, опустив рыло к земле. Я был один. Со мной остался только Разум.

Мне требовалась храбрость под стать моему страху. Я пересек море и, опасаясь, что молний окажется недостаточно, прихватил мимоходом в Навплийском заливе большой золотой серп, которым Крон воспользовался, чтобы изувечить своего отца. «Ведь этот клинок смог некогда поразить само Небо, а его сейчас и загромождает собой Тифон...» Слишком поспешное вдохновение. Этот серп был запятнан кровью несчастья. Уран выковал его, как ему казалось, на благо человека, но Судьбы обратили серп против него самого. Афине следовало бы мне об этом напомнить, но она была не столь уверена в себе, как хотела показать. Ужасный Тифон с ревом двигался нам навстречу.

Я загромыхал во всю мочь. Поскольку шаровые молнии отскакивали от чешуи чудовища, я стал целиться ему в глаза, крылья, брюхо. Грохот нашей битвы разносился от звезд до Тартара. Хватит ли мне перунов, чтобы одолеть подобного противника? Я чувствовал, как истощается запас метательных снарядов в руке. Тифон, стараясь меня ослепить, наносил ответные удары, плевался раскаленными камнями. Афина отбивала их Эгидой, но как долго она еще продержится, защищая нас обоих? Наконец, прицелившись получше, я попал Тифону в лоб и серьезно его ранил. Ошалевший, оглушенный, обожженный, испуская рев, превосходивший диапазон всего, что было слышано прежде, он бросился наутек, пересек Малую Азию и рухнул на рубежах Аравии.

Я погнался за ним, потрясая серпом Урана, чтобы добить, но слишком рано решил, что одержал победу. Тифон обхватил меня всеми своими шестью гигантскими ручищами.

Долго-долго земля ходила ходуном в этой части света. Он подмял меня под себя. Я отбивался от хватки его бесчисленных пальцев, от этих обвивавших меня змей. Я задыхался под Тифоном. Ему удалось выбить у меня серп и завладеть им; я с ужасом ждал, что меня постигнет участь Урана. Но может, Гея плохо наставила своего ужасного отпрыска или же чудище, состоящее из клубков рептилий, просто искало источник жизни в другом месте? Я почувствовал, как лезвие серпа кромсает мои локти и лодыжки. Тифон выдрал мне сухожилия. Я не мог встать, двинуться, даже шевельнуть кончиком пальца.

После этого Тифон сграбастал меня и утащил в пещеру на склоне горы Тауро, на Сицилию.

Что касается моих вырванных сухожилий, то он завернул их в медвежью шкуру и отдал на хранение

своей сестре Дельфине — чудищу женского пола, которая была очень на него похожа.

Эта Дельфина, вместе со свертком из медвежьей шкуры, тотчас же достигла Дельфийской долины и заменила Пифона, захватив оракул от имени Великой праматери.

Гейя добилаь-таки своего. Потеряв способность передвигаться и действовать, я был брошен в одну из пустот Земли и не видел выхода из своего несчастья. Царь богов познал бессилие.

**Хитрость Гермеса. Одураченная Дельфина
и возвращенные сухожилия.
Поражение Тифона**

Однако Афина, видевшая все, снова кинулась в Египет, чтобы рассказать богам о случившемся. Они осыпали Афины упреками за то, что она подбила меня на эту злосчастную авантюру; Афина же стыдила их за то, что они ничуть не помогли мне. Гермес, выступив на своих длинных ибисовых ногах, положил конец перебранке.

— Главное сейчас не пересчитывать наши ошибки, а по возможности исправлять. Мы в большой опасности. Дайте мне подумать.

Он поразмыслил, хитроумный Гермес, самый сообразительный, самый изобретательный из моих сыновей, потом позвал Аполлона.

— Давай-ка, братец ворон, спускайся со своего дерева, сбрасывай черные перья, возьми лиру, которую ты у меня выменял, и пойдем со мной!

— Куда? — спросил Аполлон.

— В Дельфы.

Аполлона пробрала дрожь.

— Ну же! — подбадривал Гермес. — Разве не в Дельфах ты когда-то убил Пифона и завладел оракулом Богини-матери? Ты не можешь оставаться в стороне, тебя это напрямую касается.

Они вернули себе прежние обличья, взяли свои божественные принадлежности и направились в Дельфы.

Хоть и уступая своему брату в размерах, Дельфина, новая хранительница, столь же мало успокаивала и радовала взор. Развалившись на земле у входа в прорицалице, липкая, с огромной плоской башкой, она мрачно уставилась мутным глазом на моих приближающихся сыновей.

— Чего нам от нее ждать? — шепнул Аполлон. — Неужели одной гнусной твари было мало, что праматери понадобилось породить двойняшек из пары яиц?

— Может, это наш шанс, — ответил Гермес. — Начинай петь.

Аполлон схватился за лук.

— Нет, спрячь лук и стрелы; я же сказал: возьми лиру и пой.

— Что? Петь для этой образины?

— Не думай о том, для кого поешь... Главное, пой! Пой, что она красива. Я тебе подыграю на флейте.

Тогда Аполлон начал импровизировать песню, и мои два сына устроили для мерзкой рептилии настоящий концерт. Та вышла из оцепенения, склонила свою жуткую башку направо, потом налево, потянулась, развернулась, выпрямилась и вскоре стала раскачиваться, стараясь попасть в такт. Будучи самкой и змеей, Дельфина оказалась чувствительна к музыке.

Когда таким образом они прельстили Дельфину, Гермес завел с ней разговор. Ловко, слово за слово, он сумел внушить ей желание обзавестись инструментом, подобным тому, что она только что слышала.

— Ты смогла бы извлекать из него столь же прекрасные звуки, ведь это не мы звучим, а инструменты. Я сам смастерил лиру, которую держит этот молодой человек подле меня. Если хочешь, я могу сделать и другую, как раз по твоему росту. Она развлечет тебя в одиночестве.

— А что для этого надо? — спросила Дельфина.

— О, сущий пустяк. Смотри. — Гермес показал на струны. — Мне нужно всего-навсего несколько сухожилий. Если они у тебя найдутся, через час получишь инструмент.

Змея — искушительница, но и сама поддается искушению.

— А если у тебя, хранительницы оракула, найдутся по случаю сухожилия какого-нибудь бога и ты согласишься мне их дать, тогда твоя музыка будет такой возвышенной, какой мир еще не слыхивал. Все мироздание сбежится к этому святилищу. Как будет счастлива и горда Великая богиня-мать!

Дети, рожденные Геей от других отцов, помимо Урана, свирепы и ужасны, но, на наше счастье, довольно тупы. Дельфина ответила:

— Есть у меня тут сухожилия, которые мой брат велел сторожить. В конце концов, в моих руках они еще целее будут, чем в медвежьей шкуре.

Не успела Дельфина это сказать, как проворный Гермес юркнул в пещеру, нашел мешок из шкуры, вспорол его и вытащил мои сухожилия. Потом схватил за руку своего брата Аполлона и взвился в воздух со всей быстротой своих крылатых сандалий.

Одним духом они долетели до горы Тауро. Гермес проник в пещеру, где томился я, жалкий, безутешный, не способный ни на малейшее движение и убежденный в том, что останусь тут до скончания веков.

— Отец, отец! — воскликнул он. — Я принес тебе силу!

Гермес поспешно вдел сухожилия в мои конечности, поскольку он еще и ловкий хирург; и вот я, проломив стенки пещеры, вновь встал на ноги. Ах! Какой долгой показалась мне эта эра!

Я не стал терять время, наслаждаясь воздухом свободы, а помчался на Олимп и запряг свою колесницу.

Тифон, лежавший поперек Аравийских пустынь, сушил свои раны на солнце и набирался сил; этот негодный сын Земли уже почитал себя таким ленивым владыкой мира. Он не слышал моего приближения, а я из осторожности не стал подъезжать слишком близко и осыпал его градом огня с высоты моей колесницы. На сей раз неожиданность была на моей стороне. Тифону и в голову не могло прийти, что я сумею когда-нибудь выбраться из темницы. Он в ужасе бежал до самой Нисы, в сердце Азии.

Там, поставленные Судьбами, дожидались его три мойры. Тифон попросил у них помощи. Они указали ему на волшебное древо.

— Его плоды содержат неодолимую силу,— сказали они.

Мойры не уточнили, что за природа у этой силы, и не добавили, что тот, кто сорвет их, обречен на неминуемое уничтожение. Тифон, сорвав плоды, воспользовался ими против меня, как метательными снарядами. Но я отбивал их назад с помощью молнии, и плоды наносили чудовищу неисцелимые раны.

Погоня возобновилась. По-прежнему рыча, ревя и извиваясь, Тифон вернулся во Фракию, где залил своей кровью склоны горы Гем, проутюжил Грецию, заодно опустошил Апулию, Кампанию и достиг Сицилии, где обычно находят свой конец великаны и чудовища.

Тогда я, показывая всему миру, что вполне вернул свои силы, поднял Этну и прихлопнул ею Тифона. Его серное дыхание чувствуется там до сих пор.

Возвращение на Олимп. Выздоровливающий мир

И боги вернулись в свое жилище. Ах! Сколько же раз нам отстраивать заново наш Олимпийский дворец! Сколько раз будем мы стирать следы войны, устранять разрушения, причиненные яростью стихийных сил! Он стал дворцом всех воспоминаний мира.

Я старался выглядеть веселым и полным энтузиазма, но на сердце, признаюсь, было тяжело. Конечно, в битве с Тифоном победа осталась за мной. Но я познал страх и смятение, и моя старшая дочь стыдила меня за это. Я познал поражение, плен, бессилие и был обязан своим спасением вмешательству самых юных моих сыновей. Кое-что очень важное произошло со мной: я потерял уверенность в своей непобедимости.

Вы, смертные, сраженные несчастьем, вы, которых жестокие болезни сделали на какое-то время ни на что не годными, — я и сам познал эту подавленность, горечь и злость, которые вы испытываете в подобных случаях. И еще эту неуверенность во всем, во всех, в самих себе, которая вселяется в вас, даже если вы в полной мере вернули себе свои силы, свои труды и свое главенство. Вы смотрите на мир уже другими глазами.

Я наблюдал за своими сыновьями и спрашивал себя: может, они отчасти удовлетворены моим временным унижением? Так ли уж искренни знаки послу-

шания, которые они по-прежнему мне выказывают? Втайне я опасался их.

Это не лучшие мысли, согласен; но они донимают каждого отца, который, оказавшись в какой-то миг на коленях, является свидетелем того, как спасительные решения вместо него принимают сыновья. Там, где я прежде видел только подчиненных, теперь мне мнились возможные соперники.

Богини пылко восхваляли меня за победу, настойчиво заставляли рассказывать о битве, усердно вздрагивали, слушая о перипетиях, что мне совсем не нравилось. Когда мужчина или бог касается земли лопатками, это всегда победа Великой праматери, и тогда все ее дочери, всё, что есть женского в мире, всякое проявление женского начала, сильнее суетится, ярче блистает или громче говорит.

Гера проявляла больше самоуверенности и власти, чем когда-либо, и охотно отдавала приказы вместо меня; она не упустила ни одного случая засвидетельствовать свою признательность Гермесу, а также побеспокоиться о моих ранах, узнать, не причиняют ли мне боль сухожилия, что было лишь способом напомнить мне, как они у меня были вырваны.

Иногда ночью, размышляя, я слышал, как злорадствует Прометей на своем Кавказе.

— Вот видишь, дражайший братец, что случается, когда меня нет рядом, — бросал он мне. — Сам знаешь теперь, каково это — терпеть муки связанным, обездвиженным и ждать, ждать, ждать...

Конечно, я не преминул вспомнить о Прометее во время своего заточения в темной пещере горы Тауро, сравнивая наши мучения и думая о тех пытках, что сам на него наложил.

Но даже если ты испытал потерю престижа, это не повод сразу же становиться благодушным.

Мир еще только выздоравливал; было слишком рано освобождать Прометея. И я ждал, чтобы объявить о его помиловании, когда появятся другие причины кроме моей собственной слабости.

Как это бывало у богов, так это случилось и у смертных. Женщины воспользовались вселенским выздоровлением и попытались установить или восстановить свое господство. То было время, когда новые человеческие общества управлялись царицами, когда эфемерный царь, которого они выбирали, ритуально умерщвлялся через год или несколько лет. Храмы были захвачены жрицами. Без совета, высказанного женскими устами, не делали ничего: не действовали, не лечились, не перемещались и не брали в руки оружие. Женщины правили, господствовали, повелевали и требовали от мужчин покорности, знаков почитания и услуг просто потому, что они женщины.

В природе цветы стали распускать более крупные и яркие венчики, увереннее сидящие на более высоких стеблях.

Ведь во всяком зле есть источник добра; бесчинства Тифона пробудили вулканы, а те согрели землю и изменили климат. Наша схватка растопила снега; ледниковый период закончился.

Туры, мамонты отхлынули на север, где и вымерли. Человек снова обосновался в долинах, которые опять стали плодородными, и моя сестра Деметра, радостная и торжествующая, убирая золотые волосы со взмогшего лба, бросала ковры маков на землю Македонии, спешила в Прованс разбрасывать аметистовые лавандины, сеять васильки, а в других местах — лютики, под пологом лесов — фиалки и дикую землянику. Она лущила сосновые шишки, пуская семена по ветру, и торопила цветение миндальных деревьев, тут розовых, там белых.

Такое обилие красок и запахов слегка кружило голову. Я размышлял на Олимпе. Я знал, что в моей бо-роде уже появились серебряные нити, пока еще мало-заметные в моих рыжеватых волосах, хотя Гера их все-таки заметила.

Я решил с помощью новой любви доказать миру и себе самому, что моя сила все еще при мне, что моя власть незыблема, а держава цела. Но мой выбор дол-жен был возвысить мою славу и послужить ей. В об-щем, как есть браки по расчету, так есть и измены по расчету. Однако любовь с умыслом далеко не самая лучшая. Судите сами.

Плуто.
Малая Азия. Зачатие Тантала

У моей предыдущей любовницы, Майи, матери Гермеса, была сестра по имени Плуто, о которой она часто говорила — без зависти, но не без восхищения. Насколько Майя жила в своей Аркадии скромно и бедно, имея лишь крохотное хозяйство да тощее стадо, настолько нимфа Плуто, царица Малой Азии, располагала крайним изобилием.

Многие реки, протекавшие через владения Плуто, несли в себе золотую пыль; деревья и фруктовые сады гнулись от тяжести плодов. На сочных пастбищах в неисчислимом множестве паслись быки, козы и овцы. Длинные караваны верблюдов с гордыми шеями доставляли прямо в ее дворцы драгоценные камни и жемчуга, от которых ломились ее сундуки, и роскошные ткани, и благовония, которые так нравятся и людям, и богам.

Если бедная Майя родила мне такого сына, как Гермес, то какого же ребенка можно ожидать от богатейшей Плуто! Именно подобными рассуждениями пытаются обмануть себя, когда собираются совершить какую-нибудь глупость. На самом деле я выбрал Плуто, чтобы произвести более сильное впечатление. Я хотел богатую царицу — я ее получил. Западная Азия, о, обширная Малая Азия, созданная, чтобы прельщать завоевателей! Вполне понимаю спешку своего сына

Александра добраться до тебя, завоевать тебя, пересечь тебя! Твои размеры уже не под стать человеку, они отвлекают его от размышлений о своем предназначении, к которым побуждает Греция, или о Вселенной, на которые наводит Египет.

Отдаленность твоих горизонтов, которые неизменно зачаровывают душу, ужасная суровость твоих пустынь, которую сменяет чрезмерная щедрость твоих плодородных равнин... Ты побуждаешь к подвигу, к чрезмерности, к безумным грезам. Нужна поступь армий, чтобы тебя пройти; и овладение тобой становится безумной мечтой.

Плуту приняла меня с такой пышностью и роскошью, что я поубавил спесь, хоть и был повелителем богов. Но разве я не это искал?

Она велела расстелить под моими ногами длинные песчаные ковры, потом длинные травяные ковры, осенить мое приближение высокими деревьями в душистых цветах и рассеять вдоль моего пути ярчайший блеск больших озер. Стада, гонимые предо мной в подношение, утоляли жажду у каждой излучины Меандра, блея, мыча и мутя своими копытами тинистые воды. Летящие белые птицы составляли мой кортеж. Мне без конца подносили корзины фруктов и зерна; верблюды шатались под тяжестью даров.

Царице Плуту показалось недостаточно, что извилистые коридоры ее дворцов состоят из яшмы, алебаstra или лазурита; она повелела набросать на плиты пола бараньи шкуры, искривившиеся оттого, что их вымочили в золотоносных реках. Я ступал по золотому руно.

Плуту желала ослепить меня роскошью. Ей это удалось, и даже сверх желаний; по правде сказать, ее-то саму я и не видел. Окружавшие меня чудеса настолько отвлекали мои глаза, не давая толком рассмотреть

ее, что и сегодня, желая описать Плуто, я снова вижу дворец, а вовсе не ее черты. Казалось, она существует только в том, чем владеет. Помню только, что она была коротышкой и, чтобы добавить себе росту, носила высокие алмазные сандалии.

До чего странен Прометеев род! Будучи дочерьми Атласа, Плуто и Майя приходились племянницами Прометею и Эпиметею. Что же меня заставляло постоянно натекать на эту породу, где один проявлял высокомерную силу, другой — властную гениальность, один — тщеславную глупость, другая — гордое достоинство в нужде, а теперь еще и подавляющее богатство? Все члены этой божественной и уже вполне человеческой семьи при всем своем разнообразии обладали одной общей чертой — гордостью.

Помню в опочивальне Плуто руно гигантского барана, насквозь пропитанное самородками и блестками золота, прилипшими к сальным волокнам шерсти. Оно покрывало пол почти целиком. Объятия на нем меня разочаровали.

Пришлось задернуть слишком много занавесей, удалить слишком много слуг; слишком много благовоний дымилось в слишком многих кадильницах, отягчая воздух. Мне пришлось отведать слишком много яств, неузнаваемых из-за избытка пряностей, выпить слишком много редких напитков, жевать листья и зерна, чей сок притупляет чувство реальности и времени. Плуто пришлось снимать с себя слишком много ожерелий, перстней, вышитых покрывал и драгоценных камней. Избавившись от всех своих украшений, эта богатая царица оказалась худышкой, а золотое руно, пишиковатое от металла, было гораздо менее мягким для любви, чем простая шерсть аркадских овец.

Уметь отказаться, совершив столь нелепую ошибку, — это требует особого мужества, которого мне тогда

не хватило. Я расстарался, чтобы не пришлось пересмотреть свое мнение о себе. Но экстаз был отнюдь не соразмерен приготовлениям. Плуту, наверное, подсчитывала свои сокровища, я же думал о Майе и прочих...

Я вернулся на Олимп недовольный собой и много времени потратил на то, чтобы избавиться от золотой пудры, которая въелась мне в бока. Гера довольно ловко обошлась без попреков за это похождение, которое в конечном счете сослужило ей службу.

Но от наших дурных связей останутся не только дурные воспоминания — останутся порой и дурные дети. Тот, кого родила мне Плуто, был назван Танталом.

**Нрав Тантала. Его богатство.
Кража Золотого пса. Похищенная амброзия**

Сын слишком богатой матери и всемогущего отца, Тантал сразу проявил невыносимое высокомерие. Однако поначалу я был полон снисходительности и доброты к нему. Зачав без любви, я изо всех сил старался полюбить его. Каждой из его причуд я находил извинение; в его капризах, вспышках гнева, спеси я искал черты сходства с собой. Своей красотой Тантал напоминал мне Гермеса, и я смотрел на него не без умиления, говоря себе, что он, быть может, мое последнее дитя. Просто я не хотел признаться, поскольку это означало бы одновременно признать в самом себе некоторые дурные наклонности, унаследованные от Великой праматери, что я породил его *против* остальных сыновей, с мыслью, что он мог бы, возможно, им противостоять.

Я засыпал Тантала подарками и, будто наследства матери было ему недостаточно, женил его на нимфе Эвринассе, дочери речного божества Пактола, чьи воды изобиловали золотыми блестками. Не зачал ли я его самого на этом золоте?.. Эвринасса родила ему троих детей, из которых старшим был Пелоп. При этом Тантал завел себе многочисленных любовниц, и смертных, и богинь, которые отличались большой красотой и несравненным блеском; две из них, Диона и Стеропа, блещут теперь на небе среди Плеяд.

Какая женщина, какая нимфа, какая звезда могла бы устоять перед Танталом? Его наружность была обворожительна, богатства неисчерпаемы. Я наделил его обширными царствами: Фригией, Лидией, Карией. Ему нужно было лишь нагнуться, чтобы черпать золото из Пактола, что протекал у его ног. Этот юный, слишком избалованный бог считал, что ему позволено все.

Его первой серьезной выходкой стало похищение Золотого пса, охранявшего Олимп. Чтобы нас никто не мог застать врасплох, как это удалось Тифону, я велел честному Гефесту изготовить в своих кузнях несравненного сторожа, и он произвел этого сверкающего дога — гарантию нашей безопасности.

Но как-то поутру я вышел из дворца и не увидел перед воротами Золотого пса, обычно пылавшего в лучах зари и блестевшего своими потрясающими клыками. Я стал звать его, обежал в поисках окрестные вершины. Золотой пес исчез. Я сразу несправедливо обвинил Гермеса.

— Ты ведь бог воров... — заявил я.

Он прервал меня:

— Бог воров — быть может, но не ворующий у богов... разве что оказывая тебе услугу, отец. Я поклялся ничего у тебя не красть и держу слово. Ведь для воровской работы верность слову необходима, и воры держат его крепче, чем кто-либо в мире. Это их закон. К тому же неужели ты считаешь меня таким глупым, чтобы красть вещь столь заметную, столь необходимую для нашей общей безопасности? Но если поручишь мне разыскать пса, я охотно этим займусь. Никто лучше вора не выследит вора.

— Ну что ж, давай! — сказал я. — Только не тяни с этим делом. Мошеннику не поздоровится!

— Кем бы он ни оказался? — на лету спросил Гермес из-под облаков, уже уносимый своими крылатыми сандалиями на восток.

Я крикнул ему вслед:

— Почему ты устремился в сторону Пактола?

— Потому, отец мой, что золото всегда надо искать рядом с золотом.

И он нашел нашего стража на горе Сипил, в Лидии, перед дворцом Тантала. Гермес набросил поводок на шею пса и вернул его мне.

Тогда я вызвал Тантала на суд, и боги попрятались за девятью вершинами Олимпа, заранее боясь громахения моего гнева. Однако, должен признаться, ничего такого не произошло, ничего, кроме весенней грозы, слабо поворчавшей в тучах без молний, так и не пролившись ливнем.

— Золотой пес меня забавлял, — бросил Тантал небрежно. — Вот я и захотел поиграть с ним. Могу я поиграть с собачкой моего собственного отца? Разве ты не простил Гермеса, когда он похитил стада Аполлона?

Это было правдой. Я не наказал тогда Гермеса, и из этого вышло только благо. Тем не менее мне следовало оценить разницу между двумя похищениями и понять, что замыслы Тантала были отнюдь не столь невинными, какими он хотел их преподнести.

Отвесить пару громовых затрецин и на шесть месяцев отправить пастухом к суровому хозяину — вот как мне надо было поступить с ним. «Любишь собак? Ну что ж, отправляйся сторожить стадо!»

Но я опасался, что если стукну слишком сильно, то он возненавидит меня, и решил, что лучше его отчитать.

— Гермес был беден; хоть он и украл, у него было оправдание. Ты же родился богатым, самым богатым из всех моих сыновей. И к тому же два вора среди бо-

гов — многовато. У каждого своя роль и свои обязанности.

Слушал ли меня Тантал?

— Ну ладно, — продолжал я, — не будем больше об этом говорить; я хочу доверять тебе. Вновь займи свое место среди нас, и пусть все будет забыто.

И я позвал богов, которые вышли из-за гор, искренно удивляясь, что я по-дружески положил руку на плечо Тантала.

— С этим покончено, — обратился я к ним. — Тантал пообещал мне впредь хорошо себя вести.

Ничего он мне не обещал, негодяй, но я хотел сохранить лицо. Я решил, что надо отметить пиром его раскаяние, мою мягкость и наше примирение.

Геба накрыла на стол. Я выпил немного лишнего, побуждая Тантала осушить вместе со мной изрядное количество кубков амброзии. Я же вам говорю: мне хотелось, чтобы он меня любил.

— Пей, сынок, пей этот напиток, благодаря которому мы бессмертны.

Я покинул застолье, изрядно захмелев.

На следующий день Геба объявила мне, что в кладовой не хватает одного сосуда с амброзией. А потом моя дочь Атропос, третья из мойр, пришла с сообщением, что два человека, которым предстояло расстаться с жизнью сегодня утром, не умерли: ее ножницы никак не могут перерезать нити их жизни.

— И что за люди? — спросил я.

— Друзья Тантала.

Это дело было уже серьезнее. Как Прометей похитил зародыш огня, так Тантал украл бессмертие, чтобы дать его людям.

В этом месте своего рассказа я так и слышу, дети мои, как сыплются ваши вопросы. «Как? Избавление от смерти? Наша величайшая мечта, которая настойчиво посещает каждого из нас? Не умирать! Значит, вот что нес нам Тантал? Да ведь он же наш благодетель!» И я поставил ему это в вину, и я его покарал? И оставил вам неизбежность смерти?.. Так и вижу вас, совершенно возмущенных, готовых восстать, потребовать у меня отчета и воздвигнуть алтари Танталу. Ну да! Вы реагируете как раз так, как он и рассчитывал.

Думаете, если бы от богов зависело ваше бессмертие, неужели бы я стал дожидаться, когда Тантал его украдет? Думаете, я умышленно, из подлой низости не даю вам его?

Когда Уран получил возможность создавать жизнь, способную органически воспроизводить себя, это подразумевало очевидное условие, что его творения будут смертными, что всякое проявление этой жизни получит предел. Такова воля Судеб, которая ограничивает и мою волю.

Поскольку — я вам уже достаточно это повторял! — ничто не существует и не может существовать, кроме как в результате противоборства, столкновения двух сил, слияния или отталкивания двух элементов.

Нет света без тени, дня без ночи, жизни без смерти. Нет Эроса без Танатоса. Без смерти вас бы *не было*, как не было бы ничего из того, что вы делаете.

Жизнь — это долгая битва за то, чтобы не исчезнуть. Все ваши поступки, ваши предприятия, ваши влюбленности, ваши искусства, ваши города, ваши промыслы, ваши изыскания не имеют другого мотива, другой причины, другого всеобщего побуждения. Все вам диктуется, все повелевается этой битвой, такой многообразной, но единой, и ради нее. Жизнь, дети мои, — это смычка с будущим. Если нет смерти, нет и будущего.

Мы сами, боги, без смерти едва ли существовали бы. Что такое сила без применения? Непроявляемая суть, не обнаруживающее себя начало? Мы не имеем другого способа доказать и узнать, кто мы такие, кроме как через все живое. Если вам и есть за что логично упрекнуть нас, так это за то, что мы пользуемся вами, заставляя вас жить, а вовсе не за то, что даем умирать.

Стало быть, дети мои, надо, да, надо, чтобы у вас был предел. Однако вы удивительные машины, восстанавливающие по мере износа свой механизм. Еще немного, и вы станете неистребимы. А значит, необходимо, чтобы я внушал вам или способствовал тому, чтобы вы сами себе внушали — а это, поверьте, не самая приятная и не самая легкая из моих задач — такие поступки, которые ведут каждого из вас к исчезновению.

«Dementat Jupiter»...* Это стало у вас поговоркой. Но ведь как раз это и требуется для вашей гибели! Вам надо встретить самую очаровательную любовницу, которая познакомит вас с лучшим другом, кото-

* В полном варианте: «Quos vult perdere Jupiter dementat» — «Кого Юпитер хочет погубить, того лишает разума».

рый вам предложит превосходное дело, которое вас увлечёт в прекраснейшее путешествие... в котором вы потерпите кораблекрушение. Или же прекраснейшее путешествие должно привести вас к лучшему другу, который вас познакомит... Можете комбинировать любые элементы каким угодно способом, добавив к ним немало других, но в конце вас неизбежно ждёт несчастье. И даже если вы избежите кораблекрушения, несчастного случая, кинжала, яда или даже более тайных разрушений: из-за обманутой любви, разорения или неуспеха, то вас непременно подтолкнут выбрать из всех кушаний и напитков, способных восстановить ваши клетки, именно те, которые вам особенно вредны и которые медленно источат до разрыва какой-нибудь важный орган. Да, дети мои, надо, чтоб было так.

Но не вообразите, будто я с безразличием или удовольствием смотрю на эту неизбежность смерти, которую мне надо соблюдать. Она отмечает границу моей власти.

Я обязан помогать Танатосу, расставляющему вам ловушки, но стараюсь предоставить вам средства попасть туда как можно позже и наименее болезненным способом. Разве все, что я вам тут рассказал, не имеет единственной целью помочь вам жить как можно лучше и дольше?

Я знаю, что страх смерти и наваждение ее непредсказуемости отягчают ваши дни, омрачают свет и отравляют радости. Но такова цена вашего превосходства над остальной природой. Осознание собственной смертности — это просто условие самого сознания; и вы бы не изобрели столько способов драться, если бы не держались постоянно наготове из-за близости вашего врага.

Дети мои человеческие, мои великолепные маленькие гладиаторы, арена вашей борьбы — зеркало, в котором боги могут узнать себя, и именно в этом ваша божественность.

Ведь никто не мешает вам выковывать себе более крепкие панцири, удлинять вилы, уклоняться и увертываться, чтобы как можно дольше избегать ужасной сети. Плохие схватки, когда гладиатор погибает, едва выйдя на арену, нас удручают. Нам нравится подольше видеть вас в зеркале.

Увеличивать продолжительность вашей жизни, удваивать ее, утраивать, восстанавливать всеми средствами ваши силы, врачевать ваши раны и лечить сломанные конечности, заменять чудесами изобретательности, исследований, ловкости ваши изношенные органы, достигать тысячи атлантовых лет и умирать без страха и страданий только из-за усталости от жизни? Вы можете мечтать об этом и, вероятно, можете этого достичь. За последний век вы изрядно продвинулись на этом пути.

Подготовить расу, которую вы называете сверхчеловеческой и которая на самом деле будет расой настоящих людей, такой, какой ее ждут боги? Можете притязать и на это. А стать расой полубогов, по-настоящему соединенных с сутью Вселенной? Да, даже на это.

Но бессмертие? Как, дети мои, вы об этом мечтаете, если умирают даже звезды, даже небесные тела с нашими именами, отражающие наше присутствие, обречены исчезнуть!

Бессмертны в вас только силы, сочетания и битвы которых на какой-то момент вас составляют. Бессмертие для вас начинается только по ту сторону вашей смерти, когда эти элементы порознь возвращаются к своей сути, стекаются к богам, как ручьи к рекам. Или,

скорее, продолжается их бессмертие, на какой-то миг прошедшее через вас, мимолетным проявлѣнием которых вы и были.

Не уверен, что вы меня хорошо понимаете, когда я говорю, что бессмертие никогда не бывает неизменным и окончательным состоянием. На самом деле ни в одном из ваших языков нет слов, чтобы выразить эти вещи. Быть может, для сверхлюдей, ваших потомков, если им удастся родиться, завеса смерти будет не столь непроницаемой, и они смогут разглядеть в том, что вы именуете смертью, подвижную архитектуру божественного.

А теперь вернемся к Танталу.

Я спешно отправил Гермеса, Гефеста и Афины забрать у нашего вора сосуд с амброзией. Они, не мешкая, вернули его. По счастью, он был еще почти полон. Заодно доставили мне Тантала.

Преступление было столь тяжким, что меня более заботило раскрыть его побудительную причину, нежели назначить кару. Я долго допрашивал Тантала. Хотел знать, не уступил ли он попросту мании воровства, слишком уж распространенной в потомстве Иапета? Оценивал ли он по-настоящему последствия своей кражи? Действовал сам по себе или по наущению какого-то сообщника? Не поднимался ли когда-нибудь на вершину Кавказа, чтобы поговорить с Прометеем?

Большого прояснения я не достиг. В свою защиту, как всегда надменно и небрежно, Тантал сказал:

— Меня печалило, что мои смертные друзья должны умереть. Я хотел, чтобы они всегда оставались со мной. Ведь ты, отец, царишь над богами, а я всего лишь — над людьми. Такой ли уж важный это проступок: спасти их от смерти?

Тогда я постарался растолковать Танталу все то, что растолковал вам: что мы, боги, дабы не вызвать глобальные катастрофы, должны следить за исполнением законов Вселенной, а не нарушать их; и что я жду от своих сыновей образцовой помощи в моих трудах...

Тантал слушал меня с притворной покорностью. Я заметил в его взоре ту же нехорошую искорку, что заметил когда-то в глазах Прометея.

Вдруг Тантал изменил поведение и, став словоохотливым, заверил меня в том, что понял тяжесть своей ошибки, что глубоко раскаивается, что впредь будет считаться с моими наставлениями и что мне больше никогда не придется жаловаться на него. Мысль, что я могу наказать его, даже не пришла ему в голову, а если и пришла, то он не упомянул об этом. Простое заявление о послушании от такой важной особы, как он, должно было, конечно, меня полностью удовлетворить. И раз уж я решил отметить пиром окончание нашей первой размолвки, он захотел, чтобы на этот раз празднество состоялось в его собственном дворце, и пригласил туда всех олимпийских богов.

«Где-то я это уже слышал, — подумалось мне. — Опять какое-нибудь лживое жертвоприношение. Ну что ж, не будем ему мешать, посмотрим, как далеко он зайдет».

Бессмертные сочли, что я совершенно ослеплен своей пагубной слабостью к этому мальчишке.

Я уловил их шушуканье: «Как? Он, столь скорый на расправу, прощает Тантала во второй раз? Да еще и оказывает этому вору, этому нечестивцу такую почесть: отправляется на пир в его жилище! Куда подевался осторожный Зевс?»

«Quos vult perdere...» Показное доверие обманывает злоумышленников и поощряет их совершить непоправимое.

Итак, мы отправились в Лидию, на Танталов пир.

Хозяин отнюдь не мешкал с приготовлениями, и если хотел нас ослепить, то ему это удалось. Все было из золота: кубки, подносы, чаши, вплоть до ножек столов, которые были накрыты на склоне горы Сипил.

Скатерти тоже были сотканы из золотых нитей. Плоды с золотой кожицей громоздились пирамидами; тягучий мед и вино, текшие из амфор, также были золотого цвета.

Геба с завистью поглаживала кувшины.

— Смотри, отец! — говорила она. — Таких красивых нет даже у нас на Олимпе.

Я видел, что глаза остальных моих детей полны раздражения и зависти. Гефест, как знаток, вертел в руках ювелирные изделия, а Аполлон, казалось, был оскорблен выставлением напоказ всей этой роскоши. Почему он, поэт, певец, гений, не имеет столько? Вокруг роилась тьма слуг, а с некоторого расстояния на нас дивились нарочно собранные толпы. Тантал поднялся с кубком в руке.

— Народы моих государств, вы, люди, которыми я правлю и почитаю за своих братьев...

А! Это демагогическое начало мне совсем не понравилось.

— ...смотрите, как я принимаю и чту богов. Возьмите с меня пример и поступайте так же, потому что Зевс, наш общий отец, того требует.

Ну уж нет! Ничего подобного я не требовал. Он сам позвал нас.

Тут в золотых мисках принесли нарезанное мясо и поставили перед каждым гостем. Я недоверчиво изучил содержимое посуды и тотчас же сделал знак богам ни в коем случае не притрагиваться к этому кушанью. Но моя сестра Деметра, вернувшись с жатвы и сильно проголодавшись, по рассеянности не заметила моего жеста и принялась за поданное ей мясо. Я закричал, чтобы остановить ее, но было слишком поздно: она успела обглодать человеческое плечо.

— Тантал! — прогремел я. — Чем ты нас потчуеть?

— Разве люди не должны умирать, подчиняясь твоему закону, чтобы боги могли проявить себя... или же я плохо усвоил твой урок? — ответил он иронично.

— Кого ты нам подал в разделанном виде? — спросил я опять, грохнув кулаком по столу.

— Если жизнь — источник будущего, то не должны ли мы обеспечить это будущее поглощением жизни? — продолжил Тантал тем же тоном.

— Кто? — прогремел я в третий раз, указывая на миски.

— Мой сын Пелоп, его человеческая оболочка, столь необходимая богам, как ты сам говорил, чтобы познать себя. Я подумал, что никакая другая жертва не может быть для вас приятнее. Эта тарелка — тоже зеркало.

И, обернувшись к толпившимся вокруг людям, Тантал крикнул:

— Братья, я хотел дать вам бессмертие, но Зевс помешал мне, чтобы не делить с вами свою власть. Ну что ж! Тогда лучше уж ешьте ваших сыновей, чтобы их у вас не отняли, и станете бессмертными, как боги!

Мое бешенство было равно моему отчаянию. Ведь не только наследие Прометея я увидел в Тантале, дух мятежности и воровства, но и, увы, худшие черты моего собственного рода — наследие Крона: безумную жажду господства и ложные рассуждения, оправдывающие злодейство.

Мой тридцать второй ребенок, пятый из моих сыновей, хотел свергнуть меня с престола.

Теперь замысел Тантала стал вполне ясен: сначала похищение Золотого пса, чтобы лишить Олимп защиты и получить возможность неожиданно напасть, затем присвоение амброзии, чтобы раздать ее своим близким, сделать из них новых бессмертных — своих при-

спешников — и опрокинуть богов. А поскольку Тантал потерпел неудачу, он теперь злобствует в разрушении, любой ценой противодействуя законам миропорядка. Мой отец тоже пожирал своих детей. Крон уничтожил самую лучшую человеческую расу и в конце концов погубил целый континент. Новый Крон — вот кто явился в моем потомстве! Я действовал быстро.

Воскрешение Пелопа. Судьба Атридов. Танталовы муки

Я повелел Гефесту заковать Тантала в оковы, а моей дочери Афине, то есть вооруженному Разуму, сторожить его.

— Скоро я назначу тебе наказание. А пока есть более важные дела: надо исправить последствия твоего злодейства.

И я приказал Гефесту взять большой чан, сложить туда все куски несчастного Пелопа, вымочить их в амброзии и спить между собой. Увы, не хватало одного плеча.

Безутешная Деметра в отчаянии рыдала.

— Я же не знала... не обратила внимания...

Для Деметры любая плоть годится, чтобы питать силы растительности.

Но изобретательный Гермес смастерил плечо из слоновой кости. И когда Пелоп был собран, подогнан, спит, Гефест по моему приказанию вернул ему жизнь, вдохнув в него искру божественного огня.

Позже, то есть после потопа, я отправил Пелопа править Грецией — этой прекрасной, но постоянно раздираемой на части страной, которая вынуждена беспрестанно возрождаться в непростом единстве. Всего несколько тысячелетий назад в Элиде, где Пелоп долго правил, прежде чем занять свое место среди бессмерт-

ных, показывали плечо из слоновой кости, принадлежавшее моему внуку, первому царю Пелопоннеса.

Пелоп был государем благочестивым, справедливым, превосходным, а если и убил своего возничего, то сделал это с сожалением и лишь потому, что защищал добродетель собственной жены. Но в его потомстве вновь проявилось проклятие Кронидов. Его первым сыном был Атрей. Атриды совершали друг над другом все возможные виды злодеяний: отцеубийства, братоубийства, детоубийства, умерщвления прочих родственников. Ваши лучшие поэты поведали вам об этом.

Что касается Тантала... Да, вы знаете, как он был наказан. Как всегда, вам легче запоминается кара, чем само преступление. Тантал в Преисподней. Это дитя богатства приковано золотыми цепями к золотому седалищу. Вокруг него склоняются ветви с дивными плодами: спелые груши с прозрачной душистой кожицей, лоснящиеся яблоки, внутри которых угадывается сочная свежесть, нежные фиги с чуть лопнувшей оболочкой, за которой виднеется сладкая мякоть, персики, благоухающие вечным летом. Как только Тантал тянется ртом к этим плодам, чтобы надкусить их, ветвь тут же выпрямляется, становясь недосягаемой.

В том круге Преисподней, куда я поместил Тантала, царит нестерпимая жара. У его ног течет и искрится прохладная вода, иногда она поднимается до его колен, иногда до подбородка; но, как только Тантал хочет отпить хоть глоток, вода тотчас отдалается от его растрескавшихся губ, опадает, уходит обратно, и от нее не остается ничего, кроме черной зловонной грязи. Жажда — пытка еще более мучительная, чем голод.

Таков вечный пир этого вечного убийцы.

Тантал, дети мои, завидует вашему смертному уделу.

Вам, наверное, хочется узнать, что стало с парой его дружков, которых он напоил амброзией? Верно, об этом вам никто никогда не рассказывал. Что бы вы с ними сделали, если бы были на моем месте? Ну так вот, одному велено опускать уровень воды, а другому — поднимать ветви. И мне нечего опасаться, что они пренебрегут порученным делом. Они знают: стоит им сплеховать — и их самих постигнет Танталова участь.

Я слышу, как из глубин Преисподней Тантал хрипло кричит мне, что я извращаю его историю в свою пользу и что мука, которую он терпит, уже достаточно велика, чтобы не добавлять к ней клевету. Уверяет, что им двигало только великодушие, что на самом деле он хотел спасти людей от страха смерти и что именно мой отказ сделал его преступником. Может быть, может быть... Я не мешаю ему высказаться, надо же ему чем-то занять свои уста.

В конце концов, власть плохо вдается в доводы бунта, но бунт вообще никогда не вдается в доводы власти.

«Но, отец наш Зевс, если смерть неотделима от жизни, если борьба — неперемненное условие существования, а смерть — неотвратимая необходимость, почему же тогда ты называешь преступлением убийство ближнего и еще большим — поедание его плоти?»

Я слышал ваш вопрос, дети мои. Он словно внушен самим Танталом. Вы бы не задали его мне, если бы не были так же суетны, как и он. К тому же вы больше выискиваете противоречия во мне, чем слушаете то, что я избрал из целой вечности для своего повествования.

Ладно! Начнем сначала.

Как я уже говорил, ничто не может существовать, то есть проявляться, действовать, определять себя, выражать себя, воспроизводить себя, кроме как через наличие различных сил. Для этого необходимо, чтобы эти силы *имелись*. Если некая сила уничтожает самое себя, она препятствует существованию всего, что произошло бы из ее столкновения, сочетания или возгорания с другими силами. Во вселенском движении появляется сбой. Воспламенения, любовного или огненного, больше не происходит. Жизнь в ее равномерном четырехтактном ритме прекращает свое вращение.

Всякий раз, когда вы совершаете индивидуальное или коллективное убийство, всякий раз, когда вы уби-

ваете по какой бы то ни было причине подобного себе, когда устраиваете резню между партиями, нациями, расами, вы ослабляете, обедняете особую силу человечества. Каждое убийство — это самоубийство.

Погибнуть сражаясь — да, это космический закон, но сражаясь с тем, что имеет другую природу, будь оно видимо или невидимо. Вот почему тяжесть преступления возрастает пропорционально главным узам, которые объединяют убийцу и жертву, так что боги считают гораздо более возмутительным убийство своего сына или отца, нежели неизвестного солдата соперничающей нации. И хотя вы и в том и в другом случае обедняете свой вид, во втором случае, по крайней мере, вы поддерживаете, утверждаете жизнеспособность собственной нации.

С другой стороны, если вы докатились до поедания человечины или корыстного использования частей человеческой субстанции, вы нейтрализуете вашу собственную силу, вы поглощаете и уничтожаете самую суть вашего вида и этим совершаете наихудшее преступление, поскольку вносите во Вселенную наихудший беспорядок.

Вы сами говорите: волки друг друга не едят. Это доказывает, что, какими бы свирепыми они ни были, у них больше мудрости, чем у вас, потому что они не обращают свою свирепость против себе подобных.

Вы, к кому я обращаюсь, кто помнит мое имя и живет в краях, где ваши предки воздвигли мне храмы, наверняка считаете устарелым и смешным напоминание о запрете на использование человеческой плоти. Такого, уверяете вы, уже не существует, разве что случается эпизодически у некоторых первобытных племен южного континента, у остатков исчезнувших рас.

У вас короткая память или плохое зрение. Вы забываете, что уже в вашем веке, в середине вашего века,

один из самых могущественных народов, не удовлетворившись истреблением без боя миллионов мужчин и женщин, воспользовался волосами и костями свежих трупов, чтобы извлечь из них жиры, кислоты, сделать мыло. Так что есть среди вас люди, которые мылись, вернее, считали, что моются, мылом из человечины; и есть люди, сделавшие своим долгом или удовольствием поругание во врагах, которых себе выбрали, самой человеческой сути. И эти люди ходят по земле, действуют, руководят, выбирают ассамблеи, заседают в советах народов.

Химия не оправдание мерзости, и невежество не защита от последствий преступления. Так же коллективное подчинение законам меньшинства не снимает вину с народной массы, поскольку в подчинении есть согласие.

Угрозой, которая день и ночь кружит над вашим родом, вы обязаны этим чудовищно запятнанным рукам.

Покуда не угаснут поколения, увековечившие это преступление, или те, кто невольно в нем участвовал, над землей людей будет нависать великая опасность из-за гнусного нарушения божественных законов.

Послушайте историю детей Ликаона; она вас все еще касается.

Сразу после того, как Тантал в Преисподней был закован в цепи, я торжественно собрал на Олимпе всех богов и сказал им:

— Ступайте к смертным и возвестите, что я строжайше запрещаю им есть человеческую плоть, пусть даже под видом жертвоприношения богам. Их род и так уже запятнал себя слишком многими злодеяниями, а это ставит под вопрос сам договор, который связует нас с Судьбами. Объявите смертным, что если они примкнут к Танталову преступлению, то будут уничтожены.

Мое послание было доставлено каждому народу, каждому селению, каждому племени.

Но после наказания Тантала пристрастие к человечине у смертных не исчезло, как и после наказания Прометея огонь остался в руках людей. Четвертая раса, нарушив мои запреты, пожирала собственных сыновей.

Мне доносили, что в таком-то месте воины ели своих поверженных противников, полагая таким образом удвоить свою храбрость или уберечь себя от ран. В другом месте после церемонии заклания юноши или ребенка их плоть примешивали к праздничной похлебке: так никто лично не был ответственным за людоедство. Вся община исполняла запрещенный ритуал, и только случай выбирал тех, кому в похлебке доставалось чело-

веческое мясо. В других местах умертвляли девственницу, чтобы из нее не вышла новая жизнь, а сохранилась в пользу старцев племени. Повсюду извращали мои повеления в обманчивой надежде похитить бессмертие.

Так я и узнал, что в самой Греции, в милой моему сердцу Аркадии, некий царь заставляет тайно принести в жертву ребенка, взятого из народа, и съедает его.

Этот царь, по имени Ликаон, властный и могучий правитель, имел от своих жен пятьдесят сыновей. Чтобы лучше удержать своих подданных в подчинении, он называл себя большим другом богов и утверждал, что путешественники, часто останавливающиеся за его столом, не кто иные, как навестившие его боги.

Случай показался мне слишком серьезным; чтобы доверить кому бы то ни было его расследование. Я принял человеческий облик, скрывшись под личиной нищего старика. Мой плащ из грубой шерсти был весь изношен, истерт, грязен; я был бос и опирался на высокий посох, отполированный потом в том месте, где его касается рука; моя поступь была медленной, а спина согбенной.

В таком виде я появился в жилище Ликаона, где попросил крова и пищи. Слуги отвели меня к царю; тот отнесся ко мне с большим почтением, велел предоставить мне пышные покои и задать пир в мою честь.

— Это чересчур, владыка, — сказал я ему. — Такому убогому бродяге, как я, вполне хватило бы лепешки с зубчиком чеснока да соломы в уголке твоих конюшен.

— Бедняков, которые стучатся в мои двери, здесь всегда принимают как богов. Я не задаю им вопросов и не выведываю секретов.

Он говорил громко и напыщенно, чтобы слышал весь двор.

«Вот человек, который полагает, что лжет, но вскоре весьма удивится», — подумал я.

Однако сыновья Ликаона, желая узнать, обманывает их отец или же боги и впрямь толпятся у его ворот, задумали жестокую хитрость. Сорок девять из них сговорились зарезать и выпотрошить пятидесятого, маленького Никтима, которому было всего несколько лет, и смешать его внутренности с козьей и бараньей требухой, варившейся в котле для пира.

— Если старый попрошайка и впрямь бог, то он заметит эту проделку и покарает Ликаона, — шептались сорок девять братьев. — А если нет, значит, отец нас обманывает и мы можем его свергнуть.

Все уселись за огромный стол, сделанный из дубовых досок толщиной в два пальца. Ликаон усадил меня на почетное место, сам сел справа от меня, затем сорок девять его сыновей — в порядке старшинства. Принесли котел. Слуги черпали оттуда и разливали по мискам похлебку, где в горячем масле и пряностях плавала требуха. Склонившись над своей миской, я почувствовал, как на меня уставились сорок девять пар глаз. Я поднес ложку ко рту... и внезапно, выпрямившись, опрокинул разом стол, тарелки и котел.

— Негодяи! — вскричал я. — Вы захотели накопить меня человеческой плотью и приобщить к вашим злодеяниям! Твои сыновья погубили тебя, Ликаон, желая разоблачить твою ложь. Ибо сегодня бог, царь всех богов, и вправду сел за твой стол. А вы, негодяи, достойные сыновья недостойного отца! Я не вижу самого младшего вашего брата; вернее, я вижу перед собой его внутренности, которые упали в пыль, миновав ваши желудки! Я воскрешу вашего брата Никтима и дам ему место среди бессмертных, ибо частица его пло-

ти коснулась моих уст. Но вы знаете о каре, которая вам уготована, вам и всему вашему роду...

Я не успел закончить. Кара уже обрушилась. Свет над Аркадией и всей Грецией, над островами, над морем и над всей этой частью мира стал вдруг невыносимо ярк; воздух обратился в сплошное пламя и лучи; нестерпимый жар высушил ручьи, в одно мгновение превратил весенние деревья в осенние. Гигантский раскаленный шар, увеличиваясь с каждой секундой и отливая голубизной по мере своего приближения, мчался к земле. Моя молния была тут ни при чём, я и сам дрожал.

— Солнце падает на нас! — завопили сыновья Ликаона, а также весь народ Аркадии и все люди до обоих горизонтов, от Иберии до Индии.

Но падало не Солнце. То был его сын.

Падение Фаэтона. Погибшее светило

У Гелиоса-Солнца был сын; я верно выразился: был. Этого сына звали Фаэтоном, то есть Блισταющим.

Однако, когда разлад воцарился среди людей, извратив их мысли и поступки, то же самое случилось и среди небесных тел. Все сцеплено друг с другом, повторяю вам, все связано в мироздании. И вы должны рассматривать это не как извинение вашим излишества, но скорее как предостережение: не вносить смуту в космос.

Фаэтон завидовал своему отцу, гораздо более крупному, более сильному, более яркому, который каждое утро с золотыми поводьями в руках отбывает на своей колеснице, чтобы обогнуть весь мир. Фаэтон завидовал его лучезарному великолепию, его уверенному виду, его способности все видеть на земле, а также тому, что Гелиосу поклоняется все живое, что радость наполняет людей, животных и растения, когда его кони появляются из небесных врат, распахнутых розовоперстой Эос, Зарей. Фаэтон завидовал гимнам всеобщей благодарности, что возносятся к отцу на протяжении всего его пути, и даже грусти, которая распространяется по миру, когда пурпурные колеса солнечной колесницы исчезают на западе.

Довольно часто Фаэтон просил своего отца, чтобы тот позволил ему один день, всего один, прокатиться на его колеснице. То он умолял, то злился и дулся. Раз-

ве не видел он миллионы раз, с отдаленнейших времен, как Гелиос правит своими конями? Он приглядывался к каждому из отцовских движений. Ночью крутился возле колесницы, знал, как там держаться, куда ставить ноги, каким движением руки сдерживать скакунов или же поторапливать, чтобы их галоп всегда был ровным. Сколько же времени ему еще ждать? Он ведь уже вполне взрослое светило. Неужели его навсегда оставят в бездействии, подобно его сестрам гелиадам, маленьким, едва заметным звездочкам? К чему быть сыном Солнца, если не суждено услышать хотя бы отголосок восхвалений?

Гелиос всегда отказывал. А потом, в то утро... то ли из-за усталости, то ли из-за доброты или слабости... в общем, он позволил убедить себя, как я сам позволил Танталу обмануть себя. Но он дал Фаэтону тысячу наставлений.

— Направление; твердо придерживайся направления. Путь проложен по небесному своду, не сбивайся с него!

— Ну да, отец, я знаю, я буду осторожен; я видел, как ты это делаешь.

Гелиады запрягли коней в колесницу; Фаэтон поднялся в нее и поправил поводья.

— Никаких резких движений. Мои скакуны очень чувствительны к удилам.

— Да, отец, знаю...

— И если у них выпадет волосок-другой из гривы, не беспокойся — такое бывает.

Розовоперстая Заря распахнула створки ворот — и кони понеслись.

Они скакали давным-давно наезженной дорогой, словно сами по себе. Фаэтон был сначала внимателен к их аллюру, но, видя, как они ровно бегут, быстро

обрел уверенность и отдался самолюбованию. Сегодня он Лучезарный, Сияющий, Дивный, Пылающий, приветствуемый тысячью имен, почитаемый всеми народами, Вселенский Благодетель.

Фаэтон мчался сквозь тучи, упиваясь скачкой; потом перегнулся через борт колесницы, чтобы взглянуть на мир, который озарял, и услышать свою долю благодарностей. Когда ему открылась вся необъятность пространств внизу, его охватило головокружение, он испугался притягивающей к себе бездны и сделал резкое, суетливое движение, вцепившись в поводья. Это сбило коней с их курса.

Но что такое порой головокружение, если не страх быть поглощенным пустотой, вернее, страх броситься туда самому, утратив власть над собственным равновесием? И откуда этот ужас, если не из потаенного чувства, что пустота — это наказание, что в ней надо искупить проступок — как раз тот самый, который лишает нас опоры?

Фаэтон жаждал занять место своего отца.

Признаюсь вам, мне самому, с тех пор как я был вынужден сокрушить и заключить в оковы Крона, случается испытывать дурноту, когда я поднимаюсь слишком высоко в космос. Так что оставляю Гелиосу это дальнейшее управление светом и сосредоточиваюсь на распределении света поближе к земле.

Вот так в тот день солнечная колесница и сбилась с пути. Поднялась слишком высоко и устремила к созвездиям. Фаэтон изо всех сил натягивал поводья, но, охваченный ужасом, никак не мог выправить коней. Внезапно перед ними вырос другой, громадный конь и взвился на дыбы, раскинув человеческие руки: то был Стрелец, готовый атаковать. Скакуны шарахнулись в сторону, но чуть не наткнулись на гигантского

козла с длинной желтой шерстью и красными зрачками. Мохнатый Козерог подобрался для прыжка; уж не хочет ли он поднять на рога жаркую колесницу? Колесница промчалась огненной стрелой мимо разверстых пастей Рыб.

Напуганные близостью животных зодиака, не чувствуя на поводьях руку, к которой привыкли, кони Солнца понесли. Треснуло дышло. Фэтон в отчаянии тщетно пытался удержать коней... Два гигантских закрученных рога возникли из бесконечности. Фэтон едва увернулся от Овна, но лишь для того, чтобы наткнуться на Тельца с налитыми кровью глазами, который ждал, опустив голову, и в бешенстве скреб копытом Млечный Путь. А дальше уже стоял рыкающий Лев, воздев исполинскую хищную лапу.

У коней Солнца багровели ноздри, пламенные гривы развевались по ветру. Они мчались, уже не зная куда, сквозь звезды. Колесница тряслась, раскачивалась, моталась из стороны в сторону, подскакивала, натываясь на туманности, ее заносило, она накренилась, накренилась... и опрокинулась. Фэтон, выброшенный в пространство, уцепился за поводья, поэтому все падало разом: колесница, возникший, кони, свет.

Он падал, самонадеянный сын, падал на землю, приближался к ней, и его раскаленный блеск уже был нестерпим для прочих глаз, кроме моих. Все вот-вот загорится, лопнет, взорвется; мир ждет ужасающий удар, который со всем покончит!

Я встал перед опрокинутым столом царя Ликаона, сбросил рубище нищего, схватил молнию и метнул ее — огонь против огня — в Фэтона. Он разжал пальцы, выпустил поводья; я поражал его снова и снова. В тот же миг Гелиос прыгнул на небо. Более крепкий и ловкий, чем его сын, он перехватил колесницу на ходу. И вот уже старина Гелиос ставит ее на колеса.

Наклоняется, чтобы подобрать поводья, — он-то пустоты не боится. Он вернул себе своих коней.

Фаэтон продолжал падать: голова к земле, глаза выпучены, ноги дрыгаются в эфире. Я продолжал поражать его молниями.

Когда он выпал из колесницы, его блеск померк. Но он был тяжелым и горячим, этот солнечный малыш! Молния за молнией — и мне удалось его отбросить. Он летел, касаясь наших пространств. Я снова метнул в него молнию. Его шевелюра какое-то время еще пылала; он все еще падал, а потом от удара моего последнего снаряда взорвался, раскололся, разлетелся на части, рассеялся. Все было кончено.

Я сел на сожженную траву Аркадии и застыл на какое-то время в неподвижности...

Дети мои, вы опять скажете, что это сказка.

Однако вы знаете, что ваш земной шар описывает вокруг Солнца эллипс; и вы знаете также, благодаря науке сына Гермеса, божественного Пифагора, что у эллипса имеются два центра. Однако один из этих центров занимает как раз Гелиос. Вы когда-нибудь задавались вопросом, почему второй центр пустует? Разве этот второй центр не был местом Фаэтона, малого солнца, пропавшего светила?

Таинственные камни, вовсе не принадлежащие телу Великой праматери, на которые вы натываетесь иногда в ваших полях, не понимая, откуда они взялись, — это останки Фаэтона. А огромные дыры, различимые на поверхности Луны, которыми она вся изрешечена, — это шрамы, что остались от обломков Фаэтона, разбросанных взрывом. А эта река из множества каменных глыб, огибающая Землю, великая каменная река, текущая в пространстве и о которую вы рискуете разбиться, если решитесь посетить соседние вселенные, тоже обломки Фаэтона.

У всех народов вашего мира в самой давней их памяти запечатлелся день, когда Солнце, согласно одним, поднялось со стороны заката, согласно другим — остановилось в своем движении, для одних удалилось, для других, наоборот, выпало огненным дождем... в общем, по единому мнению, ошиблось дорогой.

Это и был, дети мои, тот самый день.

Девкалион. Пророчество Прометея. Постройка ковчега. Потоп

И это был также день, когда Девкалион... Но я вам о нем еще не рассказывал. Девкалион был сыном Прометея. Однако, поскольку Прометей — бог человека, Девкалион был смертным, и, что бывает еще реже, смертным, который доволен своей участью. Он любил человеческое обличье, свое человеческое положение, человеческие труды. Сполна наслаждаясь человеческими радостями, он считал человеческий образ жизни наилучшим из всех. Его считали праведником, потому что он представлял для богов честное и совершенное зеркало осознания жизни.

Девкалион женился на своей двоюродной сестре Пирре, дочери Эпиметея и Пандоры; ценил в ней ее женские достоинства и проявлял терпимость к ее женским недостаткам. Его чувств к жене хватило, чтобы построить с ней целый мир в миниатюре и не завидовать никому.

Отец Девкалиона томился в оковах; быть может, именно отсюда проистекали благоразумие и уравновешенность сына.

В то время как Тантал покусался на мою власть, Фаетон хотел захватить колесницу Гелиоса, а сыновья Ликаона замыслили свергнуть своего отца и расставляли ему нечестивые ловушки, Девкалион часто навещался на Кавказ, чтобы Прометею было не так одиноко. И хотя ужасный узник кричал ему, что не

нуждается ни в чем присутствии и утешении, Девкалион оставался там довольно долго и молчал.

Он смотрел, как страдает его отец; слышал, как тот ярится, проклинает, бредит. Девкалион не извлекал из этого никакого чувства превосходства, скорее наоборот. Но и не пытался также отогнать орла или разбить оковы, зная, что это напрасная затея, которая могла бы лишь разозлить богов. Девкалион был лишен высокомерия, которое необходимо для того, чтобы дерзко вмешаться в чужую судьбу.

— Не ты нуждаешься во мне, — говорил он своему отцу. — Это я нуждаюсь в тебе.

Девкалион садился на камень и размышлял.

«У него гений, а у меня всего лишь здравый смысл. Скоро я прилягу у благодетельного огня, дарованного отцом, а отец будет корчиться на морозе. То, что делает меня счастливым, — причина его мук. Моя покорность извлекает выгоду из его бунта. Если бы моим сыновьям досталась половина его гения и половина моего терпения, часть его честолюбия и часть моего смирения, у рода человеческого было бы прекрасное будущее».

Прометей каждую ночь, пока восстанавливалась его печень, смотрел на небесные светила — единственных товарищей своей вечной бессонницы. Так он научился читать их предвестия. Не имея возможности действовать, создавать, править, он теперь часто перемежал пророчествами свои страдания и вспышки ярости.

Однажды утром, когда Девкалион в очередной раз пришел его проведать, Прометей крикнул сыну:

— Ты смастеришь большой сундук, который может держаться на воде, загрузишь его съестными припасами и всем необходимым, чтобы продержаться девять дней; и, когда с неба упадет огонь, укроешься в сундуке со своей женой Пиррой. Ступай, торопись. Мы больше не увидимся. Я буду ждать одного из твоих потомков.

Девкалион пошел прочь. Обернувшись, чтобы бросить последний взгляд на своего отца, он узнал, что Прометей умеет плакать.

Сразу по возвращении домой в Фессалию Девкалион взялся за дело. Пирра сначала донимала его вопросами, а потом насмешками и упреками. Как, он срубает самые прекрасные акации, чьи цветы так хорошо пахнут весной? Разве нет у него в полях более важных дел? Сундук... сундук посреди сада, да еще и такого несуразного размера... да еще набивать его съестными припасами! Спать в каком-то ящике, когда есть прекрасный дом из плоских камней, хорошо пригнанных друг к другу! Настоящие царские хоромы на зависть соседним племенам! «Когда с неба упадет огонь...» Но если с неба упадет огонь, разве ящик не загорится быстрее дома? Бедный безумец Девкалион наслушался речей своего папаша, еще большего безумца! Чтобы огню да удалось...

— Женщинам нашего рода тоже не удалось избежать предреченного оракулами, — возражал ей Девкалион. — Не бери пример со своей матери. Подчинимся, и если нам суждено понять, то поймем потом.

Девкалион закончил крышку своего сооружения в тот самый день, когда Фаетон взялся за поводья солнечной колесницы. А увидев падающее светило, схватил за руку свою жену и потащил к сундуку. Но она все еще сопротивлялась.

— Смотри, вся деревня бежит к пещерам!

— Укроемся в сундуке, — настаивал Девкалион.

Сильный жар, почти коснувшись земли, испарил изрядную часть земных вод. Источники иссякли, русла рек опустели, обнажилось дно у озер и даже морей; их водорослевые луга устилала дохнувшая рыба. Земные же поля стали подобны льняным очесам; сок в деревьях высох.

Это вам объясняет, почему часто говорят, что в огне содержится вода, а в воде — огонь и что между двумя этими стихиями есть союз.

Но когда я, Зевс, отбросил и уничтожил Фазтона, все эти массы воды, обратившиеся в пар, собрались в огромные тучи, столь плотные и густые, что и в самом деле можно было подумать, будто колесница Солнца исчезла навсегда.

Вскоре Девкалион и Пирра услышали каплю, потом другую, потом много, потом стремительный и частый ливень, потом настоящий водопад капель, который застучал по крышке их сундука.

Начался проливной дождь.

Продолжение вам часто изображали и рассказывали. Это был потоп.

Не единственный, не самый значительный из потопов, которые познала ваша планета, но последний по времени, случившийся в мое царствование.

Озера, пересохшие на какое-то время, быстро наполнились и вскоре уже не могли вмещать жидкие лавины, которые скатывались с гор. Внезапно вздувшиеся реки вышли из берегов и стремительно разлились по равнинам, затапливая поля и угодья, унося амбары. А небо продолжало изливаться водой. Вода низвергалась в воду.

Вскоре даже в самых высоко расположенных поселениях потоки покрыли камни улиц, а потом достигли и верха дверей. Храмы акрополей соскальзывали со своих размякших оснований. На крышах виднелись только воздетые руки и слышались только крики ужаса или напрасные мольбы — насколько позволяла видеть и слышать черная, грохочущая толща дождя.

Многие из людей по привычке укрылись в недрах Великой праматери. Но в гроты и пещеры с ревом хлынула вода. Животные, более искушенные, добирались до холмов; но холмы словно проваливались в воду

один за другим; долины исчезали. Волки и кабаны, виверры и всякое водяное зверье плавали среди овец и коз; быки застревали в кронах дубов. Несколько редких землепашцев плыли на своих хлебных скирдах, но вода утяжеляла солому — и они тонули вместе со своей жатвой. Птица уже не знала, куда приземлиться... Осталась ли хоть одна крыша? Крыша вскоре покрывалась водой. Ветвь? Ее уносило течение. Птица снова взлетала, но изможденные крылья не держали ее, и она исчезала, канув в воду.

Так тонул земной мир. Карающая вода заглушила крики людей в их людоедских устах; раздутые тела плыли по огромному Стиксу. Умолкли все звуки жизни. Не было больше ничего, кроме неустанного стука тугих, тяжелых капель, бьющих по жидкой поверхности.

День... два... шесть дней... восемь... девять... Несколько редких горных вершин торчали из воды, где сумели спастись самые ловкие из животных. С высоты Кавказа промокший Прометей пытался встревоженным взглядом пронзить сумрак.

Наконец на девятый вечер дождь прекратился. Тучи поредели, и утром колесница Гелиоса вновь появилась на небе. По необъятной жидкой глади, словно дрейфуя в бесконечность, плыли только Девкалион и Пирра в своем сундуке.

Они исчерпали все запасы; остался всего один голубь, которого Пирра собиралась убить для последней трапезы.

— Пока не приноси его в жертву, — попросил Девкалион. — Он спасся с нами; сохраним ему жизнь и будем надеяться.

Он поднял крышку сундука и залюбовался светом. Потом выпустил голубя. Через какое-то время тот вернулся, принеся в клюве оливковую ветвь.

— Вода опускается, — сказал Девкалион. — Появилась верхушка дерева. Будем надеяться.

Вечером сундук наткнулся на какую-то горную вершину и остановился: они достигли Парнаса.

Они прождали всю следующую ночь, чтобы Мать-Земля частично впитала покрывшую ее хлябь — то был Понт, морской накат, ее давний любовник, вновь обретенный для краткого соития. Всякий раз, когда небесные мужские силы приходят в расстройство, праматерь пользуется этим, чтобы распутничать... Потом Девкалион и Пирра вышли из сундука, и им послышалось, будто кто-то трубит в раковину: это Тритон, сын Посейдона, созывал воды. А вскоре они увидели, как волны схлынули к подножиям гор, освободив долины и обнажив равнины. Реки вернулись в свои берега и вновь потекли в море.

Девкалион обернулся к Пирре.

— Жена моя, сестра моя, да, мы спасены, — произнес он. — Но взгляни на это опустошение и вслушайся в эту тишину. Ни крика, ни голоса, ни звука жернова, мелющего зерно, ни косы, срезающей траву. Я вижу только слизняков, выползающих из ила, нескольких птиц, летящих к нам, да животных, боящихся спуститься с деревьев; я узнаю Грецию, но не вижу людей. Жена моя, сестра моя, весь человеческий род погиб, мы остались одни!

Девкалион преклонил колена в грязи и воззвал к богам:

— О вы, бессмертные силы, оживляющие Вселенную, и ты, великий Зевс, правящий ими, вы пощадили меня. Направьте же мои шаги и внушите мне, что делать.

С смокрой высоты Олимпа я тоже взирал на мир со скорбью.

«О люди, мои люди, — думал я, — ну зачем вы вынудили Судьбы уничтожить вас? Как же богам будет уныло и одиноко без вас!»

Тут-то я и заметил Девкалиона на горе, прямо напротив, и услышал его голос. Меня обуяла радость. Я тотчас же призвал Фемиду и указал ей на спасшегося человека.

— Ступай, моя возлюбленная, и жди его в своем храме на берегу Сефиса; ибо Девкалион — праведник и потому в первую очередь захочет узнать веление Закона. Дай ему то, что он попросит. Пусть с тобою пойдет Гермес.

В самом деле, Девкалион, увязая по колено в желтоватом иле, направился к храму Фемиды. Он едва узнал его просевшие стены, обрушившийся фронтон, намокший и холодный алтарь. Они с женой вскарабкались по ступеням и пали ниц. Девкалион сказал:

— О богиня! Продиктуй мне свои повеления, ибо человек никогда не нуждается в правилах больше, чем когда предоставлен самому себе.

И тут посреди храма явились Гермес с Фемидой, оба такие прекрасные: он — юный, ловкий, с крыльшками на сандалиях и жезлом в руке, она — статная и прямая в своей спокойной наготе. Их дивное сияние затмило все царившее вокруг опустошение.

— Выскажи свое желание, Девкалион, — повелел Гермес, — и оно будет исполнено. Так решил мой отец.

Девкалион мог бы ответить: «Сделай меня подобным вам, возьми меня к богам, и пусть этот кошмар закончится». Я ведь обещал, и я бы выполнил это. Но нет, Девкалиону нравился его человеческий удел.

— Я бы хотел, — начал он, — чтобы мы больше не оставались одни. Я бы хотел товарищей. Пусть человеческий род возобновится.

Тогда Фемида, пристально взглядываясь в даль времен, изрекла свой приговор:

— Когда ты и твоя супруга отдалитесь от моего храма, развяжите ваши пояса и бросайте за спину кости вашей матери. И ваше желание исполнится.

Беликий лучезарный свет померк, и Фемида с Гермесом исчезли.

Девкалион и Пирра спустились по осклизлым ступеням святилища.

— Первую часть оракула — «развяжите ваши пояса» — я понимаю, — рассуждала Пирра. — Понимаю также, почему богиня посоветовала сделать это, лишь когда мы отделимся от ее храма; храмы ведь не место для соитий.

— А я понимаю и вторую часть, — откликнулся Девкалион. — Наша общая мать — Великая праматерь, Земля, а кости Земли — это камни. А когда бросают камни за спину? Когда падают, чтобы осеменить почву и извлечь из нее пропитание для жизни.

И они занялись работой и любовью.

Не все народы называют Девкалиона одинаково, расходятся они и в том, куда он приплыл. Некоторые его называют Серамбусом и уверяют, что он пристал к горе Афон; вавилоняне называют его Парнапишти-мом; шумеры зовут Ксисутросом и высаживают его на горе Арарат; евреям он известен под именем Ной. Но доказательство, что речь идет о нем, и только о нем, состоит в том, что все народы удержали в памяти одну и ту же подробность: ковчег потопа был сделан из акации. Из этого же дерева в Египте делались священные суда, которые хранились в храмах.

У Девкалиона и Пирры было много детей, в том числе и Эллин, предок всех греков. Эти дети быстро размножались, возделывали землю, строили новые города.

Так началась пятая раса, ваша.

Одиннадцатая эпоха
НОВАЯ РАСА,
НОВЫЕ ЛЮБОВНЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ

Вселенское равновесие и понятие единого бога

Что воистину восхитительно во Вселенной, так это не протяженность ее пространств, не многообразие форм, не бесконечность размеров, не сложность систем, не разнообразие сочетаний, не последовательные ряды мутаций; нет, самое восхитительное, чем и вас призываю восхититься, — это равновесие, точнее, вечное и всеобщее стремление к равновесию.

Вам может показаться странным восхваление вселенского равновесия тогда, когда Фазтон сорвался со своей солнечной орбиты, потоп затопил землю и в этом катаклизме погибла четвертая человеческая раса.

Ну так вот, все наоборот, и, по моему разумению, сейчас самое время об этом поговорить.

Что такое равновесие, если не постоянно исправляемое неравновесие?

Да, я считаю восхитительным, что сила земной молнии поражает Фазтона, что испарившиеся воды вновь выпадают на землю, что чрезмерные потоки возвращаются в океан и что остается спасенная пара, чтобы вновь начать человеческий род.

Если даже ваш земной шар уничтожит какая-нибудь катастрофа, не сомневайтесь, что он вновь образуется где-нибудь в другом месте, точно такого же веса, и жизнь, ваша разновидность жизни, вновь появится в другом уголке космоса.

Так вот, дети мои, раз уж мы коснулись этого предмета размышлений, то пора приступить к некоей проблеме, о которой мне необходимо потолковать с вами в том или ином месте моего рассказа.

Понятие свержбога, единственного бога, которое три с половиной тысячелетия, то есть совсем недолго, вбивали вам в голову безумный фараон, жаждавший власти беглый пророк да несколько логиков, опьяненных собственным мозгом (все примеры образцовой паранойи), понятие абсолюта, который вы именуете Незримым (поделом!), Непостижимым (еще бы!), Невыразимым (а то как же!), не может быть ничем иным, кроме как точкой равновесия, вокруг которой все формируется, колеблется, составляется и без которой все бы распалось. Единственный факт, определяемый как полностью универсальный, — это самое острое стрелки на коромысле миллиардов весов.

Однако тут нет ничего, что походило бы на то высшее, деятельное, сознательное, творческое, распределяющее божество, которому вас научили. Все совсем наоборот: Это повсеместное равновесие, это средоточие всего само по себе является небытием, неподвижностью, безучастностью; это не сила, это результат сложения и противоборства всех сил всех богов, их беспрестанно возобновляющееся взаимоуничтожение — вечное и мимолетное.

Понятие единого бога и его подразумеваемое содержание представляют собой самое удивительное искажение, произведенное зеркалами ума пятой человеческой расы. Нужно быть по меньшей мере вдвоем, чтобы что-то создать, и это относится к любому богу, каким бы он ни был. Одиноким владыку, которым вам затуманили взгляд, может быть только отсутствием бога: Если бы он в самом деле был один, вас бы не было.

Безумный фараон хотя бы Солнце принял за исключительного бога. Светило — очевидный центр рав-

новесия для той части мира, которая видима и осязаема для вас. Его ошибка еще сохраняла тонкую связь с истиной.

Но пророк, заплутавший в Синайской пустыне, но логики, заплутавшие в пустыне разума, зашли гораздо дальше. Дойдя до совершенного предела ложной идеи, они поместили, вытолкнули своего единственного бога за пределы мира, вовне. Впрочем, это единственное место, куда можно было его поселить, чтобы он казался неоспоримым, казался свергнувшим нас.

Мы, древние многочисленные боги, были и остаемся с атомами, галактиками и людьми внутри Вселенной, где ничто не свидетельствует о какой-либо ее ограниченности или конечности. Но ваша ложная абстракция не могла занять другого места, нежели отсутствие Вселенной, которое надо постараться вообразить; и вот доказательство: то, что называлось «Хаос», вы вынуждены были назвать «ничто».

С этого момента все становилось возможным, я хочу сказать, любой бред, любые заблуждения, любые злоупотребления, ведь «ничто» уже не уравнивалось, «ничто» уже не было объяснимо или постижимо.

С этого момента знание неизбежно заменяется верой, долг — подчинением, осторожность — страхом, правосудие — властью.

С этого момента расцветают фанатизм и нетерпимость с их богатой жатвой массовых истреблений и боен. А как, в самом деле, могли бы вы принять, не почувствовав, что подвергаетесь угрозе, лишаетесь защиты, обделяете себя, что есть другая догма кроме той, в которую вы верите, другой закон кроме того, которому подчиняетесь, другой культ кроме того, который отправляете? Малейшее различие в представлениях о Непостижимом становится у вас поводом к бесконечной грызне и предлогом к исключению друг друга.

из человеческого стада, будто не у всех у вас одна голова, две руки и две ноги.

Некогда каждый город, каждый народ выделял кого-нибудь из главных богов или же имел своего особого бога — деятельное начало их сообщества. И это, кстати, так же относилось к еврейскому народу, как и ко всем прочим. Однако слышали ли вы когда-нибудь о религиозных войнах в те времена, когда ваши предки почитали разных богов? Завоевательные или оборонительные войны, столкновения из-за власти, богатств или рабочих рук — да; но религиозные войны, непримиримые, исключаящие всякое согласие, — никогда. Они появились, только когда вы завели себе этого непреложного владыку вне реальности. Поскольку вы знаете лишь одного бога, каждая людская общность хочет присвоить его себе, вот вы и истребляете друг друга у подножия алтарей, чтобы доказать его принадлежность, или доказываете, что только вы — его избранные служители...

Также с этого момента вмешательство божества признается только в чуде, то есть в факте, явно противоречащем естественному порядку вещей, а не как было прежде: в регулярных и постоянных проявлениях этого порядка. Но поскольку каждое чудо благодаря науке сыновей Гермеса получает однажды объяснение и, следовательно, *возвращается в порядок вещей*, единственный бог тем самым возвращается к своему отсутствию...

Вполне представляю себе, смертные, что, говоря с вами таким образом, я шокирую, раню или возмущаю многих из вас; а иные принуждают себя усмехаться, делая вид, будто не стоит принимать мои речи всерьез. Но нет, дети мои! Я-то наблюдаю вас из глубины ваших веков, на протяжении всего миллиона лет вашего существования. Однако идея бога-единицы, обосно-

вавшегося вне мира, совсем недавняя, повторяю вам: три тысячи пятьсот лет, не больше. Как же тогда получилось, что это заблуждение приобрело среди вас такой большой успех?

Ну очень просто: потому что оно — отражение вашего собственного желания превосходства и всевластия, потому что все вы — маленькие ахетатоны и мои-сеи, потому что вы сами хотели бы быть единственными и навязывать свою волю целой Вселенной. А поскольку с утра до вечера все доказывает каждому из вас, что он отнюдь не высший и не единственный, вы и породили или восприняли этот образ бога-отца, всемогущего самодержца, чтобы утверждать, будто вы его дети, и убаюкивать себя иллюзией, будто вы на него похожи.

У вас обычно говорят, что человек выдумал богов. Ну уж нет! Он выдумал только одного — этого. Остальных он осознал и отверг, чтобы смастерить себе зеркало своей собственной гордыни. Кара не заставила себя ждать; нам, древним богам, даже не пришлось вмешиваться. Кару вы наложили на себя сами.

О! Как же пагубны были для вас гимны безумного фараона!

«Это ты создал мир, ты один и по воле твоей. Но никто не зрит на тебя, кроме меня, плоти твоей, сына твоего...»

«Бог божественный, сам себя породивший... ты в моем сердце, и никто не знает тебя, кроме сына твоего, царя Ахетатона».

А сколько забот, страданий, несчастий принесли вам невнятные упрощения, непродуманные предписания, грозные запрещения того, кого вы называете Моисеем, то есть «ребенком», но без уточнения, чьим именно, очевидно подразумевая, что он был ребенком, самого Всемогущего!

С тех пор как у вас уже не было в голове другого бога, кроме бога-отца, единственного создателя всего сущего, вы стали чувствовать себя виновными по отношению к нему на тысячу ладов. Всякий раз, думая утвердить и удовлетворить свое призвание к жизни, вы сразу же приписывали ему гневные и запретительные мысли, которые сами питаете по отношению к собственным сыновьям; вы сразу же стали жить, как под вашей властью живут ваши дети: страхась требований и наказаний единственного бога. Вы сочли себя виновными с самого рождения, виновными уже в том, что родились, и осужденными еще до того, как потянулись губами к материнской груди.

Безумный фараон, властолюбивый пророк, вы сами, захотевшие стать высшими существами, сделали из человека ничтожество, носителя первородного греха.

Когда вы умели распознавать во Вселенной присутствие различных начал, вам было к кому обратиться. Если один из нас, богов, разрушал ваш дом, то другой, столь же деятельный, помогал вам отстроить его заново. Отнюдь не один и тот же насылал на вас попеременно процветание и разорение; и вам не приходилось обжаловать ваши невзгоды перед тем же судом, который вас в них и поверг.

Да, в который раз вас унизила собственная гордыня.

Вы хоть отдадите себе отчет, в какое положение поставили себя, заменив нас всех единственным родителем?

Та же рука, что сделала игральные кости, бросает их, считает очки и назначает взыскание. Кому? Костям. А ведь кости — это вы сами.

Ах, дети мои, теперь мой черед сказать вам: это несерьезно! Признайте, в мое время к вам относились лучше.

Чтобы единобожие повсеместно распространилось на обширных континентах, понадобился приход еще одного пророка, который проповедовал любовь, чтобы уравновесить ненависть, прощение обид, чтобы уравновесить нетерпимость, милосердие, чтобы уравновесить несправедливость, надежду, чтобы уравновесить страх. И наконец, утверждая, что является самим богом, он восстановил — отчасти, по крайней мере, — понятие множественности божественного. Относительная уступка вселенскому равновесию в конечном счете.

Но этого человека-бога, этого божественного брата вы изображаете не так, как древних полубогов: в виде совершенного человека, возвыщенного и торжествующего; вы предпочли создать из него образ человека униженного, терзаемого, поруганного, окровавленного, мертвого. Все тот же страх наказания. Когда вы простираетесь перед распятым, вы словно доказываете незримому отцу, что отождествляете себя с его униженным сыном. И через это рассчитываете отворотиться от себя кару.

А в других краях понадобился третий пророк. Он пообещал вам после смерти значительные удовольствия в награду за лишения и раны, полученные в тяжком труде по истреблению себе подобных, которые исповедуют не такую веру, как ваша...

Но, дети мои, заблуждение не обязательно должно длиться вечно; быть может, даже оно подойдет к концу...

А теперь, когда это высказано, чтобы прояснить следующее, вернемся к началу вашей пятой расы и к богам равновесия.

**Немесида и Тихе. Немесида становится Ледой.
Диоскуры. Кастор и Поллукс.
Время Близнецов**

Каждое существо на земле устроено таким образом, что несет в себе слабости, равнозначные своим силам, чтобы получать бремя невзгод, равное доле своей удачи, и испытывать провалы, пропорциональные своим победам. Элементы варьируются в зависимости от человека, но их соотношение, по сути, постоянно.

Если же катастрофы, бедность, рабство, голод, эпидемии, разрушения постигают вас без явного возмещения, значит, они метят не в вас лично, но в семью, класс, город, нацию или вид, к которым вы принадлежите, так как они должны испытать падения, пропорциональные тем взлетам, которые познали или познают.

Два божества назначены следить за этим постоянством, две богини приставлены к коромыслам весов. Они сосредотачивают, или разделяют, или направляют силы других богов, чтобы уравновесить их действие.

Одну из этих богинь зовут Немесидой. Среди вас у нее дурная репутация, и даже в те времена, когда вы еще умели называть богинь по именам, ее имя вы старались не упоминать. Вы придумывали для нее странные обозначения, называя Неумолимой, Божественным мщением, Небесным гневом. Делая это, вы на нее клеветали, поскольку ее истинное имя — Распределение.

Немесиды принадлежит к самому древнему поколению богов, и земное время над ней не властно. Она была здесь задолго до эпохи Урана. По сути, она из среды Судеб, их ставленница и следит за исполнением их повелений, утверждает их порядок. Но не в одиночку. У нее есть напарница; они никогда не разлучаются и не работают друг без друга.

Но, наделив Немесиду двумя десятками зловещих наименований, которых она вовсе не заслуживает, вы не помните имени ее благодетельной напарницы, как и в случае с мойрами.

Напарницу Немесиды зовут Тихе. Думаю, это вам ни о чем не говорит. Неблагодарные!

Ведь именно Тихе распределяет вам радости, успехи, богатства, а также здоровье духа и тела, которое обеспечивает удачное завершение начатого. Развитие ваших дел, осуществление притязаний, нежданное наследство, милость великих, одобрение сограждан, избравших вас на высокий пост, рукоплескания, которые приветствуют ваше творение в театре, — все это дар Тихе; равно как и прославление вашей семьи, слава вашего города, могущество вашей нации. Она Удача, Фортуна.

А! Наконец-то! Вот имя, которое пробуждает в вас хоть какой-то отклик. Но чтобы не обременять себя благодарностью и потому, что любое золото кажется вам дурно распределенным, если попадает не в ваш карман, любой венок кажется сидящим не на том челе, если оно не ваше, вы решили, будто Удача-Фортуна слепа. На самом деле у нее на глазах никогда не было иной повязки, кроме той, которой вы сами ее наделили.

Немесиды жестока не больше, чем Тихе слепа, и вовсе не обладает тем особо пронизывающим взором, что направлен на каждого из вас, как вы склонны ду-

мать. Колесо Тихе крутится отнюдь не бессмысленно или бездумно, петляя по неизвестно какой дороге. И Немесида не преследует вас с особым ожесточением. Тихе делает один оборот своего большого колеса, потом уступает его Немесиде, которая крутит его в обратную сторону.

Приближаясь к вам ровным шагом, они держат предплечья вертикально перед грудью: локоть вниз, кисть образует угол, касаясь пальцами подбородка. Это вовсе не насмешка над вами. Две подруги показывают вам локоть, человеческий локоть, священный локоть — меру, по которой вы строите ваши стены, дворцы и суда; но забываете, потому что у вас-то точно повязка на глазах, строить по ней свои жизни. Заставляют вас придерживаться меры, а если вы сами на это не способны, навязывать ее вам — вот роль Немесиды, когда она крутит назад колесо Тихе.

Человек, на которого сыплется почести, власть, дворцы, считает себя пожизненным их обладателем и предается непомерной гордыне, но вдруг чувствует себя пораженным, опрокинутым, раздавленным Немесидой. Это потому, что он забыл об обратном ходе колеса; потому, что забыл вернуть богам или людям часть полученного.

Финансисты, разорившиеся из-за чрезмерного доверия к собственным спекуляциям, полководцы, слишком надутые своими былыми победами и заточённые историей в застенки предателей; трибуны, ставшие тиранами, чьи тела однажды оказываются выброшенными на свалку; тщеславные кулачные бойцы, которых несчастный случай вдруг сделал калеками; поэты, ослепленные собственными лаврами и забытые еще до смерти, — все в момент падения считают себя жертвами Немесиды, хотя на самом деле они жертвы лишь самих себя.

Крез, ты думаешь, что твои сокровища дадут тебе право властвовать над миром; ты нападешь на Кира и будешь побежден.

Дарий, в своей тиаре из драгоценных камней, окруженный бесчисленными воинами, ты смеешься над Александром, но сам кончишь всеми брошенным беглецом, зарезанным в повозке по дороге в Бактриану.

А ты, Александр, да, ты, сын мой! Ты победишь Дария, заставишь трепетать три континента и воздвигнешь свою статую среди статуй олимпийских богов; но, посчитав себя сильнее пустыни, увидишь гибель своей армии в раскаленных песках Гедросии и умрешь в Вавилоне, сраженный лихорадкой, от которой какой-нибудь простой пастух наверняка бы излечился.

Нерон, ты хотел познать предел своего всевластия, приказывая тем, кто тебе не люб, уйти из жизни; ты тоже будешь вынужден убить себя и познаешь больше страха смерти, чем все принужденные тобой к самоубийству, вместе взятые.

Немесида была в начале вашего мира, будет и в конце. Она была рядом с Ураном, когда он создавал живые существа, указывая своей согнутой рукой меру, подходящую каждому. Это она определила для отдельно взятого вида его крайние размеры; рассчитала размах крыльев птицы, необходимый, чтобы удержать ее массу в воздухе; вычислила отношение веса дикой кошки к силе ее прыжка; указала ваш наилучший рост для наилучшего исполнения человеческих трудов.

Если какой-нибудь человек желает сделать добро себе подобным, он что-то создает в меру своих способностей и согласно роду своей деятельности: лекарство, дорогу, орудие, поэму. Если то же самое хочет сделать бог, он создает богов.

Когда мне пришлось снова взяться за творения Урана, я вспомнил о нарушениях меры и равновесия, в которых погрязла ваша четвертая раса, и решил добиться от Немесиды, чтобы она породила со мной богов, необходимых для вашего оздоровления. Но стоило мне приблизиться к ней, как она убегала, словно опасаясь принуждения с моей стороны.

На самом же деле она хотела подвергнуть меня испытанию, определить и мою меру тоже, напомнить, что творение становится способным к существованию и на что-то годным только в итоге долгого эволюционного усилия, когда оно — кульминация цикла воплощений, пройденных творцом. Надо пережить различные состояния и совершить своего рода внутреннее кругосветное путешествие, чтобы удалось добавить миру новую «породу».

Немесида была быстрой, а также ловкой. На моих глазах она превращается в карпа и исчезает в воде; я превращаюсь в щуку и догоняю ее. Она выпрыгивает на берег и, обернувшись зайчихой, мчится через поля; я превращаюсь в зайца и пускаюсь вдогонку. Тогда она исчезает меж двух камней и выскальзывает ужом; я становлюсь медяницей и не отстаю. Юркнув в ближайшее озеро, она взлетает с него уже дикой гусыней; я взмываю следом, обернувшись лебедем. Мы кружимся в небе; я лечу быстрее, и вскоре мои белые крылья накрывают ее серые; она рвется к воде, но и там не может от меня ускользнуть. И вот, когда я уже приступил к творению, она совершает меж моих крыльев, наполовину в воде, наполовину на земле, свое последнее превращение. Я, слишком занятый делом, остаюсь лебедем. И вдруг своим птичьим глазом, то есть довольно выпукло, замечаю на лазури неба великолепный трагический профиль с полуоткрытыми устами, а мой клюв ласкает длинные черные волосы, рассыпавшиеся по песку...

«Леда» или «Лада» на языке моего родного острова, то есть на критском, означает «женщина».

Этого достаточно, чтобы определить берег нашей любви. Таким образом, Немесида, превратившаяся в Леду, и была той женщиной, что снесла яйцо, из которого вылупились два совершенно одинаковых и неразлучных брата: Близнецы.

Кастор и Поллукс — таковы их имена. Их называют также Диоскурами, то есть Зевсовыми отроками. Они — боги физического и духовного равновесия, разумного предприятия, силы, употребленной в меру. Кастор — ловкий стрелок из лука, Поллукс — хороший борец; оба равной и поразительной красоты: они учат вас иметь бодрое и готовое к защите тело. Они приспособляются как к хорошим, так и к дурным условиям жизни, и если слабеет один, его замещает другой. Они отнюдь не блещут славой Аполлона или репутацией Гермеса, но знамениты своей нерушимой любовью друг к другу. В противоположность всему тому, что вас раздражает или обособляет, они — деятельное воплощение братства, того изначального достоинства, без которого ни одно ваше свершение не было бы возможным.

Родившись людьми, Диоскуры должны были иметь смертную судьбу. Однажды в бою Кастор был убит раньше, чем я успел вмешаться; я смог спасти только Поллукса, вознеся его на небо. Но Поллукс отказался от бессмертия, если брат будет лишен этого. Тогда мне пришлось принять решение: один день из двух Поллукс заменяет Кастора в Преисподней, пока Кастор пребывает среди богов. Странное решение, скажете вы, — обречь на вечную разлуку двух неразлучных! Но нет; Кастор и Поллукс счастливы, когда встречаются на полпути между небом и подземным царством, видят друг друга, могут поговорить; они счастливы да-

же испытывать по очереди братнюю участь. Именно в этом и проявляется настоящее братство, даже больше, чем в потребности постоянного присутствия. И, забавляясь на этих качелях, которые то возносят их к вершинам мира, то низвергают в его глубины, они вполне доказывают, что являются детьми Немесиды.

Встречаясь на полпути между Олимпом и Аидом, Близнецы могут участвовать и в ваших авантюрах. При этом они вовсе не пытаются стать вождями, но вожди без них — ничто. Они поплыли вместе с аргонавтами, и благодаря именно их поддержке Ясон добыл золотое руно.

Эра, в течение которой Близнецы были особенно деятельны, потому что вы в них больше всего нуждались, последовала сразу после потопа. На самом деле это они руководили первыми, еще дрожащими шагами вашей пятой расы, между шестью и восемью тысячами лет назад; эта эра так и называется — эрой Близнецов.

Все, что от Малой Азии до Сицилии зовется Дидимас, Дидимум или Дидима, будь то селение или оракул, несет в себе идею Близнецов и связано с памятью и почитанием пары моих мальчуганов.

Пятая раса

О потоп! Когда я вновь думаю и говорю о нем, мне кажется, что это было вчера. И в самом деле, даже если считать по человеческим меркам, потоп был вчера.

Всего двести сорок поколений отделяют вас от него, и каждую ночь до вас доходит свет звезд, которые погасли задолго до Великого половодья.

Вскоре потомки Девкалиона (или Ноя, или Парапиштира, называйте его, как вам угодно) обильно размножились, снова образовали народы, обзавелись орудиями, общественным устройством, стремлениями. И памятью... Именно в передаче воспоминаний оказалось больше всего потерь, гораздо больше, чем в передаче навыков и умений.

Представьте себе на мгновение, что после какой-нибудь гигантской катастрофы из вашего вида вы с другой единственные уцелели на всем континенте и что вам предстоит не только выжить и обустроиться, но и преподать детям все знания и всю историю погибшего человечества и словом и делом. Как бы вы за это взялись? Какое количество навсегда утраченных вещей вы не смогли бы ни объяснить, ни показать? И разве ваш отрывочный рассказ не принял бы невероятный и сказочный характер?

Когда Девкалион стал очень старым, а его сыновья — очень многочисленными, у него появилось вре-

мя говорить, говорить, говорить, чтобы оставить своему потомству наиболее полное наследство. Он рассказал все, что знал, о богах, о происхождении мира, о предыдущих расах, особо настаивая на священном характере отношений человека с великими божественными силами. Его сыновья поступили так же по отношению к своим собственным сыновьям. А женщины в свой черед передавали воспоминания Пирры: «Моя бабушка мне рассказывала, а она это слышала от своей бабушки...»

Для всей деревни велись рассказы вокруг очага, после вечерней трапезы, на вымощенной круглыми камнями площадке перед царским домом. И тот, кто помнил больше и рассказывал лучше, говорил дольше остальных. Некоторые люди ходили даже от деревни к деревне, нося в себе память мира.

Но в течение дня дел было много; факелы чадили (если вообще имелись), и временами слушатели начинали клевать носом, теряли нить повествования или же понимали его по-своему, ведь кто-то был влюблен, у кого-то град побил урожай, у кого-то украли кувшин. Так что они немного смешивали или бессознательно изменяли разные истории, когда наступал их черед пересказывать.

К тому же были еще сокровенные знания, которые должны были передаваться только от жреца к жрецу и от царя к царю... а мой сын Гермес еще не дал вам письменность...

Это и объясняет, почему великая эпопея первых веков дошла до вас в различных версиях, где боги называются по-разному, последовательность событий нечеткая, их выбор колеблется.

Пятая раса была подобна маленькому ребенку, который больше занят своим питанием и ростом, нежели упорядочением прошлого семьи или запоминанием первых годов своей жизни.

Вы ведь знаете, что жизнь — в зерне; это также ваше наследство. Но сколько нужно всего сделать, чтобы добыть это богатство! Необходимо посеять и сжать, обмолотить на гумне, а для помола сделать жернова и построить мельницу.

Надо было заново научиться откалывать и шлифовать камень, прикреплять наконечники к стрелам, дубить кожи, пряхть шерсть, делать отверстия в кости...

Повсюду вы месили илистую глину, оставленную потоком, чтобы делать из нее кирпичи для ваших жилищ, посуду для вашего стола, амфоры для ваших запасов. Повсюду, где росли оливы, вы давили их плоды, извлекая из них жирное, душистое масло.

Любуясь цветами, вы хотели воспроизвести их оттенки; и тогда, используя сок некоторых растений, выделения животных и растертые в порошок минералы, вы начали делать краски, которые служили не только украшением, но и защитным покрытием ваших изделий.

А вскоре вы начали плавить медь, золото и серебро.

Все это произошло очень быстро. Хватило всего нескольких веков. Стоит человеку заполучить самый кончик какого-нибудь секрета, как он тут же пускает его в оборот с помощью мыслей, на которые наталкивает необходимость или внушение богов, и уже не останавливается. Каждый год, каждый месяц приносили какое-нибудь новое завоевание, усовершенствование или открытие. За одну только эру все было подготовлено для победоносного будущего.

Вы спустили на воду ящики, гораздо более управляемые, чем тот, что спас ваше семя. Влекомые ветром и желанием познавать, вы поплыли от берега к берегу: увозили зерно, привозили выделанные шкуры; увозили ткани, гончарные изделия, привозили олово; увозили сказания, привозили драгоценности. И в каждом

селении, под каким бы именем ни почитали там богов, вы узнавали в них своих собственных благодаря описанию и непременно заходили в храм или обращались за советом к оракулу.

Я радовался, видя, что вы так деятельны, изобретательны, предприимчивы; что придумываете каждый день какое-нибудь новое применение для доступных вам средств, что вы набожны, не чрезмерно, но твердо. Вы понимали, что мир для вас окружен границей непостижимого, но при этом были внимательны к велениям Судеб. Вы, конечно, были также немного ворами, немного преступниками и охотно дрались при случае, но лишь по естественной склонности к соперничеству, которая оживляет собою все. Близнецы задали неплохой темп вашему развитию.

— Ну что же, — говорил я олимпийским богам, — мы можем быть довольны этой пятой расой: она быстро продвигается в том направлении, на которое мы рассчитывали. Мы с пользой потрудились для ее развития. Поможем же ей еще больше приблизиться к нам. Чтобы она смогла состояться, ей нужны герои, ей нужны гении. Однако что такое гений, если не человек, в котором проявляется и доказывает свои возможности бог? Ну же, сыны мои, обойдемся без предрассудков! Нет никакого неравенства в браке между этой расой и нами. Соединяйтесь со смертными женщинами, чтобы получить от них плоды, которые станут людской славой и зримым воплощением богов.

— Это же Прометеев род, — заметила моя кузина Осторожность.

— Ну да, — согласился я, — знаю. Однако не все плохо в Прометее; его потомство это доказывает. Ну же! Дадим людям выдающихся людей.

Так мой брат Посейдон неоднократно посетил землю, всякий раз немного вздрагивавшую при этом, и

посеял у прибрежных народов немало удалых, охочих до подвигов государей-мореплавателей, из которых самым известным стал Тесей, победитель Минотавра и объединитель Афин. Там, где были рудники и залежи минералов, Гефест зачал искусных литейщиков, изобретателей сплавов, сотворивших металлы, не существовавшие ранее в природе; их создание принадлежит исключительно человеку. Знаменитый Дедал был одним из потомков Гефеста. Арес — мог ли я помещать ему, поощряя его братьев? Да к тому же города нуждались в защитниках! Арес породил ужасных воителей и полководцев. Аполлон дал жизнь поэтам, певцам ваших славных свершений и драм, а Гермес произвел себя в жрецах и мудрецах, сведущих в науке и откровении, и во всех тех полубожественных людях, которые стали зодчими ваших обществ.

А я в свой черед намеревался дать вам великих царей.

Ниоба. Рождение Аргоса. Додонский оракул

Ниоба, дорогая Ниоба, ты была моей первой смертной. О нашей любви мало говорили, потому что она обошлась без криков, без шума и драм. В длинном ряду моих любовниц ты имеешь право лишь на скромное место, ты — просто имя, которое мои историки упоминают мимоходом, если вообще снисходят до упоминания о нем. Но я, как я могу забыть его? Ты ведь научила меня чувствовать в любви то, что чувствуют в ней люди. Я с удовлетворением узнал, что их наслаждение равно наслаждению богов. Благодарю, дорогая Ниоба, за это воспоминание.

Ты была сестрой одного эфирского царя. Твой брат построил мне храм среди дубов Додоны. Я охотно спускался туда; его пропорции были правильными, простыми и красивыми, тень — прохладной, стены были пропитаны фимиамом.

А ты часто приходила прясть свою пряжу под развесистыми дубами, которые солнце пронизывает золотом. Смотрела на врата храма, которые открываются только для жрецов; смотрела на небо, которое открывается только для богов. У тебя были тяжелые темные волосы, а щеки словно из слоновой кости. Порой ты вздыхала: ты ждала любви. Я неоднократно наблюдал за тобой. Однажды я принял человеческий облик, открыл изнутри дверь моего храма и приблизился к тебе. Тогда я и узнал, какой звук издает человеческое серд-

це, когда желание ускоряет его ритм. Но твое, не правда ли, билось еще сильнее? Я шепнул тебе на ушко, что ты красива; а ты меня спросила, что за свечение виднеется вокруг моей головы, и добавила, что тако-го ты не видела ни у одного из смертных. Я ответил, что это ореол моей любви.

Я тебе благодарен, Ниоба, за то, что ты не задала мне других вопросов и, когда я сказал, что желаю тебя, ничуть не поинтересовалась, каким добром я владею, чем занимается моя семья, откуда я и куда направляюсь; благодарен за то, что не допытывалась, буду ли я любить тебя вечно. Проходящим мимо богам вопросов не задают.

Я взял тебя за руку и умилился, чувствуя, как она трепещет в моей руке, словно птица, нашедшая свое гнездо. Мы пошли в самую гущу дубов, и там, на ложе из мха, одарили друг друга тем, что есть лучшего в мире. Листва была густа. Гера ничего не узнала. Не узнала, что, обняв тебя в этом сладком оцепенении, которое следует за наслаждением, я думал, чувствуя легкую тяжесть твоей головы на моем плече и мягкость твоего живота под моей ладонью: «Почему бы не остаться здесь навсегда и не передать заботы о мире любому, кто пожелает? Роща, маленький храм, маленькая пряха с нежным взглядом...» По таким вот мечтам и узнается человек.

Ниоба, дорогая Ниоба, ты не была, конечно, единственной девушкой-подростком, которая ждала любви, как ждут бога. Но ты была одной из тех редких, кто узнал бога, когда он явился, и из тех еще более редких, которые не стонут, не цепляются, не рыдают, не проклинают и не угрожают вскрыть себе вены, когда от них уходишь.

Ты вернулась во дворец своего брата — безмятежная, расцветшая — и произнесла со столь великим и счастливым спокойствием: «Я ношу в себе сына бо-

га», что никто и не подумал сомневаться в твоих словах. Ты несла людям дитя любви.

У твоего брата не было сыновей; он сделал своим наследником нашего ребенка, названного Аргосом, то есть «лучезарным». Аргос оправдал свое имя: от всего его существа и духа исходило некое сияние, смелый и державный свет, вполне доказывающий, от какого отца он произошел.

Он основал город Аргос в Эпире, на берегу моря. Его род, многочисленный и воспроизводивший его достоинства, частично переселился на Пелопоннес, где основал второй Аргос, столицу Арголиды — царства, просиявшего среди всех греческих царств. А дубовая роща, где я любил Ниобу, стала местом оракула.

Из всех стихий воздух — моя собственная стихия, средоточие моего царства; ветерок возвещает мой приход. А дуб — мое дерево из всех прочих. Жрицы Додоны, праправнучки Ниобы, научились улавливать в трепете листвы мой приход и мое присутствие. Они развесили на ветвях большие бронзовые тазы, и в звоне этих тазов, когда ветер сталкивал их между собой, они слышали мои ответы на людские вопросы. Олимпия, эпирская царевна, мать моего сына Александра, была служительницей этого культа. Жрицы Додоны также узнавали мой голос в ворковании влюбленных диких голубей. А жрецы Додоны раз в году золотым серпом срезали росшую на моих дубах омелу, чтобы собрать с нее ягоды — принесенное ветром белое семя.

Но где мои бывшие жрицы? Где мои утраченные возлюбленные? От моего храма остались только плиты, и моей священной роще вы позволили захиреть. Остался только театр, где иногда летними ночами голоса ваших древних поэтов возносятся к верхним рядам амфитеатра, к краям звездного неба. В такие ночи боги еще говорят в Додоне.

Ио. Гнев Геры.

Гермес обманывает бдительного Аргуса.

Скитания и роды Ио

Возможность соединиться с собственным потомством до бесконечности — привилегия бессмертных. В этом, сыны мои, я согласен с вами, тут вы и в самом деле можете завидовать нам. Быть может, свою самую прекрасную любовь вы бы poznали со своей правнучатой племянницей!

Ио, дочь Инаха, происходила от Ниобы в четвертом-пятом поколении. Она была жрицей Геры во втором Аргосе, и, шествуя во главе процессий, вдыхая фимиам, окутывавший ее шаги, видя людей только простертыми ниц, она была недалеко от того, чтобы и саму себя принять за божество. Высшее жречество легко впадает в этот бред.

Связанная с лунным культом, Ио долгими ночными часами глядела в звездное небо и воображала себе блаженства, которые в эти часы должна была познавать Гера в моих объятиях. Я верно сказал: «воображала»; так как, будь милая девочка лучше осведомлена, она бы знала, что наши супружеские объятия становились все реже и обычно ровное дыхание моего сна убаюкивало бессонницу моей супруги.

Но вскоре Ио стало недостаточно только воображаемых образов. Она ведь была жрицей Геры, то есть ее земной представительницей, то есть самой Герой. А раз так, не должна ли она удостоиться моего посе-

щения и моего натиска? Ио размышляла об этом так настойчиво, что у нее начались видения. Однажды она с великой священной уверенностью объявила своему отцу, что некий сон повелел ей отправиться на Лернейское озеро и там отдаться моим объятиям.

Царь Инах воспринял это всерьез и послал гонцов к Дельфийскому и Додонскому оракулам. Не стрит легкомысленно относиться к галлюцинациям девственников. И пифия с высоты своего треножника, и бронзовые газы на дубах посоветовали царю Инаху не препятствовать дочери, если он не хочет подвергнуть себя риску быть испепеленным молнией вместе со всеми чадами и домочадцами. Благоразумное проричание, ведь Ио, обуреваемая темпераментом, скрытым под статью жрицы, вполне могла бы, если бы ей стали перечить, так хватить через край, что поставила бы под угрозу устойчивость Аргосского царства.

Итак, Ио прибыла на берега Лернейского озера, очень маленького, скорее болотца, имевшего дурную репутацию, поскольку все знали, что со времен потопы там прячется гидра, порожденная Тифоном. Ио не подходила к воде слишком близко. Ее сопровождала Инкс, дочь нимфы Эхо. Девственницы вроде Ио всегда имеют потребность в наперсницах, которые восхищаются их бреднями и становятся пособницами их любви.

И вот Ио и Инкс принялись кричать:

— Зевс! Зевс! Ио ждет тебя, Ио готова! Царь богов и людей, Ио ждет тебя!

Инкс достался от матери дар отражать голос до бесконечности. Я услышал, что какая-то смертная зовет меня — к такого рода призывам я никогда не был глух. Но Гера тоже слышала.

Притворившись, будто у меня какое-то срочное дело в Арголиде, я направился к Лерне. Я счел себя лов-

ким, покрыв всю страну огромной черной тучей, и приблизился к Ио.

Она была маленькой и пылкой, с очень смуглой кожей и курчавыми волосами. Я ее скорее слышал, чем видел, поскольку Ио без умолку болтала, задавала вопросы и сама же на них отвечала. Она не была уверена в своем торжестве и, казалось, испытывала некоторое разочарование, видя меня в человеческом обличье. Хотя я постарался предстать весьма красивым мужчиной! Но в таком виде я вполне мог бы оказаться зажиточным волопасом или путешествующим царем. Ио хотела, чтобы я принял свой божественный облик.

— Если бы я предстал перед тобой как бог, дорогая Ио, ты не смогла бы меня увидеть, точнее, ты не смогла бы выдержать моего вида.

Но нет; ее воображение жаждало иного, жаждало большего. В отличие от Ниобы, Ио не смогла узнать свою мечту, когда та оказалась перед ней.

Я немного поторопил ее с исполнением того, что было целью нашей встречи, поскольку не мог, как я объяснил ей, удерживать до бесконечности эту огромную тучу над страной, где их видят редко. Она была слишком поглощена собой, тем, что ожидала почувствовать («Молния, — призналась она потом, — я ожидала, что меня пронзит молния!»), и была несколько разочарована моими человеческими объятиями, как и моим человеческим обликом. Со своей стороны должен признаться, что и в самом деле был не слишком усерден, так как слышал над тучей шум и топот, которые меня заботили, и торопился больше, чем следовало.

Едва я высвободился из объятий Ио, как с неба донесся голос Геры:

— Он под этой тучей, изменник! Обманщик! Боги и смертные, будьте свидетелями! Да еще с одной из

моих жриц, я знаю, с одной из моих служанок, чтобы еще больше надо мной поглумиться! Я не потерплю подобного унижения! Отомщу этой предательнице за ее святотатство!

Гера металась туда-сюда по туче как мегера; воздух был совсем взбаламучен ее воплями. Я понял опасность; грозившую бедняжке Ио, решил ее спасти и превратил в белую телку.

— На время, — шепнул я ей.

Потом рассеял тучу.

— Признайся, распутник, признайся в своем преступлении! Признайся, что ты только что осрамил меня с этой тварью! — задыхаясь, кричала Гера, свесив с небесного балкона тяжелую грудь и обвиняющий палец.

Я напустил на себя вид оскорбленной невинности.

— С какой тварью?

— Поклянись Стиксом, если осмелишься!

— Я вижу тут только мирную телку и вполне могу тебе поклясться, что ни с какой телкой любовью не занимался.

И я велел Гере прекратить вопли, которые безобразили ее и выставляли нас на посмешище перед всеми смертными.

Гера снизила тон.

— Ладно, я могла ошибиться, — произнесла она. — Но соблаговоли увидеть в этом, дорогой муженек, лишь доказательство моей любви к тебе. А эта телка и впрямь хороша. Ладно, раз ты уверяешь, что она для тебя ничего не значит, ты ведь согласишься, чтобы ее посвятили мне? После Египта, сам знаешь, белая корова — мое животное...

Я счел за лучшее согласиться. Тем не менее сделал оговорку, что телка не должна быть принесена в жертву. Так Ио снова была приобщена к культу Геры, но уже в коровьем обличье, а не в женском. Я думал, что

мне будет легко ее освободить и вернуть ей первоначальный вид. Но не учел коварства Геры.

Она велела привязать Ио к ограде священной оливковой рощи, примыкавшей к одному из ее храмов, совсем неподалеку от Лерны, в Немее. И потребовала к тому же, чтобы телку днем и ночью сторожил некий Аргус, слава которого добралась и до нас.

Этот Аргус, как и сама Ио, принадлежал к потомству Аргоса великого, моего сына, которого родила Ниоба; не надо их путать.

Известный как грозный воин, несколько ограниченный, но весьма точный в исполнении приказов, Аргус избавил Аркадию от бешеного быка, который наводил ужас на население, очистил страну от различных разбойников, сделавших дороги безопасными. Вам рассказывали, что он был стоглазым, и даже когда спал, полсотни его глаз оставались открытыми. Под этим следует понимать, что он был сотником, то есть располагал отрядом в сто воинов, половина из которых несла караул, а другая половина отсыпалась. Бравый вояка был неподкупен и всю свою гордость вкладывал в исполнение приказа. У меня не было никакой надежды ни подкупить его, ни смягчить, ни даже втолковать ему, что я по рангу выше аргосского царя, которому он подчинялся.

Тогда я призвал моего дорогого Гермеса и сказал ему:

— Аргус украшает род человеческий скорее своей телесной крепостью, нежели умом. Сделай все, что сможешь, полагаюсь на тебя.

И вот в Немейской оливковой роще обосновался зеленый дятел. Головка в красной шапочке, крылья цвета листвы, клоч, долбящий по коре, — кто бы узнал в нем Гермеса? В таком обличье он мог обследовать место, наблюдать за Аргусом и его стражами.

Упорхнув, Гермес снова вернулся, но на сей раз в обличье пастуха и стал играть на флейте. Он играл, играл, играл, и звуки его флейты были такими ловкими, такими бойкими, а ритм — таким веселым, что Аргус и его воинство, заслушавшись, пропустили две очереди сна. Когда Гермес увидел, что они начали бороться с усталостью, что их веки закрываются, он предложил им рассказать историю. Эту историю, которая повествовала о любви нимфы и сатира, Гермес сделал такой длинной, такой сложной, такой запутанной, с таким множеством возвратов и отступлений, рассказывал ее так монотонно, что вскоре слушатели, побежденные скукой, забылись глубоким сном, одни сидя, другие — прислонившись к дереву или опершись лбом о древко копья. Гермес тотчас же отвязал Ио и был таков.

Вам еще говорили, что Гермес убил Аргуса; это клевета. Победить не значит убить. Это Аргус, внезапно проснувшись и увидев своих храпящих вояк, пришел в такое отчаянное бешенство, что перерезал им всем глотки, а потом обратил свой клинок против себя самого, не осмеливаясь показаться начальству, задание которого провалил.

Гера с досады вырвала глаза у провинившихся мертвецов и прикрепила их на хвост своего павлина, чтобы они уже никогда не могли закрываться. А ее ненависть к Ио только возросла.

Ладно, телка свободна, но она еще пожалеет о своей свободе. Раньше, чем я успел вмешаться, Гера наслала на нее свое насекомое, овода, с приказом не давать покоя сопернице и беспрестанно жалить ее под хвост. Моя несчастная любовница одним духом домчалась из Арголиды в Эпир в надежде найти убежище под дубами Додоны, где я некогда познал ее прародительницу. Но овод не отставал. Чтобы избавиться от его

преследования и унять ужасный зуд, который причиняли ей укусы, Ио копытами вперед бросилась с утеса в море, которое с тех пор зовется Ионическим.

Неудовлетворенные любовницы часто бывают великими любительницами поплавать: они ищут в воде успокоения. Ио поплыла на север и вышла на иллирийском берегу, но овод по-прежнему гудел и вился вокруг ее крупа. Она снова пустилась галопом через равнины и горы, заламывая шею и пытаясь дотянуться до хвоста. Затем бросилась в Дунай, доплыла до Черного моря, побежала по берегу и снова бросилась в волны, чтобы перебраться на азиатскую сторону. Пролив, который она пересекла, до сих пор хранит память о ней, ведь «Босфор» значит «коровья переправа».

Ио стремглав проскакала через Малую Азию. Двигаясь вдоль Кавказа, она заметила Прометея. Они обменялись на миг отчаянными, горестными взглядами: прикованный узник и беглянка, оба терзаемые тварями, олицетворяющими их несчастья: у нее — желание, у него — гордыню.

На самом деле они были созданы друг для друга, но ничего не могли друг другу дать.

Безжалостный овод не оставил Ио времени даже растрогаться и помечтать. Земля Мидии, потом земля Бактрианы летела под ее копытами; но даже многоводный Инд был бессилен унять ее боль.

Оставался всего один речной бог, в чьи воды Ио еще не окунулась. Сквозь раскаленные пустыни она вернулась из Индии и направилась в Египет. Скакать она уже не могла, сил хватало только на трусцу. Она тяжело дышала, но позади по-прежнему явнил овод. Ио рухнула на колени у нильских вод, измученная, дрожа боками и высунув язык. Бедняжка так отошала, что прохожие думали, будто она вот-вот умрет. Вдруг

она подняла голову к небесам и душераздирающе замычала:

— Зевс! Зевс! Когда же ты освободишь меня? Когда вернешь мне женский облик?

— Ага! Вот она и призналась! — вскричала Гера торжествующе.

Тогда я гнѣвно прогремел:

— Ну да, она призналась! А я был слишком малодушен, чтобы признаться первым. Но не ты ли сама напороочила после битвы с гигантами, не ты ли изрекла, что боги должны соединяться со смертными?

— Я не помню.

— А я помню! И ты должна считать себя польщенной, что я выбрал одну из твоих жриц. Что до меня, то мне надоели твои жестокости. Ты подчинишься мне и отзовешь своего слепня!

— Никогда!

Нашу ссору на Олимпе помнят. Получив столь прямой отпор, я уже не мог сдерживать свою ярость.

— Раз ты сама меня к этому вынуждаешь, я тебя накажу... Гефест! Принеси-ка мне канат, крюк и наковальню!

Я связал Геру, подвесил ее за волосы к небу, а к ногам прицепил наковальню.

— Так и будешь висеть до...

Я вполне серьезно решил держать ее в этом положении до скончания времен. Но тут взмолились мои дети. Вопли Геры исторгли у них слезы. Гефест требовал назад свою наковальню. Мой гнев поутих, и я позволил себе смягчиться.

— Так ты отзовешь своего гнусного слепня?

— Да!

— Перестанешь изводить Ио?

— Да!

— Не будешь пытаться отомстить Гермесу?

— Нет!

Овод был отозван, Гера отвязана, к Ио вернулся ее первоначальный вид. Я выдал ее замуж за одного порядочного смертного, вдового и не слишком блестящего царька по имени Телегон. Он уже давно миновал свою юность и не был исключительным ни в чем, кроме прямого и превосходства своей души. Это был, конечно, не такой супруг, какого Ио себе желала, но приходилось поторапливаться, поскольку почти сразу же она родила на берегах Нила нашего сына Эпафа, которого Телегон воспитал с такой же заботой, как если бы он был его собственным.

Эпаф стал великолепным и могучим царем. Он женился на прекрасной Мемфис, дочери бога Нила, и царил над всем Египтом. После его смерти подвластные народы стали чтить его в обличье божественного быка, Аписа.

Мемфис родила Эпафу дочь Ливию, а та впоследствии родила двоих мальчиков. За первым, Белом, остался Египет, а второй, Агенор, отправился странствовать и основал царство на побережье Сирии.

Третьей из моих смертных любовниц была дочь Агенора.

Народ Ханаана. Европа и Бык. Похищение

Будучи правителем предприимчивым, честолюбивым, уважаемым, Агенор, называемый также Агнор, или Кнас, или еще Ханаан, быстро сделал свой народ одним из самых процветающих в мире. Землю Ханаана узнавали уже по одному только ее запаху, поскольку густые и хорошо возделанные апельсиновые рощи наполняли благоуханием прибрежный воздух.

У народа Ханаана, столь же ловкого в торговле, сколь и в земледелии, было немало отважных мореплавателей. Его ремесленники обнаружили, что песок, расплавляясь от жара печей, превращается в тягучее вещество, которое можно окрашивать и которое, остывнув, становится хрупким и пропускает свет. Украшения, кубки, переливчатые вазы — стекло во всех его видах и для всякого употребления скоро должно было завоевать рынки.

В этом самом царстве Ханаана жрецы и птицегадатели воздвигли ряды посвященных небесным божествам обелисков, которые служили для определения часов дня, для счета месяцев и лет, для измерения передвижений небесных тел. Наконец, именно там стали погребать мертвых не с прижатыми к груди коленями, но вытянутыми и класть их в каменные саркофаги. Теперь мертвые отправлялись в Преисподнюю не в позе зародыша, не как бессознательные и слепые младенцы, возвращаемые во чрево Великой

праматери, а вытянувшись во весь свой рост, как подбирает настоящим людям или богам.

Женщины в том краю были красивы. Для расчесывания волос и сооружения причесок у них имелись костяные гребни, а также маленькие ложечки, чтобы чистить ногти. Они выщипывали брови, если те были слишком густыми, пользовались притираниями и мазями, и их платья были затканы рисунками приятных для глаз цветов.

Агенор, или Кнас, или Ханаан, имел пятерых сыновей и одну единственную дочь, Европу. Я скоро заметил ее. Она была резвой, яркой, светлокожей, лучилась здоровьем; ее блестящий и горячий взор выражал надежду, а крепкое сложение не портило изящества. Она ходила так, как другие танцуют. Видеть, как она обнажается на пляжах с мелким песком и, распустив волосы, бросается в волну, было отрадой; видеть, как она впивается зубками в апельсин, было наградой — для богов, чьими стараниями растут плоды. Прекраснобедрая, гладкобедрая Европа была смела и даже отважна. Я заметил, что она любила подходить к стадам и крутиться около быков...

Не сегодня началось, дети мои, что бык вас притягивает и даже завораживает. В его обманчивом благодушии таится угроза, его взгляд — загадка. Бык позволяет приблизиться, но потом отстраняется; он пасется на ваших лугах, но полностью вам не принадлежит. Укротить быка всегда было вашей мечтой, но он так и остался неукротенным. Вы сумели стать хозяевами самых тяжеловесных животных, слонов например, или самых жестоких, как лев или тигр; вы можете их дрессировать, показывать на ярмарках, заставлять их кружиться, сидеть или прыгать сквозь огненный обруч. Вы можете добиться от медведя, чтобы он танцевал, от тюленя — чтобы он играл с вами в мяч; можете заставить птицу петь, змею — раскачиваться в такт,

можете даже научить блох тянуть крошечную повозку. С быком же вы не можете поделаться ничем. Ничего иного, кроме как оскопить его, пока он еще теленок, чтобы надеть на него ярмо; но тогда это уже не бык. Он восхищает вас именно потому, что у вас нет над ним власти, и единственный подвиг, который вы можете с ним совершить, — это увернуться от его внезапной и яростной атаки, и тогда уж он сам заставит вас поплясать! Это животное олицетворяет собой тайну мира и его первобытные силы.

Итак, красавица Европа, дочь Ханаана, крутилась около быков. Однако как-то раз, придя на взморье Сидона, чтобы полюбоваться теми, которыми владел ее отец, она обнаружила одного лишнего.

Его невозможно было не заметить. Я выходил из моря медленно, грузно; у меня была совершенно белая, просто сверкающая белизной шкура, за исключением маленького рыжевато-коричневого кустика посреди лба, между рогами — рога я выбрал себе короткие, в виде полумесяца, и гладкие, словно из алебаstra. Своей массивной статью я превосходил остальное стадо, могучая грудь еле помещалась между короткими ногами с полированными копытами.

Временами я выпускал хриплый рев, потом бросался в атаку, вздымая песок перед ноздрями, просто чтобы показать свою силу и придать больше гордости тому, кто решит, что задобрил меня.

Я помчался на Европу, та кинулась прочь со всех ног, потом вернулась, поскольку я остановился, и обошла меня кругом, любясь с безопасного расстояния. Мы посмотрели друг на друга — и я лег. Она приблизилась — я вскочил. Она снова отбежала — я притворился, будто иду пастись. Она вернулась — я повернул к ней голову и остался недвижим. Мы долго смотрели друг на друга. Наконец она позвала меня:

— Бык, бычок, белый красавец!

Я сделал шаг, второй, очень медленно. Она, держа корзинку в руках и не переставая за мной следить, начала рвать цветы; мне тоже бросила издали два-три цветка. Я сжевал их, потом опять посмотрел на нее и приблизился на несколько шагов.

— Бык, бычок, белый красавец... ты самый красивый из всех быков, каких я когда-либо видела... Ты царь всех быков, и я сделаю тебе венец!

У нее был верный глаз, у этой малышки. Она ушла в сады и вновь появилась, неся полную корзинку жасмина и апельсиновых цветов, которые ловко сплела между собой; наконец быстро приблизилась, готовая увернуться, и набросила мне на голову сплетенный венок. Тот криво увенчал меня, повиснув на одном из рогов. Эта гирлянда мне мешала. Я тряхнул головой и вынул язык, пытаясь до нее дотянуться.

— Нет-нет, красавчик бык! Не ешь свою корону!

И она снова бросила передо мной цветы. Я их съел, медленно опустил на колени, потом лег.

Европа протянула мне длинную ветвь в цветку, которую я, не вставая, тихонько взял губами. И тогда Европа, по-прежнему подкармливая меня цветами, расхрабрилась настолько, что коснулась острия одного из моих рогов, погладила мне лоб и тот самый маленький рыжий хохолок, который там курчавился, потом приласкала белую шею, поправила венок. И, засмеявшись, стала прыгать, скакать, бегать вокруг меня.

— Бык, бык, белый красавчик, я тебя приручила!

Она то отдалялась, то опять приближалась, чтобы меня погладить; ложилась подле меня, вставала с одного бока, заглядывала мне в глаз, потом обходила кругом и заглядывала в другой. Я не мешал ей. Она приблизила губы к моей морде и поцеловала меж ноздрей... Должен сказать, сыны мои, этот поцелуй вполне стоил поцелуя богини! И я вернул его, как смог, нежно и легко лизнув ее в шею.

— Прекрасный белый бычок, ты даже не представляешь, как мой отец и весь его двор восхитятся, увидев, что я еду на тебе верхом.

Ну да! Девочка захотела покрасоваться, этого-то я и ждал. Она скормила мне еще один цветок, а потом уселась мне на спину.

— Ну, вставай, прекрасный бык; поедem во дворец.

Вихрь песка, который взметнули мои копыта, на какой-то миг покрыл берег. Мы были уже над морем. Понимаете теперь, почему бык, нападая, грохочет, будто гроза? Так я сделал однажды, будучи одним из них.

Когда мы ринулись сквозь облака, Европа все еще держала в руках свою корзинку, а я — цветок в губах. Она кричала, цепляясь за мои рога; удивленные боги едва успели увидеть, как мы пролетели. А я мчался, мчался к острову моего детства, к моему дорогому, родному Криту, которому я решил подарить величие и процветание. Мне было трудно затормозить; я так разогнался, что мои копыта остановились только в Гортине, под платанами, которые с той поры никогда не теряют свою листву.

Там я сменил облик, чтобы мы с Европой смогли предаться любви, но сначала превратился в орла, желая доказать ей, что мне вполне подвластны все царства. Потом наконец предстал перед ней в облике мужчины. Позволяю вам думать, что я выбрал наружность, достойную вашего рода, ничуть не хуже бычьей.

И тотчас же подарил Европе трех сыновей: Миноса, Радаманта и Сарпедона.

**Минос и Крит. Процветание критской державы.
Гефест и Афина.
Происхождение афинских царей. Дедал**

Мой сын Минос правил Критом при поддержке своих братьев и стал основателем долгой и могучей династии, все главы которой носили его имя.

Три дара получил от меня Минос: охотничьего пса, который никогда не упускал добычу, рогатину, которая всегда попадала в цель, и Талоса, бронзового человека, неуязвимого стража, который беспрестанно обходил остров, никому не позволяя ни высаживаться на нем, ни покидать без позволения царя. Под этим надо понимать три блага, предоставленные критскому народу при воцарении Миноса: лучший способ дрессировать животных, изобретение более крепкого и меткого оружия, установление постоянной службы по поддержанию порядка и оснащение ее новым вооружением.

Никогда Минос не выходил из своего дворца, не почтив мое изображение, изваянное еще в первые века на вершине горы Юхтас. Он научил и своих подданных почитать этот огромный каменный лик, помещенный там как обещание богов явить свое могущество в чертах человеческого рода.

Каждые семь лет Минос торжественно отправлялся в Психро и проникал в святилище пещеры, где я родился, чтобы там внимать моим наставлениям. И каждые семь лет дорогая нимфа Амалфея, выкормившая меня, потрясала над Критом рогом изобилия.

Какое восхитительное царское содружество составили трое сыновей Европы! Первый был человеком правления, второй — человеком мысли, третий — человеком приключений.

Забываясь об усовершенствовании правосудия, царь Минос поручил своему брату Радаманту, мыслителю, составить свод законов и установлений; и тот настолько замечательно справился с задачей, что вскоре минойский кодекс был скопирован почти всеми городами в этой части света.

Радамант и Минос, образцовый законодатель и образцовый правитель, были после своей смерти назначены судьями в Преисподней.

Что касается третьего брата, Сарпедона, то он стяжал славу критскому флоту и основал на малоазийском побережье город Милет.

Под властью династии Миноса богатый стадами Крит в изобилии производил масло и зерно. Обладая внушительной армией и флотом, он стал центром обширной морской державы. Многочисленные острова жили в зависимости от него или под его покровительством; многие народы платили ему дань.

Каждый новый царь, новый Минос, приглашал к себе самых умелых строителей, инженеров, художников и ремесленников. Так на Крит прибыл афинянин Дедал; он был царского рода, но искусства привлекали его больше, чем власть.

Дедал происходил от моего сына Гефеста и... осмелюсь ли сказать вам? О! Вы будете необычайно удивлены... моей дочери Афины.

Да, добрые мои смертные! Суровая, целомудренная Афина, которая так настойчиво упрашивала меня сохранить за ней безбрачие, на какой-то миг забылась в объятиях своего брата-кузнеца. А случилось это в тот день, когда она зашла попросить у него оружие для Троянской войны (сам-то я в этой войне не встал ни

на чью сторону). Может, она проявила уступчивость ради осуществления своего замысла? Или же, когда я отказался поддержать ее партию, не совладала со своей великой извечной любовью ко мне и захотела утолить ее хотя бы через подмену? Или изголодавшийся Гефест, терпевший одиночество с тех пор, как расстался с неверной Афродитой, набросился на Афины среди своих горнов и наковален с таким неистовством, что она не смогла дать отпор? Возможно, он и сам был обманут нелепой выдумкой Посейдона, который незадолго перед тем нашептал хромцу, что Афина якобы сгорает от страсти к нему и направляется в его кузню, чтобы всецело отдаться. Это вам доказывает, что и сам Разум не защищен от слабости или посягательств, когда слишком отдаляется от Власти.

Афина родила тайно, а затем, чтобы поддержать свою репутацию недотроги, выдумала туманную и очень нечистую историю, согласно которой, когда она защищалась от своего брата, его семя пролилось на ее девственную ногу; она вытерла эту мерзость шерстью и отбросила подальше от себя. Якобы от соприкосновения семени с Матерью-Землей и родился ребенок, сначала положенный в корзину и пущенный по волнам, а потом подобранный Афиной — исключительно по доброте... Боги притворились, будто поверили. Немало было царевен, объявлявших, будто спасли младенца, которого сами же и доверили волнам, чтобы скрыть царское кровосмешение и окружить свою ошибку туманом чуда.

Самым ясным в этом деле было то, что Афина воспитала ребенка с ревливой заботой. Она назвала его, чтобы добавить правдоподобия своему рассказу, Эрхитонием, то есть «шерстью земли». Когда он решил основать город, Афина с гордостью согласилась, чтобы он был назван Афинаи.

Афинские цари вели свой род от этого самого Эрехтония, то есть от меня по обоим линиям. И это вам объясняет, почему ни в каком другом городе так высоко не блистали гений отвлеченного рассуждения и гений изобразительного творчества.

Дедал, дивный Дедал вышел из этого самого рода. Это он спроектировал для царя Миноса царский город Кносс — Лабиринт — таким образом, что тот по своей разметке и архитектуре воплощал представления о Вселенной, о человеке и жизни. Ради этого город был сделан долговечным и мощным.

Лабиринт на самом деле был вашим отображением, вписанным в пространство и камень. Однако ни области вашего мозга, ни внутренние органы вашей утробы не расположены согласно простым схемам, и ваши мысли, ваши жидкости или зародыши вашего потомства не следуют тут ровными и прямолинейными путями. Достаточно об этом подумать. Возводя Лабиринт, Дедал думал об этом много и хорошо.

Но и ко всему, что он изобрел, создал, осуществил, он подходил таким же образом: начиная с наблюдения за жизнью. Пилу по металлу ему навеяла змеиная челюсть, искусство отливать бронзовые статуи из текучего, как кровь, металла — ток крови по артериям. Дедал умел так достоверно воспроизводить действительность, что сделал даже — увы, но все гении обязательно должны совершить какой-нибудь промах или ошибку — деревянную телку, в которой поместилась Пасифая с целью отдаться натиску быка (не меня); от этого соития родился Минотавр. Дедал, как великолепнейший инженер, так хорошо наблюдал птиц, что смог смастерить для себя и своего сына крылья, которые позволили им, вопреки надзору Талоса, ускользнуть с Крита... Что случилось с Икаром, самонадеянным юнцом, которого опьянило пространство, вы зна-

ете. Ведь не он смастерил свои крылья. Отец, более искусственный, летел ниже, благоразумно используя воздушные течения, и в итоге добрался до Кум в Италии, где рядом с оракулом Сивиллы построил храм Аполлона, потом перебрался на Сицилию и распространял свое знание там. Но зачем мне еще что-то говорить о Дедале? Он оставил завещание, которое один из его потомков открыл вам, когда настало время.

Братья Европы. Основание Карфагена и Фив. Время Тельца

Но вернемся к семье Европы. Как только Агенор, или Кнас, или Ханаан, заметил исчезновение дочери, он, сочтя, что задета его честь царя и отца, приказал пятерым своим сыновьям разойтись на поиски сестры и не возвращаться, пока кто-нибудь из них не найдет ее.

Так, старший, Феникс, снарядив много кораблей, отплыл на запад, долго двигался вдоль берегов Африки и в конце своего плавания основал город Карфаген. Там он и получил известие о смерти Агенора. Оставив часть своих войск, он вернулся, чтобы возглавить отцовское царство. Страна Ханаана стала называться Финикией, а Карфаген стал ее отдаленной колонией.

Второй сын, Килик, достиг Малой Азии и основал Киликийское царство.

Финей основал царство на двух берегах Босфора.

Тасос, четвертый брат, достиг того счастливого острова, где я зачал Артемиду и Аполлона, нашел там лежи золота и этим принес острову богатство. Остров стал называться его именем.

Пятый сын, Кадм, направился сначала во Фракию, потом завернул в Дельфы, чтобы узнать у оракула, в каком месте находится Европа. Пифия ему ответила, чтобы он оставил свое намерение, если не хочет прогневить богов, и чтобы тоже основал город.

Выйдя отсюда, корову заметишь.
Преследуй ее, покуда идет.
Где, утомившись, падет,
Свою средину Вселенной отметишь.

Истинным смыслом поисков Европы было рождение городов и народов вокруг того моря, средину которого занимает Крит.

Кадм, удаляясь от Дельф, не отрывал глаз от одинокой коровы, у которой на черной шкуре, на боку, было широкое белое пятно, похожее на лунный диск. Он преследовал ее примерно четыреста стадий. Место, где она упала, он сделал священным центром города Фивы, а страна вокруг была названа Беотией — коровьей страной.

Однако Кадм во время церемонии основания города оскорбил Ареса и на восемь лет стал рабом моего сына, то есть на протяжении восьми лет был вынужден постоянно воевать. При этом он проявил не только доблесть, но также чрезвычайную суровость, снискав уважение бога битв. В знак примирения Арес отдал Кадму в жены Гармонию, свою дочь, рожденную от союза с Афродитой.

Бедная Гармония! У нее было мало счастливых часов в этом городе, над которым тяготела судьба насилия, жестокости, ненависти. Сплюшные войны, драмы и убийства стали уделом этого рода, из которого предстояло выйти Лаю, Иокасте, Эдипу, Креонту, Этеоклу, Полинику, Мегаре, Антигоне... Но у Кадма и Гармонии была дочь, красавица Семела, о которой я скоро расскажу.

Когда же произошли все эти события, потому важные для вас, что отмечают начало ваших цивилизаций и сознательных воспоминаний? Ну что ж, дети мои, посчитаем вместе.

Обличье, которое я принял, чтобы похитить Европу, обозначило в мире начало эпохи Тельца. А стало быть... Две тысячи лет для времени Рыб — этой оканчивающейся эры, которая была эрой моего сна; а перед тем две тысячи лет для эры Овна. Да, то, о чем я вам рассказываю, произошло всего шесть тысяч лет назад; следы этой эпохи для вас еще не стерлись. Мы сближаемся, дети мои, и начинаем понимать друг друга. Крит, Минос, бронза, Финикия, Карфаген, Эдип... Вот что пробуждает в вашей памяти знакомые отзвуки. А я... Я узнаю выставленные на почетном месте в ваших богатейших жилищах кубки и чаши, из которых утоляли жажду рабочие Дедала.

Двенадцатая эпоха
ПОСЛЕДНИЕ БОГИ

Среди людей. Встреча с фиванкой Семелой. Новые коварства Геры

На протяжении веков я довольно часто спускался в города, которые только что были вами основаны, чтобы посмотреть, чего вы добились и как вырисовываются ваши государства.

В облике чужеземного царя я сживал за столом властителей; в другой раз, переодевшись купцом, оставался на постоялых дворах. Праздным зевакой облакачивался об ограду судилищ; носильщиком позволял бранить себя на ярмарках. Некоторые посредственные военачальники, в минуту опасности вдруг ставшие стратегами-победителями, некоторые заики, которых унижение отчизны превратило во вдохновенных ораторов, так никогда и не узнали, что это я проскользнул в них на несколько решающих часов. Они потом смущенно говорили, что, совершая свой главный поступок, чувствовали себя так, будто в них *кто-то вселился*! Кто же вселился, я вас спрашиваю? И кто, по-вашему, как-то ночью ушпикнул одного из гусей на моем Капитолии, когда стража заснула?

Часто жрецы моих храмов рассеянно брали из моих рук голубя, которого я как паломник приносил в подношение, и бросали его в корзину вместе с прочей птицей. Я хотел знать, как они отправляют мой культ.

Если ты царь, то не много проку в том, чтобы недвижно восседать на престоле и слышать глас народа, словно далекий шум.

Проходя через ваши города и толпы, я не видел, чтобы пятая раса была действительно счастлива или по-настоящему добра. У нее случались мгновения счастья, порывы доброты, но я замечал, как насилие, воровство, скупость, зависть, ненависть отца к сыну и сына к отцу, ревность любовников, безразличие супругов — все прежние пороки, все прежние несчастья — снова появляются в ваших обществах, снова въедаются в вашу плоть и кровь. Однако в этот раз речь шла не об унаследованной мною расе, но о новой, образованной в мое царствование и моими трудами, о расе, за которую я сам нес ответственность, с которой соединился, которой правили мои потомки, о расе, в конечном счете, которую я сам вылепил, подобно гончару. Ну что ж! Значит, что-то было не так или с глиной, или с гончарным кругом, или с рукой гончара!

Человеку не хватало некоего блага, бога, сути, которые позволили бы ему принять себя таким, какой он есть. Неудовлетворенность самим собой, желание быть другим или более значимым, чем он есть, желание жить иначе — вот главный недуг, от которого страдал человек, вот болезнь, тяготы которой требовалось уменьшить.

Об этом я и размышлял как-то вечером, вглядываясь в ваши лица на улочках жестоких Фив, когда повстречал Семелу, дочь царя Кадма, жрицу Луны.

Кто же мог усомниться, когда Семела вела хоровод священных танцовщиц на паперти храма, что она рождена самой Гармонией? Но кто, кроме бога, мог бы узнать в ней царевну, когда она, набросив на голову черное шерстяное покрывало, выскальзывала из дворца и смешивалась с рыночным народом, окуналась в его давку, ныряла в людскую массу, как ныряют в море, чувствуя, как густая и плотная толпа обтекает ее со всех сторон? Ночами она садилась на землю постоя-

лых дворов, чтобы послушать рассказчиков при свете луны и смоляных факелов. Семела упивалась этими тайными вылазками, мечтами и зрелищами. А на следующий день, в длинной юбке, с украшениями на лбу, руках и обнаженной груди, вновь появлялась на паперти перед храмом и возобновляла под звуки систров* свои долгие экстатические раскачивания и прыжки.

Познакомились мы, наблюдая за схваткой борцов. Два атлета хватали друг друга, опрокидывали, катались в пыли. Я следил за их захватами и бросками, когда зрители в толчее буквально придавили ко мне дрожащую, задыхающуюся Семелу. Я бросил борцам горсть оболов**, чтобы добавить ярости их выпадам. Семела схватила меня за руку и впилась в нее ногтями. Она и впрямь была из потомства Ареса.

С тех пор мы часто виделись. Мы оказывались бок о бок повсюду, где был праздник, игры или соревнования, или же драка вспыхивала в каком-нибудь конце города, или же настоящий пожар, губивший дома. Я наблюдал за Фивами с Олимпа и, едва заведя, что собирается толпа, спешил прямо туда. Потом, когда зеваки расходились, раненых уносили, а на пепелище гасли последние искры, увлекал Семелу к какому-либо источнику, и там, в ночи, мы долго разговаривали.

Я желал ее соблазнить, а она желала быть соблазненной. Но в этот раз я не хотел покидать свое смертное обличье, совершать чудеса или фокусы с превращениями. Я хотел, чтобы Семела признала, приняла мои человеческие лицо и тело за лицо и тело бога. Вскоре ее чрево округлилось.

Однако мои хождения туда-сюда между Олимпом и Фивами не обошлись без подозрений Геры. Но опыт

* Систр — металлическая погремушка.

** Обол — мелкая медная монета в Древней Греции.

сделал ее осторожной, ей не хотелось еще раз оказаться подвешенной за волосы с наковальней на ногах. Она прибегла к хитрости, приняла обличье смертной и стала прохаживаться по улицам Фив. Просившая подаяние старуха порой встречала красивого чужестранца, утверждавшего, что он прибыл из Азии. Мы смотрели друг на друга, притворяясь, будто взаимно обмануты нашими обличьями.

Семела, в свою очередь, даже не попыталась скрыть свое положение и напрямик объявила отцу Кадму: «Я беременна от Зевса», и Кадм, сам отпрыск моей крови, брат прекрасной Европы, женившийся на божественной царевне, не особо удивился тому, что его род почтили еще раз.

Но согбенная, хнычущая старуха-нищенка, что ходила по домам, выклянчивая миску похлебки, повсюду шептала, повсюду сплетничала, что царская дочь понесла от какого-то заезжего молодца, обычного человека, и теперь лжет, прикрывая свой грешок.

— Бог? — усмехалась беззубая карга. — Ну тогда я и сама богиня! Если, чтобы быть богом, достаточно иметь горящий глаз, вкрадчивую речь да руку, ловко залегающую под юбку, то таких мошенников на ярмарке пруд пруди!

О змееустая Гера! Сестры Семелы, завидовавшие ей, поспешили разнести клевету. И в городе, и во дворце начали смотреть на Семелу с недоверием или презрением. Жрецы роптали.

Семела велела привести к себе нищенку и набросилась на нее с упреками за слухи, которые та распускает.

— Ох! Угрожай, угрожай, коли хочешь, — отвечала старуха. — Даже побей меня, если тебе легче станет, или вели прогнать; но это ничего не изменит. Я ведь лишь повторяла то, о чем все и без того шепчутся! Ты-

то сама вполне уверена, что тот, кто тебя обрюхатил, — бог? Это ведь он сам так говорит. В мире хватает соблазнительей, которые выдают себя за невесть кого. Он ведь не здешний, твой любовник? Ты продолжаешь видеться с ним?

— Это Зевс! — вскричала Семела, топнув ногой.

Нехороший огонек вспыхнул во взгляде старухи.

— Если хочешь, чтобы народ тебе поверил, сама удостоверься в том, что утверждаешь. Это ведь и в самом деле может оказаться Зевс. Потребуй у него, чтобы он тебе показался в своем божественном обличье. Если он это сделает, у тебя больше не будет сомнений, да и у города тоже.

О ревность, о коварство! Только я вновь увиделся с Семелой, которая к тому времени уже была на седьмом месяце, как она мне сказала:

— Ради блага ребенка, которого я ношу, пообещай исполнить мою просьбу. Ты ведь царь богов и вполне можешь сделать это для меня.

Я охотно пообещал и даже поклялся Стиксом. Я любил ее. Но едва она высказала свою просьбу, я сразу понял, какую гнусную шутку сыграла со мной моя супруга: мне самому предстояло стать орудием ее мщения.

Но я не мог уклониться, я ведь поклялся. Если бы я не выполнил просьбу, Семела перестала бы верить, что я бог; и в то же время на согрешившую царевну обрушился бы гнев царя и жрецов, народ растерзал бы ее, побил камнями, убил. Но, явив ей себя во всей силе и истине, во всей мощи и сути... Я был осторожен, как только мог! Взял в руку самую слабенькую молнию, отнюдь не такую, какой сокрушал титанов, взрывал материки и разбивал безумные звезды; эта могла воспламенить всего лишь дерево, лес, разрушить всего одно селение. Но и ее оказалось чересчур; чело-

веческая жизнь не способна вынести столь ослепительного накала.

Успела ли несчастная Семела увидеть ужасную вспышку, вырвавшуюся из моего кулака? Ну почему приходится губить то, что любишь?

Я бросился к ней, чтобы спасти хотя бы ребенка из ее чрева. Через какое-то время престарелый Кадм и его жрецы обнаружили жалкую, черноватую и скрюченную фигурку под обугленной сосной. Они опознали Семелу по ее спекшимся украшениям.

**Дионис. Его опасное детство.
Виноградная лоза и опьянение.
Свита вакханок. Кругосветное путешествие
и освободительная роль Диониса**

У меня на руках оказался недоношенный божок, которого мне предстояло кормить и скрывать, и я призвал на помощь изобретательного Гермеса. А сам тем временем поместил крошечного младенца, чтобы ему было как можно теплее, в углубление своего паха. Это навело Гермеса на одну мысль: он отнес своего младшего братика в храм и устроил его в пустотелом бедре моей большой статуи, приказав жрецам поддерживать вокруг жаркий огонь. И повелел соблюдать строжайшую тайну. Это и дало повод говорить потом, что ребенок родился из бедра Зевса.

Когда, вскормленный молоком и медом, как я сам когда-то, ребенок достиг возраста, в котором дети появляются на свет, Гермес забрал его и отдал под опеку двоим смертным: царю и царице Орхомена, что неподалеку от Фив. По-прежнему заботясь об осторожности, Гермес посоветовал им нарядить маленького бога девочкой.

Но Гера следила за всеми этими тайными хождениями, догадываясь, что они касаются ребенка Семелы. И она поразила безумием царя и царицу Орхомена.

Тогда Гермес снова забрал моего сына и переправил его в Азию, в долину Нисы. Он облачил дитя в

шкуру ягненка и поручил местным нимфам позаботиться о нем.

— Следите за тем, чтобы на нем всегда было руно молодого барашка, — наказал он им.

И ребенка с тех пор стали звать Дионисом, что значит «бог Нисы», но также «дважды рожденный», или «рожденный в двух обличьях».

В долине Нисы росло чудесное растение — виноградная лоза. Дионис обнаружил его, будучи еще подростком. Раз сдавливают козье вымя, чтобы добыть молоко, раз давят хлебные зерна, чтобы получить муку, и оливки, чтобы извлечь масло, то почему бы не попробовать давить виноградные ягоды? Так Дионис изобрел вино.

Едва отведав этот напиток, он испытал несравненное блаженство и почувствовал себя настоящим богом. Но при этом разгорячился и сбросил с себя баранью шкуру. Гера заметила его и тотчас же поразила безумием.

Тогда-то и началось для Диониса его странное путешествие по миру, иногда веселое и торжествующее, иногда буйное, безрассудное и иступленное. Он не все время был безумен. Помешательство накатывало на него лишь временами, и тогда сила, с которой он не мог совладать, толкала его к странствиям.

Во Фригии Дионис встретил мою сестру Деметру, которая посвятила его в свои мистерии. Она — богиня хлебных злаков, он — бог виноградной лозы; они объединили свои секреты и свою силу; с тех пор в мистериях хлеб и вино неразделимы.

Дионис, называемый также Вакхом, шел в венке из плюща или дикого винограда, держа в руке деревянный жезл, тирс, с навершием в виде сосновой шишки. Если и сегодня сосновые ветви служат вывесками вашим тавернам, то это из-за Диониса.

За ним следовали выросившие его нимфы; их называли менадами или вакханками. Едва одетые, тоже в венках из плюща, они размахивали тирсами, играли на флейтах или тамбуринах, плясали на дорогах и площадях и обладали способностью укрощать диких животных.

Повсюду, где проходил Дионис, к его кортежу присоединялись дриады, силены, сатиры, да и смертные тоже: мужчины и женщины, ищущие буйства, опьянения и приключений. Это был необычный, ни на что не похожий поход, одновременно оргиастический и завоевательный, где воины смешивались с танцовщицами, а их вождь разъезжал с золотым кубком в руке на высокой колеснице, запряженной пантерами.

В Дионисе объединялись и прорывались на свободу агрессивная гордость Ареса, любовные притязания Афродиты и мое собственное сластолюбие.

Издалека было слышно, как приближается его странное поющее воинство. Если какое-то царство или город отказывались впустить его — разгоралась яростная битва, где менады не уступали в драке иным удалцам. Но, встретив хороший прием, они отдавались кутежу, затеяв праздничное шествие, в котором воины поддерживали плясуний, отбивая такт на своих щитах, и весь народ следовал за ними в ночь безудержного веселья. На следующий день в канавах валялись сбитые вином с ног мужчины и изнуренные любовью женщины.

Дионис повсюду насаждал свой культ, а вместе с ним и виноградную лозу. А кто дерзал воспротивиться ему, впадал, по приказу бога, в безумие еще более тяжкое, чем бывает от опьянения. Ведь если человек отказывается выпустить, хотя бы на месяц своей жизни, хотя бы на день в году, своих внутренних демонов, они

овладевают им, душат, порабощают и окончательно ввергают в безумие.

Так было с царем Фракии, который решил запретить выращивание винограда в своей стране. Он схватил косу, чтобы срезать лозы, но вместо этого, уже ничего не сознавая в своей ярости, перерезал ноги своим сыновьям, а потом и себе самому.

Другое злоключение случилось с пиратами, которые, встретив Диониса на каком-то пляже — одного, спотыкающегося, бесцельно блуждающего, — схватили его, чтобы получить выкуп. Но едва они отвели его на борт своего корабля, как увидели гигантскую виноградную лозу, которая вдруг обвила мачту, оплела своими отростками снасти и опутала весла. Разъярившийся бог почувствовал, как в нем рычит тигринный гнев. И точно: откуда-то выскочили тигр со львом и всех на судне разогнали. Перепуганные пираты бросились в волны и утонули.

Ни в коем случае нельзя насильно удерживать или обманывать пьяного, злоупотребляя его состоянием; ведь он освобождается от какого-то несчастья или тяжести на душе.

Дионис, когда не был пьян, мог петь не хуже Аполлона и рассуждать так же искусно, как Гермес. И был столь же обаятелен, хотя из-за выпивки довольно рано располнел.

Он долго странствовал по Малой Азии, потом направился в Египет и дошел до Ливии, потом повернул в сторону Индии. Его рать беспрестанно пополнялась новобранцами, а золоченая колесница отягчалась дарами или трофеями.

Но, уже добравшись до середины Индии, Дионис решил, что должен отомстить за память своей матери, поскольку не обретет мира в душе, пока не восстановит справедливость.

Он велел поворачивать назад своим вакханкам, сатирам, солдатам, шлюхам; и все они, распевая, двинулись на запад.

По пути Дионис победил при Эфесе войско амазонок и принудил этих бесплодных воительниц к пчеловодству и виноградарству. Потом отплыл на Наксос, где утешил безутешную Ариадну.

Ему было тогда около двух тысяч лет, и он не старел. Стал бессмертным, не выпив ни капли амброзии. Завершалась эра Тельца; Тесей только что убил Минотавра. И Дионис научил народы называть меня Амоном, таково мое имя в эру Овна.

Каково же было удивление царя Пенфея, потомка Кадма, двоюродного деда Эдипа, когда он увидел, что под стенами его Фив разбили свой лагерь какие-то кочевники, а возглавлявший их молодой человек, утверждая, будто ему столько же лет, сколько и городу, потребовал постройки храма для себя и своей матери!

По улицам уже рассыпались вакханки и, трясая своими юбками и тамбуринами, увлекали в пляс прохожих или предсказывали им будущее.

Пенфей был суровым деспотом. Женщинам в городе полагалось ходить, только закутавшись в покрывало, а мужчины, отправляясь на работу, должны были шагать в ногу. И вдруг весь народ вышел из повиновения. Женщины сбрасывали покрывала, рабочие, забыв о работе, сбегались на площади, где чужеземцы откупоривали большие кувшины и зазывали каждого черпать оттуда вволю. Даже Тиресий, божественный слепец, возрастом в девять человеческих жизней, увенчал себя виноградным венком и пустился в пляс перед царским дворцом.

— Не беспокойся о своих людях, — посоветовал он царю, — и не противься этому юноше, ибо он бог.

Пенфей, отстранив прорицателя, дал приказ своей страже схватить кочевников вместе с их вожаком и бросить в темницу. Но тем же вечером в Фивах зарокотал бунт; двери тюрьмы были распахнуты, дворец запылал. Сам Пенфей, пустившийся в бег, был настигнут за городом толпой фиванских женщин, пьяных от вина и свободы; и ему под какой-то сосной перерезала горло собственная мать, блуждающие глаза которой не узнали сына.

Потом вокруг Фив были посажены виноградные лозы и установлен культ в честь Диониса и лунной Семелы. Тогда Гера поняла, что не может более противиться всеобщему торжеству моего сына. Она смирилась с тем, что он занял место близ меня, среди главных олимпийцев. Гестия, скромная, дорогая тетушка Гестия, необычайно гордая своим маленьким племянником и немного влюбленная в него, охотно уступила ему свое место среди двенадцати богов.

Но прежде чем занять свой престол, Дионис спустился в Преисподнюю, чтобы вернуть оттуда свою мать и поселить ее в краях своей славы.

Странного бога я вам дал в его лице: то нежного, то жестокого, порой вдохновенного, порой исступленного, непоседливого, порывистого и необузданного. И все-таки он вам так же необходим, как Разум, Знание и Закон.

Дионис — ваш освободитель, но не в развитии, как Прометей, а в состоянии. Он освобождает сыновей от трепета перед отцами, освобождает девственниц от страха перед мужчинами и стареющего человека — от бремени старения.

Ребенок, нарядившийся царем, монарх, загримированный подонком, кузнец, ради забавы напяливший женское платье, пряха, вырядившаяся солдатом, трус, осмелевший под маской, горбун, рычащий в тигриной

шкуре, — все они на день, на час подчиняются Дионису и через это освобождаются от сокровенных желаний и потаенных сожалений. Карнавалы на всех широтах, праздники и костюмированные балы, всегда сопровождаемые песнями, криками и возлияниями, — ваше наследство от больших и малых дионисий*.

Но актер, который надевает на сцене императорскую диадему, потрясает кинжалом убийцы, повергает наземь ложного кумира или страдает от несчастной любви, также осуществляет, как для себя, так и для вас, дионисийское действо. Свои уста он отдает крикам, которые обычно рассудок или закон вынуждают вас подавлять; он заменяет вас, исполняет вашу невысказанную просьбу и очищает вас, сидящих на скамьях амфитеатра, от ваших наваждений.

Путешествия и приключения тоже утоляют вашу жажду к обновлению или выходу за привычные пределы.

Так и опьянение стирает или отменяет на какое-то время ваши слабости, мучительные мысли о том, что вы обречены на исчезновение, ваше несовершенство: быть лишь тем, кто вы есть.

Комедиант, бродяга, пьяница — о, дорогой дионисийский человек, нелепый с виду, но по сути безмятежный!

Театр для людей — то же самое, что Олимп для бессмертных, а вино — та же божественная амброзия. Используйте же и то и другое, как священные снадобья. Это через них все ваши возможности могут воплотиться в миге подлинного существования, через них каждый из вас в своей хрупкой и преходящей единичности может испытать чувство, будто содержит в себе целую вселенную и достигает бесконечности. Именно

* Дионисии — в Древней Греции празднества в честь бога Дионисия.

в этом сверхсостоянии, к которому возносят театр и вино, на вас может снизойти, вопреки всем доказательствам и всякой логике, уверенность в потусторонней жизни и вечном сообществе душ.

Дионис — бог, который ведет вас через ваши собственные преисподние и учит вас прощать вашей матери то, что породила вас. Он помогает вам познать себя полностью и принять такими, какие вы есть. Это лучший дар, который можно было вам сделать.

Дионисийские женщины. Антиопа, Электра и Даная среди многих других. Ночь Алкмены

Итак, у дионисийских мужчин для своего освобождения и реализации есть приключения, подвиги, артистические представления, разврат. У дионисийских же женщин, чтобы утихомирить своих демонов и достичь мимолетной иллюзии, будто они сжимают в объятиях весь мир, есть только любовь.

Вот откуда берутся поразительные, героические, возвышенные, исступленные, чудовищные формы, которые порой принимает у них любовь.

Когда вы, смертные, видите, как ваши дочери или жены устремляют свой взгляд в зеркало, томно крутя рукой веретено, или же застывают у источника, прислонившись спиной к стволу дерева и глядя в облака, вы говорите: «Они мечтают», но не знаете о чем.

Я же, склонившись с облачного балкона, отлично слышу, как поднимаются их немые призывы, и без труда различаю очертания их грез.

Я бог вмешательства. Вы часто обвиняете меня в том, что я привел в расстройство ваши семьи, разрушил очаги. Гораздо чаще я возвращал туда мир, внимая мольбам ваших жен и избавляя их от наваждений. Сколько раз я лепил свое обличье согласно их бреду!

Прекрасная Антиопа, ты приходила в лес и притворялась спящей, ожидая, что тебя изнасилует сатир. Ради тебя я обзавелся козлиными ногами, волосаты-

ми ляжками и скотской рожей. В том, что ты кончила безумием, нет моей вины; ты была безумна еще до того, как познала меня.

Электра Самофракийская, ты хотела меня плясунном, ты хотела меня змеей, пламенем, морозом. Поэтому я плясал пред тобой на раскаленных угольях, а потом принял вид священной змеи, чтобы стиснуть тебя ледяными кольцами.

А ты, дорогая Даная, пылкая Даная, которую ревнивый отец заточил под землей в бронзовом покое, ты подставляла свое лоно под ласку солнечного луча, проникавшего через отдушину. Как я мог не откликнуться на твой одинокий жалобный стон? Я облекся хламидой, приобрел черты твоего брата и пролил золотой дождь сквозь прутья решетки, что позволило тебе подкупить стражей.

Нашим сыном был Персей, который убил горгону, освободил Андромеду и обратил в каменные статуи своих врагов.

Соблазненные, обманутые, принужденные — мои то любовницы? Это они так говорили. Можно ли считать победой овладение городом, который сам распаивает ворота еще до того, как осажден?

А что касается мужей, то стоило ли им кричать так громко о своем бесчестье, если оно им доставило некоторое удовольствие и даже прославило? Я знаю таких, которые раздражались рыданиями или яростью лишь тогда, когда уже весь белый свет был осведомлен, что их жены познали объятия бога. Это их успокаивало насчет собственного выбора.

Мужья, я был гораздо чаще зван на ваши ложа, чем проскальзывал туда с помощью обмана. И смог ответить отнюдь не на все призывы! Моего времени бога на это не хватило бы. Аполлон, Гермес, Дионис или

другие мои божественные сыновья часто меня подменяли, а еще чаще я подталкивал за плечи какого-нибудь молодца, шепнув ему в ухо: «Заменяй меня». Ночью красотка принимала его за бога; правда, если она пыталась сохранить его на больший срок, на всю жизнь или хотя бы на одно лето, то быстро замечала, что он всего лишь человек.

Говоря это, смертные, я вовсе не отрицаю, что имел склонность к вашим возлюбленным; не отрицаю и того, что меня это изрядно развлекало. Наибольшие свои наслаждения я познал в человеческом обличье.

Бык, козел, лебедь, змея, свет — я все перепробовал. Я перемерил немало личин, немало званий. Именно человеку любовь предоставляет наибольшую приятность, в этом отношении вы самый одаренный вид. Воображение, ожидание, воспоминание, сравнение — все тут участвует. Вам очень повезло, что любовь для вас еще и умственное упражнение.

Удовольствие от встречи, удивление от открытия, порой разочарование... Достаточно ли вы смаковали радость от проникновения среди ночи в незнакомое жилище, когда вы немного пьяны от желания и вина? Признаюсь вам, сыны мои, были смертные женщины, чьи имена я уже не очень-то помню, забыл даже их лица или вскрики, сопровождавшие их наслаждения, но их дома, альковы, обычные предметы в свете луны врезались в мою память. Некоторые кушанья, которые их пальчики готовили и одновременно пробовали, сохранили для меня свой первозданный вкус. Знают ли наши любовницы, что сделало их для нас такими разными и такими незабываемыми? Та, что кормила меня после любви жирной яичницей с хрустящей корочкой, остается в моей памяти более реальной, чем многие другие, любой ценой желавшие пичкать меня болтовней об Элевсинских мистериях.

Я часто вел себя как глупец, забывая порой даже о своем божественном достоинстве. Отвечал на приглашения женщин недалеких или вульгарных, просто из вкуса к новизне. Предлагал взять их на Олимп. Какая удача, что они отказались! Все-таки успокаивает, что дуры или низкие душонки никогда не верят, если им говоришь: «Я Зевс», что ты и в самом деле можешь им оказаться. Некоторые, слишком поздно понявшие, кто я такой, даже умудрились превратить это в свою главную добродетель.

Да, я шел на недостойные сделки; порой в притонах притворялся, будто вожу дружбу со сводниками и прочими подручными порока, просто чтобы обзавестись сообщниками. В те дни я и узнал, каким благом наделил вас Дионис, подарив виноградную лозу.

А выход украдкой на рассвете, возвращение по улочкам города, который кажется новым из-за необычного часа!.. Уносишь воспоминание о теплом перламутровом теле, которое оставил спящим меж смятых простыней, как меж створок раковины; сам себя чувствуешь таким легким в легком воздухе. Входишь в первую же харчевню с поднятым навесом, чтобы выпить чашку молока среди мусорщиков и зеленщиков. Ах, эти ранние утра со вкусом юности! Смакуйте же их, как смаковал их я.

Вот, слушайте, помню тот рассвет в Фивах, когда я вышел от Алкмены. Странная Алкмена! Из всех наваждений, которые тревожат ночи смертных женщин, у Алкмены было самое изощренное, равно как и самое распространенное. Она хотела изменить Амфитриону... с самим Амфитрионом.

Бравый полководец, вообще-то красивый мужчина, да и храбрец к тому же, ее не удовлетворял. Она навязывала своему герою испытание за испытанием; он этому покорялся, всякий раз проявляя все больше

героизма. Этого, однако, Алкмене было недостаточно. Но вместе с тем ее желания призывали не другого мужчину; она хотела, чтобы *сам Амфитрион* был другим. Тот же рот, но произносящий другие слова; те же руки, но другие прикосновения. Вкусить ненадежные радости супружеской измены в спокойном удобстве брака. Квинтэссенция невозможного в конечном счете. Но сколько их, гоняющихся за подобными бреднями? Если бы вы видели, мужья, как ведут себя ваши жены с любовниками, как упорно повторяют с ними все то же, что делают с вами, как заставляют их одеваться так же, как вы, как вдалбливают им в голову ваши привычки, вплоть до кулинарных пристрастий, вы бы поняли, как трудно им быть по-настоящему удовлетворенными, когда они обманывают вас.

Однако надо было ублажить хотя бы одну, чтобы дать какую-то надежду остальным.

Я выбрал Алкмену с ее хрупким изяществом, бледными, отполированными ногтями, шелковистыми волосами, убранными лентой. И сердцем из металла.

Облачиться в доспехи Амфитриона, надеть его шлем, заговорить его голосом — все это для меня было детской забавой: Алкмена услышала наконец из уст Амфитриона те слова, которые так жаждала услышать. Он стал тем громогласным Амфитрионом, которого она хотела: бьющим посуду, гнущим щипцы, рассказывающим о своей победе, той самой победе, которую настоящий Амфитрион в тот момент с превеликой храбростью и немалым потом завоевывал. А Лжеамфитрион приказывал Алкмене раздеться, лечь и еще много чего другого, словно она была полем его битвы. Бедняга Амфитрион, какие бессонницы, полные разочарования, я тебе готовил! Но зато как чудесно нам спалось потом... По счастью, какой-то осел, заревевший во дворе, нас разбудил.

Я поспешно одевался, пока Гермес, мой дорогой Гермес, обратившись в слугу, морочил на пороге голову полководцу-победителю.

Да, помню еще харчевню, куда я завернул. На мне больше не было доспехов, но с человеческим обликом пока расставаться не хотелось.

Помню вкус свежего сыра, который мне подали, и чарку светлого вина со смолистым ароматом. Вокруг меня ломовые извозчики, бродячие торговцы, подмастерья горшечников обмакивали свой хлеб в золотистое масло и жевали луковицы. Я чувствовал к ним большую братскую симпатию; мы подняли чаши за наше взаимное процветание; они хлопали меня по плечу, называя «хозяином». Делились со мной своими заботами. У одного семья осталась близ Неми, и он беспокоился, потому что лев, убежавший из зверинца, наводил страх на окрестности. Другой был рыбаком с Лернейского озера, но ему пришлось забросить свое ремесло из-за гидры, что проснувшись в трясине и сотней своих зловонных пастей распространяла смертоносные миазмы. Я попытался их успокоить:

— Не тревожьтесь, скоро все уладится.

Я только что зачал Геракла.

Геракл, или Несчастье сильных.
Его преступления и труды.
Дом Адмета и ноги Омфалы

Если бы этот дуралей Амфитрион не захотел любой ценой доказать своей жене, что на нее нашло затмение, если бы не докапывался с таким упрямством, что же произошло, и в итоге не стал вести себя совершенно нелепо, выпячивая грудь, насупливая брови и через каждые три слова восклицая «Гром и молния!» (он даже завел себе орленка, которого держал привязанным к ножке своего кресла), то эта история наделала бы меньше шума, не дошла бы до ушей Геры и детство Геракла выдалось бы не таким трудным. Не было бы никаких ужасающих змей, ползущих к его колыбели, а также страшных воспоминаний об этом и приступов бешеного неистовства, от которых он страдал всю жизнь.

Из всех моих сыновей Гераклу вас самый популярный; не вижу другого героя, которому бы вы поставили такое множество статуй, также не вижу другого, кому бы вы больше завидовали.

Кто бы из вас, если бы получил возможность выбирать свою судьбу, не выбрал бы судьбу Геракла? Какой смертный, пусть даже музы щедро одарили его славой, Плутон — богатством, Гермес — талантом, не захотел бы стать этим огромным младенцем, потрясающим двумя задушенными змеями в своих ручонках, а потом юным колоссом, что опрокидывает быков,

душит львов, истребляет разбойников, спасает города, повсюду обращает в прах своих врагов и пожинает награды за свои победы? Разве, говоря о ком-то, кто отличается своим ростом и сложением: «Настоящий Геркулес!», вы не слышите зависти в своем голосе?

Сутулый писарь, тучный финансист, близорукий торговец музыкальными инструментами — нет никого, кто бы хоть раз не выпячивал перед зеркалом свой жалкий торс и не мечтал бы... Ах! Эта львиная шкура, небрежно брошенная на плечо, палица, служащая опорой, подтянутый живот с выпуклыми, как древесные стволы, мускулами — все это так глубоко врезалось в вашу память и в ваши сожаления! Также вы думаете о неутомимом любовнике, о плодовитом производителе, обрюхатившем за пятьдесят ночей пятьдесят дочерей царя Феспия, о неутомимом путешественнике, открывшем людям новые пути.

Вы бы меньше завидовали Гераклу, если бы лучше помнили его историю, ведь мало кто имел такую же несчастную судьбу.

Геракл был добр, он пытался поступать справедливо, но временами впадал в безумие.

Несчастьем этого силача был страх. Не улыбайтесь. У этого колосса случались приступы безумного страха: пережиток испуга, испытанного им в колыбели при виде подползающих жутких змей. Всякое препятствие, всякое противодействие, всякая угроза, пусть даже ничтожная, любой знак враждебности со стороны людей, зверей, стихий вновь пробуждали в нем этот давний ужас. И он стыдился своего страха. Человек тщедушный убежал бы; Геракл же набрасывался, разил, душил и обретал успокоение только тогда, когда чувствовал, что жизнь его противника, реального или иллюзорного, угасла в его руках. Но зато потом, и весьма часто, было столько угрызений совести!

Геракл не искал бы так упрямо подвигов, если бы не хотел прежде всего победить собственную слабость. Он бы не странствовал беспрестанно по свету, если бы ощущение своей уязвимости не выгоняло его отовсюду.

Сын матери, которая чванилась своей добродетелью, поскольку оставалась верной супругу даже в измене; порожденный никогда не виденным, но всемогущим отцом, который словно предложил ему недостижимый идеал; воспитанный человеком не слишком тонким, но, несомненно, доблестным в бою, Геракл отнюдь не имел примитивных и простых чувств, которые вы ему приписываете. Наоборот, его душа была настоящим клубком противоречий.

Постоянно изводя себе упреками, Геракл не мог сносить их от других, малейший выговор выводил из себя этого вечного виноватого.

Микенское царство вообще-то должно было достаться ему. Я поздравляю себя с тем, что Илифия, нарушив порядок рождения в угоду Гере, передала престол боковой ветви. Какие драмы мог бы учинить Геракл, стоя во главе целого народа!

Еще ребенком он убил своего учителя ударом табуретки за какой-то банальный выговор. А ведь Геракл при этом любил своего наставника.

Будучи подростком и уже настоящим богатырем, Геракл женился на Мегаре, дочери фиванского царя, которую тот отдал ему в благодарность за его первый подвиг. Геракл любил Мегару и обожал детей, которых она ему родила. Но однажды... что на него нашло? Может, его потревожили, когда он колол дрова, или же он заметил, что жена обменялась взглядом с каким-то чужаком? Впав в убийственное безумие, он схватил своих детей, разбил им головы, а затем убил и жену. Потом, увидев, какую страшную бойню учинил в сво-

ей семье, Геракл зарычал от боли и бросился вон из дома, крича, что убьет себя. И он бы исполнил свою угрозу, если бы не повстречал Тесея, который попытался его образумить.

— Я нечестивец, я наихудший душегуб! — кричал Геракл. — Какой город, какой народ согласится принять меня, да и могу ли я сам себя выносить, если испытываю к себе только отвращение? Я уничтожил все, что любил.

— Ты был безумен, ты был не в себе, это был не ты, — возражал ему Тесей. — Тот, кто натворил бед в состоянии безумия, может искупить свою вину. Если ты и в самом деле хочешь искупить ее, надо жить.

Геракл зарыдал.

— Но кто захочет пожать мои руки, обогранные кровью?

— Я, — ответил Тесей, протягивая ему ладони.

Легко быть милосердным к жертвам; жалость к преступнику заслуживает гораздо большей похвалы. И не любовь спасает иступленных злодеев, а дружба.

Геракл обрел друга. Тесей был невысок ростом, Гераклу по грудь, но в нем сила, быстрота, ловкость, рассудительность и хитрость сочетались с властностью. Он и впрямь был рожден, чтобы управлять людьми. К тому же у него самого много чего было на совести: разрыв с Ариадной, смерть Эгея... Именно Тесей побудил Геракла отправиться в Дельфы.

— Твое несчастье превосходит тебя. Надо попросить совета у богов, — сказал он ему.

Однако, прибыв в дельфийское святилище, Геракл снова впал в неистовый гнев, сбросил наземь прорицательницу и разбил золотой треножник, дар Аполлона.

Этому святотатству давали всякого рода объяснения. Говорили, будто Геракла раздражило то, что пи-

фия медлила с ответом, колебалась, не слыша привычные голоса. Но нет, истинный мотив был иным, и чтобы его понять, надо вернуться к раннему детству Геракла и к рептилиям, заползшим в его колыбель. Он заметил под пифией двух больших золотых переплетенных змей, представлявших собой основание треножника, и этого хватило, чтобы вызвать разрушительный гнев Геракла.

Ах! Этот разбитый треножник — какой повод для склоки на Олимпе! Оскорбленный Аполлон уже наложил стрелу на тетиву своего лука и с высоты облаков целился в Геракла. Артемида встала на сторону своего брата, но Арес поддержал буяна. Афина попыталась призвать каждого к рассудку. От меня требовали, чтобы я пустил в дело молнию. Гера торжествовала.

— Вот! Вот! — говорила она, опровергая собственное пророчество. — Вот что значит брюхатить смертных и давать этой расе силы, которые она не может обуздать!

Мне удалось восстановить спокойствие, и пифия смогла дать свой оракул. Она повелела Гераклу поступить на службу к своему кузену Эврисфею, царю Аргоса, который укажет ему двенадцать искупительных подвигов, по числу месяцев в году. Но Геракл так легко и быстро справился с первым, принес в Микены шкуру Немейского льва, что Эврисфей, напуганный присутствием столь могучего слуги, навсегда запретил ему входить в городские ворота. Несчастен герой, обреченный на изгнание за свою доблесть и храбрость! Из-за самой победы Геракл сделался подозрительным в глазах властей. И его направили к Лернейскому озеру, где множество беспрестанно появлявшихся топей давали убежище распространявшей лихорадку гидре. Но лихорадка ничего не смогла поделать с Гераклом, пока он осушал болота.

Потом ему велели, словно речь шла об оросительной канавке, изменить течение целой реки, чтобы очистить Авгиевы конюшни. Геракл и с этим справился.

Обеспечение безопасности, гидравлические, ассенизационные работы, прокладка дорог — его использовали для всего, а он всегда требовал еще более трудных заданий и проявлял еще больше отваги.

Знаете, что происходит, когда человек, одновременно довольный своей мощью, но недовольный самим собой, не знает пределов своей жажде деятельности? В итоге он не становится счастливее, но добивается великих свершений. С Гераклом будущее Запада было в пути. Недаром название Геркулесовых столпов привязано к скалам, образующим врата в Атлантику.

Но список подвигов Геракла не ограничивается двенадцатью искупительными трудами, равно как и список его преступлений не оканчивается убийством собственной семьи.

Без конца на его пути возникали поводы для приключений, и он считал бы унижительным для себя, если бы упустил хоть один. Похоже, он находил оправдание своей жизни, только рискуя собой. Таких работ, как заказанные двенадцать, он совершил тысячу.

То было время великих экспедиций и открытия новых горизонтов. Геракл собирался поплыть вместе с Ясоном, но судьба увлекла его в другие края. Он сражался во главе войск вместе со своим приемным отцом и видел его смерть. Возвращаясь из Иберии, на равнине Крау Геракл столкнулся с лигурами и забросал их огромными камнями. Быть может, не со всеми лигурами, как он утверждал, быть может, всего с одним племенем, обитавшим в деревне у подножия Альп и горы Павлин, горы Геры.

Но, как истый южанин, Геракл не мог быть скромником, поскольку обладал богатым воображением.

Если какая-то собака рычала на него, показывая клыки, она обязательно становилась для него бешеной. Если он замечал на дороге человека, идущего ему навстречу, он с первого взгляда принимал его за опасного разбойника. Любой моряк, сидящий в глубине притона, казался ему грозным пиратом. Мир для него был населен только героями и чудовищами. На самом деле его храбрость была сплетением тайных страхов; его уста охотно преувеличивали собственную победу, потому что глаза часто преувеличивали опасность.

К тому же вокруг него быстро сложились легенды, и Геракл стал их первым пользователем и жертвой одновременно. Он чувствовал, что обязан всегда быть самым сильным, самым храбрым, самым великодушным, самым пылким любовником, самым большим едоком. И он обжирался целыми часами, не потому что по-настоящему хотел есть, но чтобы поразить окружающих. Он успокаивался, только когда удивлял. Он часто искал в вине новую энергию и пытался утопить в нем свою тоску. Увы, Геракл плохо переносил вино, а поскольку при равной дозе становился пьянее, чем кто-либо другой, то приобрел славу большого пьяницы. Даже в этом ему пришлось поддерживать свою репутацию: расставив ноги, он пил прямо из амфоры, а не из чаши, чтобы слышать восхищенные возгласы своих усердных почитателей, которые и себя самих принимали за гераклов, когда падали под стол.

В опьянении Геракл убил многих своих лучших товарищей. Это всегда случалось на пиру, когда он считал, что его оскорбили или бросили вызов. Ему случалось убивать и царей, чьи города он утром спасал. Позже он приходил в отчаяние, рыдал по три дня, проклинал себя, кланчил у богов наказание.

Известно, как он повел себя в доме Адмета, своего прежнего товарища по приключениям, который стал

царем Фессалии. Геракл является к нему, находит хозяина в трауре, спрашивает, в чем дело. Адмет из деликатности к другу, чтобы не вынуждать его искать ночлега в другом месте, отвечает туманно, что в доме умерла женщина.

— Подумаешь! — говорит Геракл. — Нечего плакать из-за какой-то женщины!

И он устраивается за столом, ничуть не удивленный и не смущенный, что сидит в одиночестве, обжирается, отвратительно напивается, принуждает слуг пить вместе с ним, поет, горланит, пляшет, вопит, пока не обнаруживает вдруг, что умершая — это Алкестиды, супруга его гостеприимца. Тут Геракла охватывают стыд и угрызения совести; он не знает, что сделать, только бы загладить вину, и в итоге спускается в Преисподнюю, дерется с божествами смерти и возвращает другу жену Алкестиду.

Этот самец из самцов, этот великий хулиган женщин на самом деле познал счастливые годы только в рабстве у Омфалы, царицы, чье имя значит «пуп». И само это рабство привлекало Геракла гораздо больше, чем прелести его хозяйки.

У Омфалы ему представился наконец случай удовлетворить свою сильнейшую потребность, которую сам он не признавал: растворяться в подневольном состоянии, упиваться своим унижением. Ах! Какую страсть он вкладывал в это пресмыкательство!

Геракл и Омфала составляли печальную пару, но прекрасно дополняли друг друга, что отнюдь не редкость для вас. Эта красивая и безумная лидийка, помешанная на себе самой, царствовала над тем краем, где я сам когда-то, в другой эре, познал Плуто. Унижать героя, который служит ей наложником, лишать его силы, прилюдно оскорблять, выставя зависимым, скованным, боязливым, потерявшим голову, нелепым,

было тем самым триумфом, которого она домогалась. Все трепетали перед Гераклом, но Геракл трепетал перед Омфалой. В процессиях царица выступала впереди, облаченная в львиную шкуру, она несла палицу, а герой следовал сзади, осрамленный и счастливый, в женском платье и покрывале. Она принуждала Геракла к домашним работам, и этот гигант, который победителем прошел по всем дорогам мира, старался управиться с веретеном и пучком кудели.

Ах! Великая праматерь была, видимо, довольна, поскольку Омфала вела себя скорее не как любовница, а как властная и истеричная мать. Сказать, что Геракл был у ее ног, значит сказать мало; он был под ее ногами. По любому поводу, но преимущественно перед другими царями Омфала била его своей золотой сандалией. А он, сидя на полу, урчал, словно большой младенец. Геракл был наказан, стало быть, доволен. Наконец-то он больше не боялся ни змей, ни собственных ручищ, когда держал в них пряжу Омфалы.

**Новые подвиги Геракла. Его племянник Иолай.
Золотые яблоки. Пророчество Прометея.
Фетида. Судьбы и свобода воли**

Но ничто не длится вечно, даже наслаждение собственным унижением. После трех лет в рабстве у Омфалы Геракл, явно избавленный от своих страхов, покинул сумасшедшую любовницу. Он сделал ей троих сыновей, один из которых стал прародителем царя Креза, и вновь отправился на поиски приключений.

Неудачная любовь не обязательно пагубна. Она может быть и благотворна, если тот, кто от нее избавляется, вновь обретает самого себя, но улучшенного. Она сжигает в сердце взрослого то, что остается от детства.

Так произошло и с Гераклом. Он стал благоразумнее и рассудительнее. Освободившись от химеры, побуждавшей его ожидать от женщин защиты, которую на самом деле может дать только мужчина, он научился отличать подлинную враждебность от мнимой угрозы. Геракл вновь появился в мире, ничего не утратив из своих сил, способный отныне не только к индивидуальному подвигу, но также к руководству коллективными действиями.

Он теперь неоднократно возглавлял мощные армии, чтобы дать конфликтам такую развязку, которой желали боги. И, прежде так часто и так тяжело страдавший от Немесиды, он в некотором роде стал ее подручным.

Геракл взял и разрушил Трою за многие годы до того, как Агамемнон и Одиссей повторили его подвиг. Он принял участие в войне против захватившего Спарту узурпатора Гиппокоона, сразил его и отдал город законным царям. Он вспомнил, что Авгий, царь Элиды, для которого он отвел реку Алфею и сделал плодородными его поля, разлив по ним конский навоз из конюшен, не только отказался заплатить ему обещанное, но еще и напал из засады. Геракл пошел на Элиду, захватил город, убил Авгия и посадил на престол более толкового государя.

Элида находится недалеко от моего святилища в Олимпии. Чтобы увековечить свою победу над Авгием и посвятить ее мне, Геракл учредил игры, которые вы все еще называете Олимпийскими.

Иолай, племянник Геракла и его самый верный товарищ по оружию, странствиям и приключениям, был первым победителем этих игр. Очень досадно, дети мои, что вы совершенно забыли об Иолае, поскольку, помогая Гераклу во многих его трудах, разделяя его успехи, опьянение и отчаяние, Иолай знал о своем дяде гораздо больше, чем кто-либо другой. Иолай, объединитель Гераклидов, сам был великим основателем, которому, среди прочих, обязана своим процветанием Сардиния. Он основал на этом острове многие города, в том числе Олбию. Туда он привлек гениального и изобретательного Дедала, заказал ему огромные сооружения и в конце концов удостоился заслуженного почитания.

Геракл, со своей стороны, совершил все, что может совершить полубог, и подал людям пример отношения к трудам. Чтобы сделать совершенной свою судьбу, ему оставалось осуществить последний, двенадцатый подвиг, на первый взгляд самый простой, однако са-

мый сложный из всех. Его послали за плодами гесперид на край света.

За время своего рассказа я уже неоднократно говорил вам о золотых яблоках. Они росли, как я упоминал, на западе от Ифрикии, в садах, доверенных моим дочерям гесперидам; стволы деревьев, на которых они зрели, были обвиты змеями, последними змеями, с которыми Гераклу предстояло столкнуться.

Для того, кому важна лишь оболочка вещей, золотые яблоки были, очевидно, апельсинами, мандаринами и лимонами, которыми теперь завалены прилавки ваших рынков. Но для того, кто пытается распознать суть вещей и их глубинный смысл, эти яблоки солнечных цветов, с формой вселенной, произраставшие на границах погибшей Атлантиды, содержали в себе секреты Жизни, Знания и Мудрости.

До Геракла эти секреты принадлежали только богам, и любой смертный, который пытался проникнуть в них, был немедленно осужден со всем своим родом на вечные несчастья. Однако Геракл был полубогом. Одна часть его сущности давала ему право на доступ к высшему знанию, другая — нет.

— Принеси мне три золотых яблока, — приказал ему царь Эврисфей.

Прежде чем исполнить приказ, столь явно приводивший к столкновению обеих частей его естества, Геракл решил посоветоваться с Прометеем. Кто, в самом деле, лучше, чем великий прикованный предок, былой бунтарь, похититель молнии, первый и опасный начинщик приобщения людей к божественным секретам, мог вразумить того, кто был одновременно и его, и моим потомком?

Итак, Геракл стал взбираться по склонам Кавказа. Долгие эры страданий состарили Прометея. Его волосы побелели, как снега Азии, лицо уподобилось ска-

листому кряжу, но глаза по-прежнему имели серебристый отблеск горных ручьев, а мышцы под бронзовыми оковами сохранили свою мощную выпуклость. Он уже не проклинал, не кричал, не изрыгал брань или угрозы; он продолжал терпеть и страдать, не умоляя, не унижаясь. Ах, Прометей, думаю, если бы ты отсекся от себя, я бы тебе этого никогда не простил!

Они проговорили всю звездную ночь. Геракл был приобщен к тайнствам земли Деметрой, к тайнствам души — Дионисом; Прометей приобщил его к тайнствам огня. Геракл узнал также, каким путем ему предстоит добираться до сада гесперид и какие опасности нужно будет преодолеть.

Потом, когда на заре стали блекнуть звезды, Прометей начал пророчествовать:

— Ребенок, которого родит Фетида, будет сильнее своего отца. Если Зевс соединится с Фетидой, сын отнимет у него владычество над миром.

— Должен ли я предупредить об этом Зевса? — спросил Геракл.

Прометей не ответил. Его светлые глаза, устремленные к облакам, уже завидели черное пятнышко в самой вышине зари: это приближался орел его каждодневной муки.

Геракл спустился с Кавказа в задумчивости и смущении. «К чему это пророчество? И зачем было высказывать его предо мной? Может, чтобы я передал его Зевсу, чью милость Прометей хочет заслужить, не прося его ни о чем? Или же он пытается найти через меня новых союзников для нового бунта, от которого ждет освобождения? Должен ли я сказать или промолчать? Должен ли я сообщить богам, должен ли уведомить людей? И каково веление Судеб? В самом ли деле они решились на смену царствования? Как различить, какой поступок согласуется с их волей и

какой — противоречит ей? И почему именно мне выпало бремя такого решения?»

Одним из самых суровых испытаний для Геракла, пока он спускался по склонам Азии, стал выбор правильного решения. До этого он лишь подчинялся приказам; на сей раз ему предстояло сделать собственный выбор; поступок зависел только от его воли.

Спустившись к подножию Кавказа, он принял решение.

«Сказанное в первую очередь касается нашего отца Зевса. Не сообщить ему значило бы способствовать осуществлению пророчества. Могу ли я жаловаться на Зевса? Могу ли упрекать за то, что он меня породил? А что станет со всеми моими трудами при другом владыке? Нет, я не стану пособником того, что ему угрожает».

И он велел передать мне Прометеево прорицание.

Настал мой черед призадуматься. Фетида! Я был весьма далек от мысли, что она может таить для меня угрозу, но зато был весьма близок к тому, чтобы ответить на ее призывные взгляды. Переглядываясь, мы уже обо всем договорились.

Дочка старого Нерея и очаровательной Дориды, Фетида (не стоит путать ее с Тефидой, ее теткой, супругой Океана, титанидой) была предпоследней из семидесяти семи nereид и, без сомнения, самой красивой, самой обворожительной, самой взбалмошной, самой страстной. А также самой честолюбивой, хотя в глаза это не бросалось.

Все боги за ней ухаживали; она отвела всех, то обескураживая их, то дурача, то уязвляя. Мой брат Посейдон двадцать раз гонялся за ней на своей морской колеснице, и двадцать раз эта проворная волна ускользала от него, оказавшись быстрее, чем его кони

и тень трезубца. Однако сам я встречал ее беспрестанно, она будто нарочно оказывалась на моем пути, и отнюдь не враждебная или напуганная, совсем даже наоборот. То она купалась, распустив волосы по волнам меж двумя молами порта, который я явился торжественно освятить. То оказывалась красивой торговкой на рыбном рынке. То плескалась пальцами в фонтане, из которого я утолял жажду. То возле какой-то деревни на отшибе медленно шла с веретеном в руке, закутав голову покрывалом. То задумчиво сидела на ступенях храма, построенного на высоком мысу. Фетида обладала даром, искусством и вкусом к перевоплощениям. Стоило мне спросить дорогу у юного пастушка, что следил за своим тонкорунным стадом, обратившись лицом к морю и опираясь о свой высокий посох, как ко мне оборачивалась смеющаяся Фетида, чья юная грудь проступала из-под пастушьего плаща. Мы присаживались ненадолго друг подле друга; она опиралась затылком о мое колено, поднимала ко мне свои продолговатые сине-зеленые глаза, отражавшие небо, и подставляла уста цвета абрикоса.

— Хочу быть только с тобой, буду только с тобой, — шептала мне она.

И запускала в мою бороду точеные нежные пальчики.

Трудно сопротивляться столь очаровательным авансам. А впрочем, зачем сопротивляться? Я не ждал ничего дурного от таких легких увлечений. Если бы не мои многочисленные заботы да не упрямая слежка Геры, я бы уже наверняка насладился ею. Если бы я и вернулся опять к богиням и нимфам, оставив своих дорогих, требовательных смертных, то, без сомнения, лишь ради Фетиды. Она походила на возлюбленных моей юности, или же я льстил себе, что она на них по-

хожа. Она была нечаянным цветком, распутившимся накануне осени, иллюзией апреля посреди моего октября. Я следил за ее расцветом и вот-вот собирался его сорвать...

И тут от Геракла приходит Прометеево прорицание. Да, я призадумался, а потом стал раздраженным или, скорее, несчастным. Стоит ли доверять этому пророчеству? Не таит ли оно какую-нибудь новую ловушку, подстроенную моим изобретательным кузеном? Столь неожиданная забота осужденного о своем судье казалась мне весьма странной. Надо ли думать, что Прометей по прошествии стольких веков пришел к другим чувствам, нежели ревность, ненависть и желание отомстить? Надо ли думать, что вопреки цепям и мукам Прометей в конце концов принял мировой порядок таким, какой он есть, и даже решил способствовать ему из своих оков? Ведь иначе, если он и вправду считал свое предсказание верным, ему достаточно было промолчать и подождать немного.

А Фетида? Накануне она была в моих глазах лишь приятным обещанием, забавой, украшением жизни. Теперь, когда она представляла собой возможную угрозу, когда на нас обрушился запрет, она стала мне просто необходимой. Обдувавший меня ветер нес аромат волос Фетиды. У кобылицы с развевающейся гривой, прискакавшей из глубины равнин, были удлиненные глаза Фетиды. Фетида была повсюду, потому что не шла из моей головы.

В конце концов, Прометей мог и ошибиться. Он отнюдь не безупречный предсказатель. У меня были сыновья от самых высоких богинь, от самых пылких нимф, от самых амбициозных земных женщин, и ни один никогда не проявлял ни способности, ни желания свергнуть меня. Чего же мне бояться от ребенка, которого может подарить мне хрупкая nereida?

И даже если опасность существует, почему бы не встретиться с ней лицом к лицу? Разве я, царь богов, не способен превозмочь запрет?

Я вовремя заметил склон, на который ступил. Если и была западня, то именно здесь, и я сам себя в нее загонял. Я собирался совершить ошибку такого же рода, как и та, за которую был осужден Прометей.

Нет! Каким бы царем я ни был, я не притязал на то, что могу по своей прихоти отвратить предупреждение оракула, отменить объявленную неизбежность и повернуть в свою пользу всемирное равновесие.

Или я соединюсь с Фетидой и потеряю свою державу, или откажусь от Фетиды и останусь царем. Мне не нужно было, выбрав одну из частей, дожидаться осуществления другой.

У меня был выбор.

Меня не без причины называют осторожным Зевсом. Я остался царем.

Ах, Прометей, Прометей, какую великую услугу ты мне оказал! Ты, бог человека, ты, суть человека, открыл мне благодаря своим человеческим глазам, что любой ненужный поступок порождает опасность и что нам надо сохранять меру в отпирании наших самых естественных потребностей.

Нуждался ли мир в лишнем боге? Все стояло на своих местах. Герои, наполовину боги, наполовину смертные, были, конечно, необходимы народам земли, но не новый бог для Вселенной. Тот, которого я породил бы с Фетидой, был бы богом бесполезным, а стало быть, пагубным. И равновесие, нарушенное его появлением, могло бы быть восстановлено лишь после гигантской смуты и моего собственного исчезновения.

Да, Прометей, ты вразумил меня, чтобы я вразумил твой собственный род, единственный, способный со-

знательно согласиться с мыслью, что мы должны ограничивать наше размножение, чтобы не разрушить с трудом достигнутую гармонию.

И еще ты с твоей человеческой памятью напомнил мне о необходимости жертвоприношения, то есть добровольного отказа от части того, чем обладаешь. И если наш удел — власть, не обязательно приносить в жертву быка; гораздо чаще приходится жертвовать любовью.

Но главное, главное, Прометей, ты с твоим знанием людей научил меня свободе — этой способности постоянного выбора между двумя неизбежностями.

До пророчества, которое ты сделал для меня, все оракулы, и особенно оракулы Великой праматери, говорили более или менее ясными словами: «Сделай это... Следуй этим путем... Соверши такой-то поступок... Не совершай такой-то...» Либо запреты, либо приказы. Твой же оракул, Прометей, звучал иначе и обладал новым смыслом. «Если ты сделаешь это... Если ты сделаешь то... Ты можешь сделать либо то, либо другое. Знай лишь, к чему это приведет. И осуществи как можно правильное свою свободу выбора».

Человек, двоюродный брат мой, ты только что сделал дар богам — подарил свободу воли и ее воздействие на Судьбы.

Что я вам говорил, дети мои, а также Прометеевы, что я вам говорил раньше о Судьбах? Что они — неизбежное в беспрестанном творении. Не слепой случай, не непреложная предопределенность. Не абсолютная предрешенность, не вседозволенность. Нет рока или свободы, нет предопределенности или воли. Противопоставлять эти слова — значит сталкивать между собой то, в чем нет противоречия. Как есть небо и земля, мужское и женское, мука и дрожжи, так есть предопределение и воля, рок и свобода.

Вы не можете, дети мои, ждать от замешанного теста, что оно станет чем-то иным, нежели хлебом. Рок — это тесто. Но только от вашего выбора и от ваших рук зависит, поднимется оно больше или меньше, будет ли каравай круглым, или продолговатым, или плоским, как лепешка, будет ли он весом в унцию или фунт. Форму судьбе придаете вы сами.

Это сотрудничество воли и судьбы и есть вклад человека в работу богов.

Отныне Прометей мог быть освобожден.

**Бракосочетание Фетиды.
Освобождение Прометея. Туника Несса.
Костер Геракла**

Чтобы уберечь себя от всплеска какого бы то ни было желания к Фетиде и не быть обманутым очередным из ее хитроумных перевоплощений, а также чтобы она не смогла соединиться с каким-нибудь другим богом, я поспешил выдать ее за смертного. И выбрал ей в супруги Пелея, царя Фессалии, которого Фетида, конечно, отвергла с крайним возмущением.

— Подумаешь! Возьми ее силой, — велел я передать Пелею.

Ему удалось загнать проворную nereиду в какой-то морской грот. И там, на ложе из гальки, ей пришлось уступить. А когда этим несколько грубоватым образом союз был заключен, я приказал как можно пышнее отпраздновать свадьбу Фетиды и Пелея на Олимпе, созвав на нее всех богов. Будущему предстояло доказать, что пророчество Прометея оказалось весьма точным (о, насколько!) и ребенок, рожденный Фетидой, действительно стал сильнее и могущественнее своего отца. Сына, которого она носила, назовут Ахиллом. Представьте себе, что бы я делал со столь храбрым, обидчивым, вспыльчивым и буйным богом, как этот герой!

Тем временем Геракл вернулся из сада гесперид. По пути он освободил Аравию от некоего злобного властителя Эматеона, который называл себя сыном

зари, убил Бусириса, тщеславного и жестокого фараона, чье ненавистное правление навлекло на Египет сто лет голода и невзгод, задушил гиганта Антея среди ливийских песков. От Атласа Геракл узнал науку о небе и светилах. И не стал бороться со змеями, охранявшими священные деревья. Теперь он был уверен в себе и попросту их усыпил.

И он принес золотые яблоки.

Плоды подспели в подходящий момент и показались мне самым удачным даром для первой свадьбы богини и смертного. Но когда подносили корзину Фетиде, спутница Ареса Эрида, дух Раздора, схватила одно из яблок и бросила в гущу собравшихся, крикнув: «Прекраснейшей!» Она не уточнила, кого призывает к соревнованию — богинь, женщин или нации. Но из этого впоследствии достаточно драм, о которых я догадывался с самого начала.

По моему знаку Афина поспешно собрала священные плоды. Я пообещал, что Гефест отольет из чистого золота точь-в-точь такое же яблоко, как то, что бросила Эрида, а спор повелел перенести на потом. Но мне кажется, что он все еще не закрыт и что трофей продолжает переходить из рук в руки, от народа к народу...

Я вручил корзину Гераклу и сказал ему:

— Отнеси эти плоды туда, где ты их взял.

Он нисколько не удивился, не ворчал, не выказал ни малейшего недовольства при мысли о том, что его великие усилия и великое путешествие оказались напрасными.

Двенадцатый подвиг был исполнен им лишь ради того, чтобы доказать, что это возможно. Это был подвиг в чистом виде, единственная цель которого — облагородить того, кто его свершал, кто исследовал и откры-

вал границы возможного на путях к высшему знанию, которое не может быть использовано.

Более конкретные дела Геракл осуществил попутно.

— На обратном пути, — добавил я, — заверни на Кавказ, ибо время пришло.

Так что он отправился возвращать гесперидам священные яблоки. Теперь это был безмятежный странник, которого повсюду встречали знаки всеобщего почитания. О приближении Геракла сообщали заранее, торопились ему навстречу, сопровождали его шаги фимиамом и восхвалениями, повсюду демонстрировали благодатные последствия его былых трудов.

На обратном пути он опять двинулся вдоль Черного моря и, медленнее, чем прежде, поскольку дышал тяжелее, начал преодолевать горные отроги Азии. Да, Геракл шел не так быстро, но смотрел шире, и никогда прежде мир не казался ему таким прекрасным. «Неужели это мой последний поход?» — думал он.

Вместе с зарей Геракл достиг вершины Эльбруса. Орел, пожиратель печени, как и каждое утро в течение стольких тысячелетий, уже спускался к Прометею, делая спокойные круги.

Геракл отбросил львиную шкуру за плечо, наложил стрелу на тетиву своего лука и убил птицу. Потом единственный смертный, способный разорвать сработанные богами оковы, уперся ногой в стену, напрягся и вырвал из скалы бронзовые цепи. Он не услышал ни слова благодарности, но увидел, как из-под иссушенных век его предка вытекли две тяжелые слезы, отразили на миг утреннее солнце и канули в глубь грузинских ущелий.

Потом, по-прежнему молча, но удивляясь, что еще не научился ходить, Прометей, перекинув свои цепи

через плечо, словно полу плаща, направился, шаг за шагом, к Олимпу. Он остановился предо мной. Его бок был перечеркнут длинным шрамом. Мы не произнесли ни слова. Я указал Прометею на его прежнее место, чтобы он сел. И я понял в тот миг, что мы никогда не переставали любить друг друга.

Сравнины, шурясь, чтобы выдержать блеск нашего света, на нас смотрел Геракл. Он выполнил свое последнее задание.

Да, только ему, и никому другому, ни Ясону, ни Тесею, ни даже Дедалу, а только Гераклу, герою двенадцати трудов, должна была выпасть честь и забота освобождения Прометея.

Не только потому, что он передал богам Прометеево послание, но также и потому, что каждый из его подвигов был для человека знаком, доказательством или обещанием освобождения.

Немейский лев, хоть и лев, конечно, был также олицетворением звериной жестокости, которая таится в вашей природе и толкает вас истреблять друг друга. В Лернейской гидре вы узнали, конечно, болотную лихорадку, но узнайте также в сотне ее голов лихорадки зависти, ревности, ненависти, которые вас иссушают и пожирают. Керинейская лань представляет вам вашу бегущую трусость, а Эриманфский вепрь — вашу неумеренную прожорливость. Коровы Гериона тащились неспешным шагом лени, а в полете Стиμφалийских птиц вы могли различить образ ваших суетных амбиций и безумство гордыни.

Разлив по скудной земле навоз из Авгиевых конюшен, Геракл научил вас не только бороться с грязью и нерадением, но также жить плодами своих полей, а не грабежом соседских. Сормив Диомеда его коням, он научил вас избавляться от дурных царей, а похитив у амазонки Ипполиты подаренный Аресом пояс,

отучил вас драться за обладание женщинами. Своей победой над Критским быком он вам показал, как уничтожать плохие или выродившиеся культы. А осилив в Преисподней пса Кербера, он на самом деле укротил страх смерти.

Геракл ведь и впрямь постоянно боролся с главными человеческими слабостями и пороками, вложенными в него. И важность его заслуги даже не в том, что он их победил, а в самом желании сразиться с ними. Он был настоящим Человеком — способным превозмочь судьбу.

Гераклу оставалось лишь достойно умереть, что было отнюдь не самым легким делом. Этот колосс, который противостоял великанам и чудовищам, стихиям и армиям, бедствиям и порокам, казался неистребимым — ножницы Атропос зазубривались о его нить.

Женщина производит мужчину на свет, она же приводит его к гибели, если он слишком сопротивляется смерти. Чтобы покончить с Гераклом, потребовалось вмешательство любви или, скорее, ее дурной разновидности — любви эгоистичной, негативной, пустой, требовательной, собственнической, стесняющей. Такой любви, в которой как раз любви-то и нет, которая к настоящей любви имеет такое же отношение, как матрица к медали.

Мойрам помогла Деянира. Она была сестрой Мелеагра, с которым Геракл подружился среди мертвых, когда спускался в Преисподнюю.

— Когда вновь поднимешься на землю, передай от меня привет моей сестре. Сам увидишь, как она красива!

В самом деле, Деянира была так красива, что Геракл женился на ней. Но вот однажды, когда они переправлялись через реку Эвен, кентавр Несс, которого Геракл приставил к этой реке перевозчиком, захотел силой

овладеть Деянирой. Геракл пронзил его стрелой. Несс, умирая, шепнул Деянире:

— Намочи ткань в моей крови. Если когда-нибудь Геракл захочет бросить тебя, дай ему надеть ее. И ты вновь обретешь всю его любовь.

По крайней мере, позже Деянира утверждала, что расслышала именно это.

Она собрала и бережно сохранила эту кровь, которая в ее глазах была доказательством любви. Ради нее, Деяниры, убили и умерли. И какой убитый, и какой убийца! Один — исполин, полуконь-получеловек; другой — герой, получеловек-полубог!

Когда Геракл вернулся к своим трудам и Деянира стала видеть его долгими часами в задумчивости, молчаливым, отрешенным от всего, казалось, даже от удовольствий, она почувствовала себя обиженной, брошенной, недооцененной. А ведь она так надеялась на это время возвращения, надеялась, что муж наконец будет полностью принадлежать ей одной! Она не знала, что герои не у дел редко бывают веселы. Геракл был при ней, но казался отсутствующим. Быть может, он горевал, что больше ему не с кем сражаться? Быть может, сожалел о прекрасной статуе, которую Дедал когда-то вылепил с него? Геракл испугался своего собственного изображения, опасаясь, что оно принесет ему несчастье, и разбил статую. Быть может, думал о Мегаре, об Омфале, о своих первых женах, о своих бесчисленных любовницах... Порой он бросал на Иолу, прекрасную пленницу, привезенную из походов, такой взгляд, который Деянира не могла стерпеть. Но могла ли она стерпеть хоть один взгляд, обращенный не на нее?

Однажды, собираясь посвятить мне жертвенник, Геракл попросил новую одежду. Деянира дала ему тунику, которую вымочила в крови Несса. Едва надев

эту тунику, он ощутил по всему телу ужасное жжение. Геракл хотел было сорвать ее с себя, но ткань прилипла к коже и срослась с ней; вместе с тканью он сдирал и лоскутья кожи.

Ни вода, ни масло, ни мази — ничто не помогало; ничто не могло исцелить раны Геракла или хотя бы умерить его страдания. Любое прикосновение заставляло его стонать; делать он ничего не мог, лежать тоже не мог — это становилось пыткой; сон был ему заказан. Боль истощала его силы, он уже не думал ни о чем, кроме нее.

Кровь Несса была отравлена, и яд проник в кровь самого Геракла. Но, как я вам уже неоднократно говорил, вещи существуют не только сами по себе, они также являются значением других вещей в других разрядах. Ужасная туника воплощала собою также утрызения совести. Деянира облачила убийцу кровью его жертвы. Для Геракла это было искуплением вины. Он помнил всех, кого сразил, уничтожил — иногда по необходимости, но часто без всякого проку. И теперь все эти прерванные жизни осаждали и пожирали его.

Когда Деянира поняла, что помогла уничтожить того, кого любила, она потеряла рассудок и покончила с собой.

Но Геракл по-прежнему невыносимо страдал и знал, что не может прекратить эти страдания. Туника Несса была также кое-чем третьим: старостью, ужасной мукой оттого, что жизнь прожита, — этой проказой, что наиболее болезненно разъедает тех, кто был самым активным и сильным.

Чтобы покончить со своими муками, а также чтобы остаться верным самому себе, Геракл покинул свое жилище и ушел в горы. Его сопровождали только племянник Иолай и друг Филоктет. Они поднялись на гору Эта, что между Фессалией и Македонией, неподалеку от Фермопил. Добравшись до вершины, Геракл

терпеливо сложил огромный костер и лег на него. От дружбы он ждал последней услуги: попросил Филостета разжечь огонь.

Могучий Геракл умер добровольно, не из страха перед жизнью, но из отказа славеть. Это была его последняя победа.

Дорогие сыновья, я ждал его там! Когда его охватило пламя, я бросился к нему, вырвал из огня его тяжелое постаревшее тело и отнес на Олимп. И я даровал ему зрелость вместе с бессмертием. В вашей памяти Гераклу всегда будет сорок лет.

Благодаря Гераклу та эра была отмечена примирениями. Я смог убедить Геру оставить враждебность по отношению к моему чудесному незаконному сыну. Представил его как исполнителя пророчества, сделанного ею во время войны с гигантами, и сказал, что он и есть тот сын от смертной, который должен был помочь нам очистить землю от напастей. Я даже добился от Геры, чтобы она согласилась дать Гераклу в божественные супруги нашу дочь Гебу.

Таким образом, Геракл в бессмертии соединился с вечной Юностью. Этот брак стал его наградой и как будто окончательным искуплением. Разве способность сохранять молодость не есть ваша самая главная надежда и ваше самое чудесное завоевание?

Опираясь на палицу, склонив на львиную шкуру свою рыжую бороду, Геракл взирает на вас с высот Олимпа и времени — на вас, люди, на вас, его братья, — и улыбается вашим свершениям. Обычно он держится рядом с Прометеем; их объединяет молчаливая вечная дружба. В память о своем наказании и избавлении Прометей носит на пальце кольцо, сделанное из бронзового звена его цепи, в которое вставлен камень с Кавказа.

Столь решительно удалив Фетиду, я не испытывал от своего отказа меньше горечи. Столь обдуманно отдав Гебу Гераклу, я не испытывал меньше грусти. За-мужняя дочь, неудавшаяся любовница; у меня стало пустовато на сердце. Любовь, которой отдаешься, или которой сопротивляешься, или которой хотя бы благоприятствуешь перед прочими, — всегда причина для беспокойства.

Признаюсь, меня донимало беспокойство. Разве риск, открывшийся в том, что касалось Фетиды, не таился во множестве других нимф или богинь?

И я также ломал себе голову, кого призвать отныне к столу богов, чтобы разливать амброзию и одаривать улыбкой вечной юности. Кто, не слишком похожий на Гебу, но очень напоминающий ее, незаметно окружит меня своими заботами и как отца, и как любовника?

Ответ я, в который раз, нашел среди людей.

Ганимед, потомок Электры Самофракийской через Дардана и, стало быть, один из моих прапраправнуков, пас в Троаде стада своего отца-царя. За исключением фригийского колпака, из-под которого выбивались его золотистые кудри, ничто больше не скрывало его наготу. Ему было восемнадцать лет. Ни один смертный никогда не будет столь же красив. Совершенство черт, поступи и тела, блеск глаз под опущенными за-

гнутыми ресницами, линия губ, соразмерность плеч и бедер, стройность длинных мускулистых ног, упругая кожа, гладкая и нежная как шелк, — нет, никогда ни один смертный не сможет сравниться с ним.

Свою пастушью работу он выполнял довольно рассеянно. Другие мечты, столь же властные, сколь и смутные, обитали в нем. Он грезил о лазури и высоте, о лучезарной славе, но еще не знал в себе ни призвания, ни особых дарований. И трепетал от желания, общего у всех юношей: жить в вечной высоте, избежав заурядностей человеческого удела. Он с восхищением смотрел на орлов, круживших над холмами Троады.

Однажды один из этих долго паривших орлов опустился рядом с Ганимедом. Молодой пастушок ничуть не испугался. Он приблизился к огромной птице, которая сама наблюдала за ним своим грозным глазом, склонив голову набок, погладил орлиные перья, блестящие, словно клинки, запустил пальцы в пух на шее. Расслабился, прижавшись к его спине. Мы приручали друг друга.

Так же как я быком похитил Европу, я царственным орлом похитил Ганимеда и, громко хлопая крыльями, клювом разрывая облака, гордо отнес мальчика на Олимп. Его юное сердце, каждое биение которого я ощущал, стучало от восторга и гордости гораздо больше, чем от страха.

Царю Тросу, отцу Ганимеда, я поднес в дар золотую виноградную лозу — произведение Гефеста, а также двух великолепных коней для его колесницы. Царь Трос не оплакивал своего сына. Он был тщеславен и любил покрасоваться в колеснице.

Я сделал Ганимеда кравчим богов. И часто приглашал его разделить со мной мои ночи.

Тут вы, сыны мои, сразу же начинаете насмехаться, злословить, дескать, наш-то отец Зевс со своей полуседой бородой, тяжелыми плечами, округлившимся

брюшком был отъявленный негодяй и гадкий растлитель, скатившийся в зрелом возрасте к отвратительным порокам. Ни одно из моих увлечений не доставляло вам повода изрекать столько глупостей.

Во-первых, напомним вам, что гнусность происходит не столько от самих поступков, сколько от того, как их совершать. Совершая на двух ложах одни и те же движения, с одного вы встанете облагороженным, а с другого — перепачканным грязью.

И потом, поймите, я ведь только что безвозвратно распрощался с юностью, с собственной юностью, и мне было приятно, утешительно любоваться ее образом в своем потомке. Да и устал я, той усталостью, которая вам хорошо знакома. Устал от гневных выходов Геры, от ее попреков и так дорого стоивших мне мщений, устал от гордости и требований богинь и нимф, устал от своих смертных любовниц и их глупостей, устал вечно внимать одним и те же жалобам и рыданиям после того, как выслушивал одни и те же признания и иллюзии. Настает момент, когда само разнообразие становится однообразным. От какой новой любовницы я мог ожидать, что она не будет похожа ни на Метиду, ни на Фемиду, ни на Майю, ни на Плуту, ни на Лето, ни на Леду, ни на Ио, ни на Европу? Какая хоть одной своей стороной не будет похожа на Память?

Да, я устал вновь находить в каждой из них повторение нрава Великой праматери: желание быть центром Вселенной, влажное умиление, вздорное бешенство, вечную ненависть к тому, кто ее оплодотворяет, и при этом требование беспрестанного оплодотворения. Я устал от яйца ночи.

Почему бы, в самом деле, не уделить тот же интерес, то же внимание, те же порывы мужскому началу и лучше познать себя, любя себя в нем? Ведь вы, един-

ственные среди других существ, можете отделить любовь от продолжения рода, так почему же вы налагаете запрет на мужские склонности? Это дело выбора, а не закона и особая область вашей свободы. Какая разница, что тело больше не самоцель, если оно становится подпоркой ума! Рядом с мужским началом вы порождаете мысли. Перед вами уже не противоположный, темный, смутный и всегда более-менее враждебный элемент, но тождественный вам и отличный от вас ровно настолько, чтобы вы почувствовали себя дополненным, совершенным. Это согласие между ухом и устами, между словом услышанным и высказанным, между тем ответом, которого вы желали, и тем, который получили; и вот так, от звука к звуку, от слова к слову, идеально воссоздается вселенная на двоих. Боги, сыны мои, как и вы, натуры творческие и, подобно вам, нуждаются в зеркалах.

В общем, я любил Ганимеда. Я был для него и любовником, и отцом, и учителем одновременно, как он сам был для меня любовником, сыном и учеником. Мой блестящий Аполлон и мой тяжеловесный Геракл предшествовали мне на этом пути, а за мной последовало сквозь всю вашу историю немало тех, кем вы восхищаетесь за подвиги или гениальность. Ахилл, Сократ, Платон, божественный Александр и божественный Цезарь тоже знали эту дополняющую любовь. Настоящие цари, завоеватели, стратеги, поэты, философы, зодчие — у скольких из них имелся собственный Ганимед! Всех перьев орла не хватит, чтобы пересчитать. Одно перо, с шеи, для Микеланджело, другое, маховое, для Леонардо... Если богиням и женщинам я являлся в облике змеи, быка, козла, победоносного полководца или дождя из золотых монет, то одному лишь Ганимеду я явил себя в облике царственной птицы, родственной солнечному ястребу.

Ганимед с алебастровой амфорой в руке подносит богам питье, которое позволяет им сознавать, что они боги. Он божественный кравчий, божественный Водолей. Я отдал в его ведение один из месяцев зодиака.

Однако вы сами, дети мои, скоро вступите в эру Водолея, эру Ганимеда. Эта эра, в которой торжествуют воздух и свет, прочит вам открытия, приключения ума, полеты в пространствах, исследование обратной стороны вещей, примирение через понимание и взаимное оплодотворение мужских умов.

Вот, дети мои, какие времена вас ждут, если вы выйдете невредимыми из завершающейся эры Рыб, этого века колебаний, нерешительности, неустойчивости, тонущего духа, слепоты в мутных водах бессознательного, жестокости — того века, в течение которого вы меня забыли. Именно в эре Водолея, завтра, вы по-настоящему узнаете, что божественны.

Последние влюбленности. Олимпия. Александр Великий. Юпитерианцы

Были у меня и другие влюбленности, но вызванные скорее ностальгией, чем новизной. Не буду вам рассказывать обо всех. Когда подходишь к концу длинного любовного списка, нет уже ни лиц, ни обстоятельств, которые не напоминали бы лица и обстоятельства прошлого; часто даже сами имена повторяются.

Расскажу вам только о Кирке-волшебнице, чародейке, дочери Гекаты и Гермеса. Эта царственная обольстительница обитала на побережье Лация, у подножия большой серебристой скалы, которая сохранила ее имя. Жилище ее, белое и безмятежное с виду, но все прорезанное тайными проходами и извилистыми лестницами, ломилось от богатств. Длинные золотые занавеси колыхались на окнах. Порог был из мрамора. Влажный песок, бархатный под нашими шагами, принимал в лунном свете медовый оттенок; море искрилось там, где терялись наши взгляды. Смех Кирки рассыпался жемчугом в ночи. Ах! Этот смех, ясный, неисчерпаемый, лившийся как песнь, омолаживая мир! Голос чаровницы был подобен золотым каплям.

Опасная Кирка, опасная для слабых мужчин! От хитроумного Одиссея, который тоже был ее любовником, но не стал рабом, вы знаете, каким скотом она заполняла свои стойла. На самом деле там были всегда лишь потерпевшие внутренне кораблекрушение,

те, что искали в дурной супруге или жестокой любовнице оправдания своим неудачам и падениям, причиной которых были сами.

Упомяну вам только вторую Леду, царицу Спарты, которая мечтала на берегу Эвроты о небе и воде, о мягкости и мощи, о похищении и объятии, о свете и ночи.

Говорят, какой-то моряк проходил там и застал ее в этих мечтаниях. Скорее всего, у него была походка вразвалку, как у птиц и людей моря, а полы его белого плаща, отброшенные назад, развевались, словно крылья.

Вторая Леда произвела на свет Елену, прекраснейшую из всех гречанок, супругу Менелая, любовницу Париса, Елену с пламенным лоном, но с пустой головой, которая от тщеславного глупца перешла к тщеславному трусу, Елену, которая стала причиной или поводом для Троянской войны. Но не слишком клеймите своим презрением ее, ее нелепого мужа и самолюбленного и самодовольного любовника. Вы обязаны им Гомером... и начиная отсюда вы знаете почти все.

Наконец, была Олимпия.

Под листвой моего святилища в Додоне, там же, где я повстречал Ниобу, мою первую смертную возлюбленную, я встретил и последнюю.

Эпирская царевна и священная танцовщица, Олимпия была отправлена, подобно Электре, на остров Самофракию, где я соединился с ней после двойного танца огня и змеи.

Она произвела на свет Александра Великого. Имя Александр означает «защищенный человек» или «защитник человека».

Как Эпаф, как Минос и столько других моих божественных бастардов, Александр имел земного отца, Филиппа Македонского. Как мой сын Дионис и мой

внук Асклепий были обучены Гермесом-Тотом, Александр был обучен Аристотелем. Как царь Аргос, Александр объединил под своей властью все города Греции; как Дардан, вступил в Троаду; как Дионис, углубился в Азию и дошел до реки Инд, повсюду сражаясь, пьянствуя и торжествуя. Как Аполлон, любил и женщин, и мужчин и никогда не был удовлетворен. Как Геракл, носил львиную шкуру, совершил тысячу подвигов, наметил своими походами через весь свет очертания будущих цивилизаций, но так и не успокоился. Он убивал, в гневе или опьянении, своих самых дорогих товарищей и оставался безутешен. Александр умер, сожженный лихорадкой, словно туникой Несса. Перед этим он повелел воздвигнуть свою статую среди олимпийских богов.

Александр был итогом, слиянием всех моих прочих сыновей, моим самым человеческим проявлением, Зевсом-человеком для окончания эры Овна. Идя в храм, он надевал тиару с двумя спиральными рогами. Он был завоевателем и законодателем, жрецом и царем. В течение двенадцати лет, то есть один мой оборот в небе, он осуществлял среди вас мою власть и за это время основал дважды двенадцать городов. В самом прекрасном, в Александрии Египетской, было собрано все древнее знание людей, оттуда вышло и ваше нынешнее знание.

Даже спустя двадцать четыре века память об Александре-боге все еще не забылась; его судьба восхищает вас и остается несравненной. Он был моим последним прямым потомком, и уж насчет его-то вы не можете сомневаться: он существовал.

Что не означает, будто моя порода иссякла. По-прежнему рождаются люди, похожие на меня, потомки моих любовниц или моих тайных бастардов, которые происходят из моей сути, из моего начала; они

будут рождаться, пока длится ваш род и блистает светило, носящее мое имя.

Эти люди возглавляют ваши восстания, поднимаются на ваши трибуны, направляют ваши битвы; и когда старому Крону не удастся их пожрать, вы принимаете их за царей. Они дают вам династии или устои ваших обществ.

Они родились, чтобы основывать и строить — города, законы, империи.

Или же они берутся воспроизвести человека и его вселенную в пропорциях здания, в тысяче книжных страниц, в мраморе, вырванном у Матери-Земли, в бронзе, добытой у Плутона. Они родились, чтобы создавать и воссоздавать.

Они гневливы, прожорливы, часто невоздержанны и хвастливы, обладают всеми теми недостатками, которые происходят от слишком сильного воодушевления. Но они влюблены в счастье и справедливость.

Самая большая опасность, которая им угрожает, таится в их стремлении объять необъятное.

Их отношения с дочерьми Великой праматери — всегда битвы. Они обманывают своих жен, бросают любовниц. Женщины, чтобы польстить им, чтобы польстить себе, величают их полубогами, пока считают, что могут удержать, но затем, оказавшись брошенными, обнаруживают в них сотни недостатков и тысячи низостей, чтобы утолить свою досаду.

Они сеют детей, которых тоже отличает общая черта: ощущение жизни как дара. А потому им требуется оправдать этот дар своими поступками.

Именно их вы называете Юпитеровым потомством.

После смерти моего сына Александра я еще несколько раз спускался к вам. Тогдашние люди могли заметить меня на улицах в сопровождении Гермеса или же Ганимеда; их взору предстал путешественник крепкого сложения, благородно одетый, с виду лет пятидесяти, в полном расцвете лет, идущий, положив руку на плечо молодого человека. Я смотрел на прилавки, вдыхал с былым чревоугодием запах мяса и потрохов, жарящихся прямо на ветру, отвечал отеческой улыбкой на приглашения гетер с порогов домов удовольствий, но особенно медлил у подмостей скульпторов и перед прениями в общественных собраниях. Многие прохожие приветствовали меня — без уверенности в том, что мы знакомы, но с чувством, что где-то меня уже видели. Однако не осмеливались заговорить, наверняка из-за печали, читавшейся в моих глазах.

Да, я был печален. Каждое свое путешествие я видел, как мельчают ваши лучшие цивилизации; видел, как затемняется в вас непосредственность ваших отношений со Вселенной. Конечно, вы еще продолжали приносить жертвы богам, но уже не понимали по-настоящему, зачем вы это делаете. Ваши жрецы, внимательные лишь к буквальному соблюдению обрядов, теряли свое достоинство деятельных посвященных.

В Египте я был свидетелем закрытия храмов; Имхотеп-Асклепий давно предрекал это. Я наблюдал, как Греция и вся империя моего сына Александра перешла в руки Рима. Я посетил Рим и встретил там людей предприимчивых, дельных, способных на высокие добродетели, но не на истинное знание. Несмотря на процессии и жертвоприношения, связь между вами и богами распадалась.

Все это было давно предсказано оракулами; но из-за того, что событие известно, объявлено, ожидаемо, оно не становится менее болезненным, когда происходит.

Я побывал в Афинах, чтобы послушать философов, основавших свою школу под сенью Портика*.

— О чем ты беспокоишься? — спрашивал меня Ганимед. — Ты же слышишь, они поют тебе хвалу и делают тебя центром своего учения.

— Мне не нравится, — отвечал я, — эта их манера обозначать меня родительным падежом от моего имени, называть меня «Диос»... от «Зевс»... Что мне делать с этой частицей? Зачем меня заставляют происходить от самого себя? Они еще знают, что говорят, но посмотри, как реагируют слушатели. Те принимают меня за некую идею. Скоро они примут меня за идола.

Гермес вмешался, стараясь меня успокоить.

— Отец, будут еще государи, которые произойдут от тебя; будут императоры, которые повелят чеканить твоё изображение на золотых монетах.

— Знаю, знаю; и будут также поэты, которые попытаются вложить слова в мои уста. Все это также предречено. И все же истинное знание надолго затем-

* Имеются в виду стоики, последователи Зенона Китийского, учившего в так называемом Расписном Портике (*Стоа Поикиле*), который и дал название течению.

нится, люди в самих себе будут портить мои и свои труды. Идемте, дети мои, пора возвращаться.

Итак, в один из летних дней, в самом конце эры Овна, я в последний раз пересекал Фессалийскую равнину среди сжатых полей, серебристых олив и виноградников, отягощенных черными гроздьями. Я сохранил для этой последней прогулки человеческое обличье, то, в котором обитает сознание. Греки, мои дорогие греки приветствовали меня при встрече: чашкой молока, каким-нибудь плодом, поклоном.

— Куда идешь, странник? — интересовались они.

— Возвращаюсь домой.

Хотя благодаря пророчеству Прометея я и остался царем, требовалось удовлетворить Судьбы и дать вселенскому равновесию какое-нибудь возмещение. Я не был свергнут, но мне надлежало укрыться на некоторое время, сделать вид, будто меня нет.

— Отец, — обратился ко мне Гермес, — что будет с людьми?

Мы покинули жаркую равнину; нас уже окружали зеленой прохладой густые леса, где со всех сторон журчали и искрились ручьи. Мы поднялись над зоной лесов и оказались среди луговых цветов, чья яркость оживлена холодом вечной и трудной весны: карликовых чертополохов с глубоким фиолетовым цветом, золотых лютиков, душицы, маргариток. Последними, что цвели на склонах Олимпа, последними, что сопротивлялись ледяному ветру высоты, были крошечные сиреневые анютины глазки, жмушдиесе у скалы, — хрупкие цветы, чей венчик с двумя глазками, словно нарисованными на лепестках, так похож на человеческое лицо.

— Отец, — повторил Гермес, — что с ними будет?

— Ты сам хорошо знаешь, учитель предсказателей, — ответил я.

— Они поместят божественное вне мира.

— Именно так; и они будут истреблять друг друга. А потом настанет день, когда их взор уже не будет застилаться кровью. Тогда они признают, что у мира нет понятий «снаружи» и «внутри»; они заметят снова, что нет ошибки и истины, но что истин много, и что они просто дополняют друг друга, и что худшая ошибка — считать истину единой. И они примирятся для совместных свершений.

— Когда же это произойдет, отец? — спросил в свою очередь Ганимед.

— В начале следующей эры, твоей эры, господин Водолей. А если не в этой, то в следующей. Ибо люди будут способны разрушить свое настоящее, но не свой род. Земля — планета людей, и люди еще не готовы исчезнуть. Но они могут прийти к слабости, убожеству, сократиться в числе, а могут достигнуть могущества и славы. Они вечно будут перед прометеевым выбором, а тот включает и имитацию свободы.

Мы поднялись еще выше и пошли сквозь белые туманы, похожие на клочья шерсти, выскользнувшие из пальцев невидимого стригалы.

— Отец, — продолжал Гермес, — может ли твоё знание быть передано людям?

— Да, когда один из моих потомков взберется по этому склону, чтобы подняться ко мне.

И я достиг вершины моего прекрасного Олимпа, моей мраморной горы с аспидной крышей, высотой в девять тысяч локтей. Олимп, мой заоблачный престол, увенчанный девятью вершинами и окруженный зеркалами никогда полностью не тающего снега. С него я так долго видел и еще так долго буду видеть встающее подо мной солнце. И там я заснул на две тысячи ваших лет, на время Рыб, и это было ночью богов.

Вот, дети мои, рассказ и завершен. Однажды, быть может, вы узнаете слова, что были сказаны под сосна-

ми Олимпа в день, близкий к моему пробуждению. Узнаете, как Прометей, Гермес, Ганимед и я, позаимствовав четыре человеческих голоса, обсуждали близ моего древнего святилища ваше ближайшее тысячелетие.

Пока же я хочу, чтобы вы услышали то, что может вам оказаться полезным.

Мифы — память мира.

Во всем, что кажется новым, стоит отмерять часть забвения.

Лучше мыслить, чем верить.

Воображать себя носителями некоей миссии — значит пребывать в большой самонадеянности и одновременно в опасном невежестве. Но отрицать предназначение собственной жизни — значит доказывать еще большее высокомерие и еще большую слепоту. Родиться — значит получить предназначение; жить — значит исполнить его.

Один — понятие деления и противопоставления, но не совокупности. Утрата этой очевидной мысли или ведет человека к массовым убийствам, или загоняет его в пустыню.

Неважно, как вы обозначаете Зевса; главное, чтобы он присутствовал среди постоянных величин вашего сознания.

Ведь я не что иное, дети мои, как упорядочение бесконечного.

*Ираклион, июль 1962
Тезе-ла-Ромен, сентябрь 1967*

Содержание

Продолжение	7
Седьмая эпоха. ДЕТИ ГЕРЫ	9
Начало свадебного путешествия. Гефест.	
Его рождение и его уродство. Его падение в волны	11
Прорицание Реи. Рождение Илифии. Храмы Пестума.	
Обязанности Илифии	14
Брошь Тефиды. Гефест занимает место среди богов.	
Его нрав и труды	17
Продолжение путешествия. Рождение Гебы, богини юности. Рождение Ареса	22
Исчезновение гигантов. Поиски травы, дающей неуязвимость	25
Задиристость Ареса. Битва с гигантами и Алоадами.	
Их разгром. Запертый Арес. Увенчанный Гефест.	
Прорицание Геры	28
Нрав Геры. Вспышки ее ярости. История Тиресия	37
Бракосочетание Гефеста и Афродиты	42
Восьмая эпоха. ДРУГИЕ БОГИ ДЛЯ ЛЮДЕЙ	45
Лето. Остров Тасос. Гера преследует Лето своей мстью.	
Рождение на Делосе Артемиды и Аполлона	47
Природа и нрав Артемиды. Ее подвиги и предметы ее ненависти. Эфесская статуя	54
Аполлон убивает змея Пифона. Учреждение Дельфийских игр и оракула. Природа и задачи Аполлона	59
Марсий	64
Любовные приключения Аполлона. Его успехи и неудачи. Нимфа Дафна	67

Дельфийская статуя	72
Майя и Аркадия. Рождение Гермеса	73
Гермес похищает стадо Аполлона. Изобретение лиры.	
Гермес среди олимпийцев. Обмен лиры на кадуцей	76
Гермес — божественный гонец. Его универсальная роль	82
Девятая эпоха. ПОХИТИТЕЛЬ ПРАХА	89
Освобожденный Арес. Его утечи с Афродитой.	
Мсть Гефеста и злодеяния Ареса	91
Первые человеческие расы	98
Требования Прометея. Два кувшина. Ящик бед	100
Торжество Прометея. Людские заблуждения.	
Забвение благочестия. Лживая жертва	106
Похищение огня	112
Наказание Прометея	117
Сотворение Пандоры. Пандора и Эпиметей	122
Десятая эпоха. ТИФОН, ТАНТАЛ И ПОТОП	127
Зловредность Геи. Нападение Тифона. Бегство богов ...	129
Судьба Египта	134
Битва с Тифоном. Время бессилия	137
Хитрость Гермеса. Одураченная Дельфина и возвращенные сухожилия. Поражение Тифона	141
Возвращение на Олимп. Выздоровливающий мир	145
Плуту. Малая Азия. Зачатие Тантала	149
Нрав Тантала. Его богатство. Кража Золотого пса.	
Похищенная амброзия	153
Бессмертие	157
Танталов пир	162
Воскрешение Пелопа. Судьба Атридов.	
Танталовы муки	167
Людоедство	170
Сыновья Ликаона	173
Падение Фазтона. Погибшее светило	177
Девкалион. Пророчество Прометея. Постройка ковчега. Потоп	183

Одиннадцатая эпоха. НОВАЯ РАСА, НОВЫЕ	
ЛЮБОВНЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ	191
Вселенское равновесие и понятие единого бога	193
Немесида и Тихе. Немесида становится Ледой.	
Диоскуры. Кастор и Поллукс. Время Близнецов	200
Пятая раса	207
Ниоба. Рождение Аргоса. Додонский оракул	212
Ио. Гнев Геры. Гермес обманывает бдительного	
Аргуса. Скитания и роды Ио	215
Народ Ханаана. Европа и Бык. Похищение	224
Минос и Крит. Процветание критской державы. Гефест	
и Афина. Происхождение афинских царей. Дедал	229
Братья Европы. Основание Карфагена и Фив. Время	
Тельца	234
Двенадцатая эпоха. ПОСЛЕДНИЕ БОГИ	237
Среди людей. Встреча с фиванкой Семелой. Новые	
коварства Геры	239
Дионис. Его опасное детство. Виноградная лоза	
и опьянение. Свита вакханок. Кругосветное	
путешествие и освободительная роль Диониса	245
Дионисийские женщины. Антиопа, Электра	
и Даная среди многих других. Ночь Алкмены	253
Геракл, или Несчастье сильных. Его преступления	
и труды. Дом Адмета и ноги Омфалы	259
Новые подвиги Геракла. Его племянник Иолай.	
Золотые яблоки. Пророчество Прометея. Фетида.	
Судьбы и свобода воли	268
Бракосочетание Фетиды. Освобождение Прометея.	
Туника Несса. Костер Геракла	278
Ганимед. Время Водолея	286
Последние влюбленности. Олимпия. Александр	
Великий. Юпитерианцы	291
Возвращение на Олимп	295

Литературно-художественное издание

Морис Дрюон

ДНИ ЛЮДЕЙ. ДНЕВНИКИ ЗЕВСА

Ответственный редактор *Е. Гуляева*
Художественный редактор *С. Лях*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *С. Шведова*
Корректор *Е. Терскова*

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел./факс: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 26.02.2010.
Формат 84х108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 19 000 экз. Заказ № 5322

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-41387-4

9 785699 413874 >